а
№ 5 (96) 2012

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

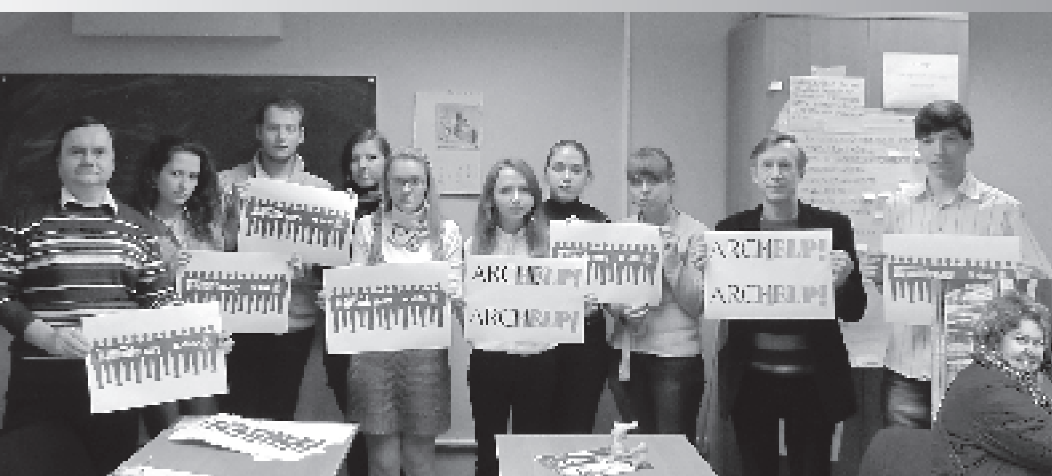
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Станем за журналістыку

Рэпарцёры з розных рэгіёнаў Беларусі адгукнуліся на заклік БАЖ і падтрымалі сусветную акцыю абароны журналісцкай прафесіі. Да акцыі «Станем за журналістыку» ў Мінску, Брэсце, Віцебску, Лунінцы, Гомелі, Салігорску, Магілёве, Бабруйску ды іншых гарадах далучыліся чытачы і падпісчыкі незалежнай прэсы, праваабаронцы.

Удзельнікі акцыі патрабавалі безумоўнага выканання канстытуцыйнага права на свабодны распаўсюд інфармацыі, выступілі ў абарону журналіста Андрэя Пачобута, супраць якога распачаты крымінальны пераслед з нагоды ягоных публікацый, выказалі пратэст супраць дзеянняў уладаў у дачыненні да часопіса «ARCHE».

Удзельнікі акцыі зладзілі фотасесіі з заклікам «Станем за журналістыку» ды накіравалі ў дзяржаўныя органы лісты з патрабаваннямі спыніць пераслед журналістаў.



абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 5 (96) 2012 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота
Photo.bymedia.net

На вокладках –
фота Guillaume Riesen (sxc.hu),
Генадзя Верацінскага (апошняя)

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 05.11.2012 г.
Дата выхаду 24.11.2012 г.
Фармат 60x84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Журналісты і сістэма

Выбранае з перапіскі

Прафесія наша рызыкоўная. Апошнім часам нават занадта рызыкоўная. Калі вы працуеце ва ўмовах жорсткай аўтарытарнай сістэмы, то не абавязкова ехаць па адрэналін у «гарачыя кропкі» ці зону баявых дзеянняў. З нечаканымі знявагай, жорсткасцю і гвалтам вы можаце сутыкнуцца ў любой постсавецкай краіне.

Фота карэспандэнта «Associated Press» Сяргея Грыца з акрываўленым вокам абышло пры канцы верасня, бадай, усе незалежныя інфармацыйныя інтэрнэт-рэсурсы і друкаваныя СМІ.

Журналіста ўдарылі ў твар невядомыя людзі ў цывільным, калі затрымлівалі на перадвыбарным пікеце ў Мінску разам з удзельнікамі акцыі і іншымі журналістамі. Супрацоўнікаў СМІ пратрымалі ў Фрунзенскім РУУС некалькі гадзін, а потым адпусцілі з пажаданнем больш на такіх акцыях не з’яўляцца: маўляў, «міліцыя можа паводзіць сябе неадэкватна». Сяргей зняў пабоі і на наступны дзень напісаў заяву ў міліцыю. 7 кастрычніка з Фрунзенскага РУУС прыйшоў адказ: «...ніхто з супрацоўнікаў міліцыі ў дачыненні да С. Грыца фізічнай сілы і фізічнага гвалту, а таксама спецыяльных сродкаў не выкарыстоўваў». Як у тым сумна вядомым жарце: сам упаў на нож, і так 17 разоў...

Сітуацыя наколькі абсурдная, настолькі ж і тыповая для найноўшай гісторыі міліцэйска-журналісцкіх стасункаў. Частка гэтай гісторыі зафіксавана ў перапісцы ГА «БАЖ» з міліцэйскімі і пракурорскімі чынамі розных узроўняў — балазе статус зарэгістраванай арганізацыі абавязвае адрасатаў афіцыйна адказваць. Мы пагарталі гэтую падшыўку і прыгадалі нашы спробы сустрэцца з міліцэйскім начальствам і цывілізавана пагаварыць.

Новы стыль «працы» сілавікоў з журналістамі быў абкатаны 9 верасня 2009 г., у часе пікета на Кастрычніцкай плошчы Мінска супраць увядзення расійскіх войскаў — удзельнікаў вайсковых манеўраў «Захад-2009». Нашы калегі былі агаломшаны нахабствам людзей у цывільным, якія хапалі іх за рукі, білі па камерах, захіналі аб’ектывы...

16 верасня 2009 г. гісторыя паўтарылася падчас акцыі з нагоды 10-годдзя знікнення Віктара Ганчара і Анатоля Красоўскага.

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» тады накіравала звароты пракурору Мінска Мікалаю Куліку і міністру ўнутраных спраў Анатолю Куляшову з патрабаваннем пакараць тых, хто аддаваў і выконваў незаконныя загады. Да звароту дадалі паўтара дзясятка фотаздымкаў з выявамі нападнікаў.

Адказ прыйшоў з Галоўнага ўпраўлення ўласнай бяспекі (ГУУБ) Міністэрства ўнутраных спраў, дзе было напісана, што «праведзена вычарпальная праверка ГУУС Мінгарвыканкама, пра вынікі якой Вас праінфармавалі ў вызначаным законам парадку». Між тым НІЯКАГА ЛІСТА пра вынікі праверкі БАЖ не атрымлівала, а на просьбы выслаць копію нам нязменна казалі, што «зараз няма такой магчымасці».

На прэс-канферэнцыі пры канцы студзеня 2010 г. міністр Куляшоў выказаў меркаванне, што людзі ў цывільным — гэта не яго падначаленыя, а правакатары, якія спецыяльна псуюць стасункі паміж міліцыяй і журналістамі.

Між тым ужо 8 лютага 2010 г. невядомыя ў цывільным зноў паспяхова змагаліся з «карцінкай» на Кастрычніцкай плошчы, дзе праходзіла чарговая акцыя пратэсту. 15 лютага ГА «БАЖ» зноў накіравала зварот на імя міністра, патрабуючы разабрацца ў сітуацыі.

Праз месяц (16 сакавіка 2010 г.) прыйшоў адказ ад міністра Куляшова — ён пісаў, што, «паколькі спецыяльных указанняў чыніць перашкоды… журналістам супрацоўнікі міліцыі не атрымлівалі, даць інфармацыю пра асобаў, што аддавалі і выконвалі такія загады, не ўяўляецца магчымым». Міністр таксама даводзіў, што на згаданых акцыях не было грамадзян, якія б «абазначылі сябе журналістамі сродкаў масавай інфармацыі».

На прэзідэнцкіх выбарах у снежні 2010 г. лік збітых і затрыманых журналістаў пайшоў ужо на дзясяткі. «Да пачатку дзеянняў праваахоўных органаў, накіраваных на спыненне супрацьпраўных дзеянняў… журналісты мелі магчымасць пакінуць месца правядзення несанкцыянаванага мерапрыемства альбо адысці на бяспечную адлегласць», — пісьмова запэўніваў ГА «БАЖ» начальнік галоўнага ўпраўлення аховы правапарадку і прафілактыкі міліцыі грамадскай бяспекі МУС В. Сінякоў. Калі нехта з іх лічыць сябе пакрыўджаным — няхай сам скардзіцца ў суд, пісаў сп. Сінякоў.

А на студзеньскай прэс-канферэнцыі па выніках працы МУС у 2010 г. міністр Куляшоў заявіў журналістам, што іх правы 19 снежня 2010 г. ніхто не парушаў, і наогул яму няма чаго саромецца за дзеянні сваіх падначаленых. На гэтай жа прэс-канферэнцыі прадстаўнікі БАЖ перадалі міністру супольны зварот з асабістымі подпісамі дзясяткаў журналістаў. Калегі не толькі патрабавалі пакараць вінаватых, але і прасілі патлумачыць, як журналістам трэба сябе ідэнтыфікаваць, каб спакойна працаваць на вуліцах. Бо стала зразумела, што ніякія пасведчанні «людзей у цывільным» не цікавяць.

Тэма «абазначэння» журналісцкай прыналежнасці стала рубам пасля «маўклівых акцый» летам 2011 г., калі затрымалі дзясяткі журналістаў у Мінску і рэгіёнах. 5 ліпеня БАЖ зноў накіравала афіцыйны ліст на імя Анатоля Куляшова з прапановай неадкладна правесці сустрэчу кіраўніцтва МУС і БАЖ.

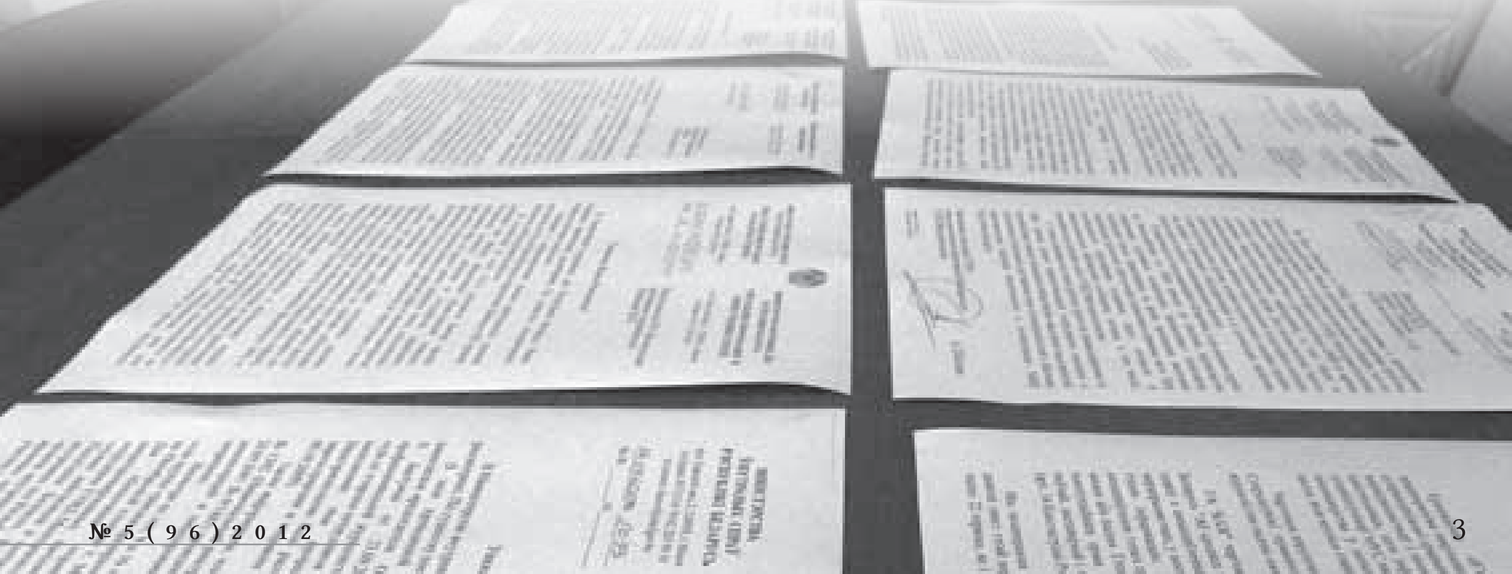
А 13 ліпеня журналісты аднеслі ў Генеральную пракуратуру свой зварот да тагачаснага кіраўніка гэтага ведамства Рыгора Васілевіча. Подпісы пад ім паставілі 30 журналістаў. Падпісанты патрабавалі ад Генеральнай пракуратуры правесці службовую праверку па фактах незаконных затрыманняў, знішчэння забраных фотаматэрыялаў і пашкоджання прафесійнай тэхнікі, а таксама прыцягнуць да адказнасці тых, хто замінае працы рэпарцёраў.

Пэўны час былі спадзевы, што «лёд крануўся». Хваля затрыманняў пайшла на спад.

Пракуратура адрэагавала на калектыўны зварот вельмі аператыўна: ужо 15 ліпеня кіраўніцтву Міністэрства ўнутраных спраў быў накіраваны ліст за подпісам генпракурора, які нагадваў пра правы журналістаў, замацаваныя ў арт. 34 закона «Аб СМІ», і падкрэсліваў, што іх нельга парушаць.

Пры канцы ліпеня асобную скаргу падало «Еўрарадыё», тры карэспандэнты якога пацярпелі ад рук супрацоўнікаў міліцыі ў цывільным. На падставе гэтай скаргі Генпракуратура 2 жніўня вынесла міністру ўнутраных спраў прадстаўленне, загадаўшы правесці з работнікамі МУС тлумачальную работу.

20 ліпеня на прэс-канферэнцыі Рыгор Васілевіч паведаміў, што вядзецца праверка



інфармацыі пра гвалтоўныя дзеянні ў дачыненні да журналістаў.

21 ліпеня намеснікаў старшыні ГА «БАЖ» Андрэя Бастунца і Аляксандра Старыкевіча прыняў тагачасны намеснік міністра ўнутраных спраў Яўген Палудзень. Вынікам сустрэчы стала прынцыповая дамоўленасць правесці пры канцы жніўня — на пачатку верасня сумесную нараду прадстаўнікоў сілавых структур і журналісцкай супольнасці.

1 жніўня 2011 г. з упраўлення інфармацыі і грамадскіх сувязяў МУС нам даслалі ліст, дзе гаварылася пра «мэтазгоднасць» правядзення сумеснай працоўнай сустрэчы з удзелам Мініфармацыі, Генпракуратуры, МУС, а таксама СМІ і грамадскіх журналісцкіх арганізацый «у мэтах выпрацоўкі адзінай пазіцыі па пытаннях, звязаных з забеспячэннем бяспекі прафесійнай дзейнасці журналістаў у часе правядзення масавых мерапрыемстваў».

8 верасня на брыфінгу начальнік упраўлення па наглядзе за выкананнем заканадаўства і законнасцю прававых актаў Генеральнай пракуратуры Беларусі Павел Радзівонаў заявіў, што «да дысцыплінарнай адказнасці за парушэнне заканадаўства аб СМІ будуць прыцягнутыя адказныя асобы». Ён адмовіўся назваць імёны супрацоўнікаў, якія будуць пакараныя, але заўважыў, што гэта «не якія-небудзь безаблічныя людзі». Сп. Радзівонаў зноў згадаў пра будучую сустрэчу «на базе Мініфармацыі, супрацоўнікаў МУС, Генпракуратуры і журналістаў».

...У тым жа верасні генпракурора Васілевіча адправілі ў адстаўку. Нельга з упэўненасцю сказаць, ці гэта стала прычынай затухання спрыяльных ініцыятываў, але больш да размовы пра супольную сустрэчу сілавікі не вярталіся.

12 снежня ГА «БАЖ» пісьмова нагадала міністру Куляшову пра планаваны круглы стол.

Адказ прыйшоў 30 снежня ад начальніка ўпраўлення інфармацыі і грамадскіх сувязяў МУС К. Шалькевіча, які пісаў, што яго ведамства «...лічыць правядзенне прапанаванай вамі сустрэчы немэтазгодным». Маўляў, пытанне пра неабходнасць «спецыяльнага абазначэння» супрацоўнікаў СМІ ў часе асвятлення вулічных акцый «не належыць да кампетэнцыі Міністэрства ўнутраных спраў». А Мініфармацыі, з якім раілася МУС, адказала, што «на сённяшні момант варта ўстрымацца ад прыняцця рашэння па пытанні ўвядзення новых формаў ідэнтыфікацыі журналістаў СМІ».

У 2012 г. тэм для размовы з міліцыяй стала яшчэ больш: сілавікі вярнуліся да абкатанай яшчэ на выбарах 2006 г. схемы палявання на журналістаў пад прыкрыццём арт. 17.1 КоАП (дробнае хуліганства). Былі затрыманыя журналісты афіцыйна акрэдытаванага ў Беларусі «Еўрарадыё», а адзін з іх, Павел Свярдлоў, нават адбыў за «нецэнзурную лаянку» 15 сутак арышту.

У жніўні гэтага года старшыня ГА «БАЖ» Жанна Літвіна і яе намеснік Андрэй Бастунец запісаліся на прыём да новага начальніка міліцыі грамадскай бяспекі Аляксандра Іоскіна. Аднак за дзень да меркаванай сустрэчы з сакратарыята чыноўніка паведамілі, што Іоскін адпраўляецца на тэрміновыя вучэнні і не зможа сустрэцца з кіраўніцтвам журналісцкага аб'яднання.

Пры спробе паўторна запісацца на аўдыенцыю старшыні ГА «БАЖ» паведамілі па тэлефоне, што не ведаюць раскладу працы Іоскіна і сумняюцца ў магчымасці сустрэчы ў сувязі з набліжэннем парламенцкіх выбараў.

Пасля гэтага кіраўніцтва арганізацыі накіравала начальніку міліцыі грамадскай бяспекі ГУУС Мінгарвыканкама Аляксандру Іоскіну пісьмовую просьбу аб сустрэчы.

Праз месяц прыйшоў адказ. Сп. Іоскін паведаміў, што лічыць узровень узаемадачыненняў супрацоўнікаў міліцыі з журналістамі «дастатковым»...

Аднак кіраўніцтва і сябры Грамадскага аб'яднання «Беларуская асацыяцыя журналістаў» так не лічаць. Таму і надалей будуць адстойваць свае права на прафесію. Хаця ў сённяшніх варунках гэта няпроста.

У нашай краіне даўно склалася парадаксальная сітуацыя: супрацоўнікі сілавых структур, якія, паводле закону, абавязаны бараніць правы, гонар і годнасць любога грамадзяніна, самі гэтыя правы парушаюць. Калі службоўцы, пераапранутыя ў цывільнае, замінаюць журналістам працаваць, яны пазбаўляюць інфармацыі не рэдакцыі, а грамадства. Такім чынам ігнаруецца канстытуцыйнае права соцень тысяч людзей, якія чэрпаюць навіны з незалежных інтэрнэт-рэсурсаў, газет, непадкантрольных ідэалагічнаму ўплыву радыё і тэлебачання.

Сённяшняй уладзе ўласціва пачуццё беспакаранасці. Супраць бесстаронняй, аб'ектыўнай журналістыкі выступае добра зладжаная, заточаная выключна на прымус сістэма. І, зразумела, нічога добрага нашаму грамадству гэта не прынясе. Жорсткая канфрантацыя — не выйсце.

Хочацца спадзявацца, што гэта разумеюць і члены Пастаяннай камісіі па правах чалавека, нацыянальных стасунках і СМІ новаабранай Палаты прадстаўнікоў. Магчыма, з іх удзелам удасца наладзіць цывілізаваны дыялог з вышэйназванымі дзяржаўнымі структурамі і вырашыць праблему. Беларуская асацыяцыя журналістаў да гэтага гатова.

Падрыхтавана па матэрыялах www.baj.by

Беларусь — как чемодан без ручки: тащить тяжело, но вряд ли кто бросит

Сергей ПУЛЬША

На втором Международном конгрессе исследователей Беларуси, прошедшем в Каунасе, наша страна обозначилась в своеобразном треугольнике. Вопреки законам геометрии, все углы в этой фигуре — острые.

Белорусскую действительность, по мнению аналитиков, определяют три игрока: Евросоюз с одной стороны, Россия — с другой, и, наконец, сам политический изоляционистский режим. И балансировать на противоречиях интересов Евросоюза и России Минску до сих пор удавалось.

Правда, как констатируют эксперты, шансов на такую удачу в дальнейшем будет все меньше и меньше.

Беларусь: самостоятельный «угол треугольника» или «политический тупик»?

Некоторые политологи, например, Андрей Суздальцев, совершенно не считают Беларусь самостоятельным игроком на политическом поле и упрекают Минск в полной политической и экономической зависимости от России.

«В период белорусско-российских кризисов Минск напоминает Москве о своем суверенитете. Но в период очередного вступления в новый интеграционный проект Беларусь оказывается в роли субъекта Российской Федерации, а Лукашенко — в роли его губернатора. И Москва этим пользуется, когда ей выгодно, — говорит Суздальцев. — Если России невыгоден конфликт с Евросоюзом, то Москва занимает очень осторожную позицию. Например, весной 2012 года, во время «демарша послов», Москва заявила, что это суверенное дело Беларуси. Но когда ситуация обостряется на чисто экономическом поле, то Москва очень жестко напоминает Беларуси, кто в доме хозяин, кто в их отношениях объект, а кто субъект. И в этом случае республика воспринимается в лучшем случае как зарвавшаяся российская автономия, которая погрязла в клановых склоках, переделе получаемых от центра дотаций, льгот и преференций».

«Товарооборот Беларуси — это на 80% российский товарооборот. За исключением соли, основную часть экспорта составляют нефтепродукты, которые вырабатываются из российской нефти, и здесь никакой внешнеэкономической независимости нет», — считает Суздальцев.

Но если Беларусь так зависима от России, почему до сих пор мы могли балансировать на интересах ЕС и Москвы, сохраняя «уникальную белорусскую модель»? Этой модели неоднократно предрекали крах, предсказывают его и сейчас. Но обещанный «коллапс», несмотря на все девальвации и деноминации, все не наступает.

Был такой старый анекдот. Собрал лев зверей и приказал: «Всем поделиться — умные налево, красивые направо». В итоге посередине осталась только обезьяна. На недоуменный вопрос льва она ответила: «Мне что, разорваться, что ли?»

Белорусы похожи на эту обезьяну, считает политический обозреватель «Радыё Свабода» Юрий

Дракохруст. Проанализировав отображение геополитического выбора Беларуси в сознании населения, он зафиксировал интересные тенденции. В периоды кризисов в отношениях с Европой белорусы начинают склоняться к интеграции с Россией, а во время различных «торговых войн» с восточной соседкой возрастают интеграционные настроения по отношению к Европе. Причем Европу белорусы воспринимают не как ближайшего соседа. «Европа для белорусов — это не Польша или Литва. Это что-то, что находится за Одером. Это Берлин и Париж, а не Варшава и Вильнюс», — отметил Дракохруст.

При этом аналитик обнаружил, что евроинтеграцию простые белорусы оценивают прагматически: в Европе жить лучше, полагают они. «А вот с Россией все не так. Даже сторонники интеграции с нею считают, что в России жить хуже», — заметил Дракохруст.

Поэтому в обдумывании варианта интеграции с Россией происходит интересная вещь. «Пророссийские белорусы не считают, что Беларусь — это Запад России. Скорее, они полагают, что Россия — это Восток Беларуси», — заявил Дракохруст. Отсюда и весьма интересное отношение к соседям: «Белорусы не считают себя россиянами, а думают, что россияне — это белорусы. Отсюда вывод: мы можем учить Россию, как жить. Упрекать россиян в том, что они растеряли старые социалистические ценности, идеологию, социальные стандарты. Но, как только начинается «прагматика», тут же слышим: «Это Россия нам должна». Должна за идеалы и за ценности, за то, что «мы вместе гнили в окопах» и так далее», — говорит Дракохруст.

Белорусы не определились с выбором, куда же им двигаться — в Россию или в Европу, констатируют аналитики. И именно эта неопределенность дает возможность государственной пропаганде умело манипулировать общественным сознанием. «В Литве был консенсус насчет геополитического выбора — они стали европейцами. Если бы большинство населения Беларуси считали себя русскими, мы давно были бы в России. Но белорусская нация не определилась с геополитическим вопросом, что и дает простор для манипуляций», — отметил Юрий Дракохруст.

Между тем, по его словам, «маятниковые качания» — в Европу или в Россию — не дают долговременного эффекта: «Во время конфликтов с Европой включается антиевропейская пропаганда, и часть населения склоняется к тесному сотрудничеству с Россией. В периоды конфликтов с Россией белорусы «бегут» в Европу. Например, возьмем кризис 2011 года: Россия нам помогла очень сильно. Пророссийские настроения сразу же пошли вверх, но через три месяца вернулись на свое место. То же самое происходит во время нефтегазовых войн. Война с Россией — объединительный тренд идет на понижение, а через три месяца все забывается».

На этих «качелях» и раскачивается Александр Лукашенко, который, по мнению Дракохруста, «всегда ведом и серфингует на настроениях людей». Отчасти эти настроения моделирует сам белорусский руководитель посредством пропагандистского аппарата. Но, как считает Дракохруст, Лукашенко осознал одну важную вещь: «Россия и Евросоюз — это два бильярдных шара, которые не могут пересечься между собой». «Власти поняли, что Беларусь в определенный момент стала ключом игры России и ЕС, и умело этим пользуются», — заявил Дракохруст.

Так что Беларусь — это хоть и слабый, но субъект политики «Россия — ЕС», а не ее объект.

Европа не знает, что делать с Беларусью?

Между тем перетащить Беларусь в Европу не получается, потому что у Европы просто нет определенной политики по отношению к восточной, все еще советской, соседке. Политолог Денис Мельянцов «разобрал по косточкам» европейские программы сотрудничества с Беларусью.

«Восточное партнерство», по его словам, находится в стадии «глубокой заморозки», поскольку эта программа «не предложила достаточных стимулов для начала трансформации Беларуси». «Дело в том, что достаточно просто было трансформировать те восточноевропейские государства, которые сейчас являются странами ЕС, поскольку они сами по себе очень хотели, высказывали желание вступить в ЕС и за предоставление такой возможности стремились и реформировать политические и экономические системы, и строить свое общество с нуля после распада социалистического блока. В отношении Беларуси это не работает, поскольку Беларусь никогда не декларировала своего желания вступить в ЕС», — заметил Мельянцов.

Еще большие проблемы возникают с программой «Европейский диалог для модернизации Беларуси», или «ДМБ», как называют его аналитики.

«ДМБ», как считает Мельянцов, — это просто «продленка для второгодника «Восточного партнерства». Поскольку продвижений в отношении Минска в рамках «Восточного партнерства» никак не получалось, Брюссель пошел на создание «эксклюзивной» программы для Беларуси. С одной стороны, это позволяет продемонстрировать, что какие-то движение, сотрудничество и коммуникация происходят, с другой — белорусский вопрос и белорусская проблематика остаются достаточно актуальными в повестке дня ЕС и внешней политике Евросоюза.

Фундаментальная разница этих программ, по мнению Мельянцова, состоит в том, что в «ДМБ» исключен компонент официоза. «Сотрудничество с правительством, официальной белорусской властью не то чтобы ограничено, но совершенно из этой программы исключено. Конечно, европейские политики сказали, что участие белорусских правительственных экспертов в этой программе возможно, но все-таки оно обусловлено политическими действиями со стороны официального Минска», — отметил Мельянцов.

И отсюда же — минусы «ДМБ». Аналитики, участвующие в работе экспертных групп в рамках «ДМБ», до сегодняшнего дня не понимают, кто будет потребителем и исполнителем тех рекомендаций и проектов реформ, которые обсуждаются. Реформы-то осуществляет правительство, а поскольку оно исключено из этой программы, то все, что делается экспертами, в основном уходит «в стол».

Кроме того, у «ДМБ» нет формализованных структур, нет институтов, переговорных площадок, которые есть в рамках «Восточного партнерства». У «ДМБ» отсутствует и обнародованный бюджет. Какая финансовая помощь может быть предоставлена в рамках этой программы — неизвестно. Эксперты, работающие в «ДМБ», действуют на общественных началах.

«Восточное партнерство» и «ДМБ» имеют сходные проблемы, которые проистекают из природы восточной политики ЕС в целом и подхода в отношении Беларуси в частности. Самое главное здесь — отсутствие инструментов влияния в регионе. Формирующаяся внешняя политика ЕС пока не умеет трансформировать авторитарные режимы. Те изменения, которые происходили в европейских странах в 1990–2000 годы, осуществлялись в рамках политики расширения. То есть эти государства были кандидатами на вступление в ЕС, им ставились цели адаптации к критериям ЕС, и они их выполняли. Сегодняшняя политика «Восточного партнерства» и внешняя политика ЕС не предусматривают включение в Евросоюз новых стран и, соответственно, не предлагают каких-то серьезных финансовых инструментов в обмен на трансформацию.

ЕС также не имеет на сегодняшний день конкретных, понятных и разделяемых всеми участниками целей по отношению к Беларуси. Отсюда — отсутствие последовательной стратегии, которая всегда проистекает из конкретных задач, констатируют эксперты.

Почему Европа не может разобраться с Беларусью?

У Европы нет нормальной внешней политики вообще, а не только по отношению к Беларуси, считает Анна Задора из Страсбургского института политических исследований.

Она отмечает, что ЕС задумывался и существует прежде всего как экономическое сообщество со своими прагматическими целями. И этому большому, в первую очередь, экономическому объединению пока не хватает политической истории и политической воли для решения геополитических задач. «Европа только пытается искать свою политику. И, конечно, Европа пытается себя легитимизировать, в том числе и через внешнюю политику», — считает аналитик.

По мнению Задоры, в Европе нет единой позиции по отношению не только к Беларуси, но и к России. Россия подписывает договоры о партнерстве с каждой страной Евросоюза в отдельности, и каждая страна ищет свой интерес в этих соглашениях. Европа не выступает единым фронтом. В таких отношениях, по мнению аналитиков, Европа выступает экономическим гигантом, но политическим карликом.

Когда нужно было искать хоть какие-то рычаги влияния на Беларусь, рассматривалась возможность диалога с Беларусью посредством России.

«Эта идея провалилась, прежде всего, потому что надо, чтобы страна-демократизатор была сама на достаточно высоком уровне демократизации, чего в России мы не видим. И потом, Европа прекрасно понимает, что у России слишком большие интересы в Беларуси, начиная от воздушной обороны и заканчивая всем прочим», — отметила Задора.

Что же касается возможных европейских программ сотрудничества с Беларусью, то, по мнению Задоры, Европа, не имея четкой восточной политики, попадает в «ловушку легитимации». С одной стороны, она не признает легитимности белорусского парламента и вообще всей белорусской власти. С другой стороны, программы сотрудничества одновременно являются еще и формой признания, формой легитимации.

Photo.bymedia.net

А Россия?

Россия никогда не бросит Беларусь, несмотря на все «торговые войны» и конфликты между руководством двух стран. Россия заинтересована в нашем суверенитете, и это проистекает отнюдь не из интересов Беларуси, а, скорее, из интересов самой России. Об этом долго говорил Андрей Суздальцев.

Беларусь получает львиную долю дотаций и преференций, которые Россия предоставляет в рамках постсоветского пространства. Есть интеграционные проекты, в которых Москва может давать серьезные авансы. Россия имеет в Беларуси ряд очень жестких своих интересов, подчеркивает Андрей Суздальцев.

«Белорусская экономика уже не может выжить в прежнем формате экономической поддержки со стороны России. Поддержка эта носит столь массированный характер, что говорить о какой-либо экономической независимости не приходится. Завершившаяся в августе эпопея с растворителями-разбавителями это продемонстрировала. Экономика Беларуси может выжить исключительно в тепличных закрытых условиях, для нее оказался опасным даже режим Таможенного союза и Единого экономического пространства», — констатирует Суздальцев.

Он отмечает, что в 2011 году в кризис Беларусь вошла, пользуясь основными российскими дотациями. «То есть ничего с республики не снимали. И тем не менее она втянулась в тяжелейший кризис, из которого выйти самостоятельно не могла. Ситуация в 2011 году была настолько сложна, что только неожиданно случившийся теракт (взрыв в минском метро. — *Ред.*) несколько разрядил ситуацию. Кто-то может со мной не согласиться, но теракт сыграл стабилизирующую роль: население стало группироваться вокруг Лукашенко», — считает Суздальцев.

Перевод отношений Беларуси и России на «рельсы прагматизма», о котором президент Путин говорил еще в 2006 году, не получился. Совсем не по вине Беларуси, считает Суздальцев. «Баланс сил между Россией и Европой в 2006–2007 годах был иным и позволял надеяться на многое. Но в 2008 году «случилась» Грузия. Европа нас (Россию. — *Ред.*) вытеснила в северо-восточный угол, и мы остались наедине с Китаем. Мы поняли, что отношения России и Европы, НАТО будут складываться сложно. Естественно, отсюда возник вопрос о новом позиционировании Москвы. Как великой державе, России необходима группировка. Поэтому был запущен тяжелый, сложный и очень дорогой интеграционный проект. ... Отсюда пошел новый этап — третья волна интеграции на постсоветском пространстве. Так началось новое возрождение политики Лукашенко», — отмечает Суздальцев.

С вводом в строй «Северного потока» и БТС-2, с переходом «Белтрансгаза» в руки «Газпрома» Россия решила проблему энергетического транзита через Беларусь. Однако союзное военно-стратегическое партнерство было в Беларуси блистательно провалено, отмечает эксперт. «Беларусь не является щитом России и тем более Москвы. Власти Беларуси очень долго скрывали все проблемы, с которыми сталкивается белорусская армия. Мы знаем, как формировали парад 3 июля, что происходит с ПВО, на границе существуют проблемы. ... Это уже не является тайной, это все есть в интернете», — заявляет Суздальцев.

По его прогнозу, сейчас России придется не только возрождать белорусские вооруженные силы, но реально брать под контроль и небо, и, возможно, границы. Это вопрос безопасности западного направления, считает Суздальцев.

«Россия жестко, я подчеркиваю, жестко заинтересована в суверенитете Беларуси. Ей нужна буферная зона между Москвой и Польшей, между Москвой и НАТО. Россия была, есть и будет заинтересована в этом всегда», — подчеркивает политолог.

Как объясняет Суздальцев, 10–15 минут нынче способны решить судьбу мира. Беларусь — главное направление на Москву. «Да, 170 километров от эстонской границы до Петербурга. Но там есть Северный флот. Там хоть как-то все защищено. Москва — это прямое направление, и в случае размещения чего-нибудь в Польше возникает серьезная угроза. И тут пяти-шести минут не будет. А у Лукашенко есть рация, чтобы предупредить Москву», — отмечает Суздальцев.

Но ведь рация может быть и у кого-нибудь другого?

Пока в игры с «другим» Москва играть не собирается. Уже попробовала — и обожглась, говорит Суздальцев.

За полтора десятилетия белорусская оппозиция так и не предоставила внятной программы экономического возрождения республики с опорой на собственные ресурсы и силы. И поэтому в Москве оппоненты Лукашенко воспринимаются как структурная часть правящего режима, которая просто воюет за передел получаемых из России финансовых ресурсов, замечает политолог.

Объективно говоря, «пилить» в Беларуси уже нечего. По мнению российской верхушки, «пилить можно то, что поставляем мы».

Давление на Лукашенко Москва «в тестовом режиме» оказывала в 2010 году. «Тогда Медведева просто за руки держали. ... Он все вспомнил — и пропавших политиков, и остальное. В итоге что? Весь политический класс Беларуси выстроился в поддержку Лукашенко. Первыми побежали националисты: «Москва на нас наступает». За ними вся оппозиция выстроилась в очередь — участвовать в выборах. Тут же появились Грибаускайте, Вестервелле, Сикорский — все появились. Ну и нам это нужно? Ну поменяем мы его. А завтра по всей Беларуси поставят ему памятники: проклятые москали задушили еще одного борца за суверенитет Республики Беларусь», — рассуждает Андрей Суздальцев.

А маятник качается...

В итоге, пока ЕС не имеет однозначной и твердой политики по отношению к Беларуси, а Беларусь будет практически бесконечно получать помощь со стороны России, — она будет находиться в «маятниковом тренде». Правда, Суздальцев утверждает, что сохранение этого «тренда» невозможно. Дескать, Россия просто не в состоянии дальше и все больше субсидировать Беларусь, поскольку у нее нет таких денег. А Европа также не может оказать Минску необходимую поддержку. Потому что получение финансов из Европы обусловлено политическими факторами и потому что европейские деньги будут несопоставимы с российской поддержкой.

Но ведь можно «отщипнуть» и оттуда, и оттуда? По-видимому, именно это сейчас пытается сделать официальный Минск, констатируют аналитики.

С одной стороны, никаких радикальных конфликтов с Россией пока нет, «растворительно-разбавительный конфликт» не перешел в «горячую фазу». Официальный Минск с обидой говорит о том, что Беларусь потеряла от вступления России в ВТО, но тут же высказывает уверенность: Москва выполнит все, что ему обещала. На подходе четвертый транш кредита ЕврАзЭС.

С другой стороны, Минск активно подает сигналы Западу о примирении: Макей (плохо ли, хорошо) выступает в ООН, власти высказали намерение создать институт омбудсмена, белорусская делегация летала в Японию на переговоры с МВФ.

Есть и третья сторона: Лукашенко заявил о сокращении госаппарата на 25–30%, повышаются цены на коммунальные услуги и транспорт. Это то, чего требуют в обмен на кредиты как МВФ, так и антикризисный фонд ЕврАзЭС.

Так что пока маятник есть, и он качается. И, похоже, все-таки может качаться до бесконечности. Как говорит Суздальцев, никто Беларусь не бросит: «Это исключено. Беларусь — это такой чемодан, который в любом случае подбирают. Бросает Россия — подберет Польша».

Photo.bymedia.net

Белорусские выборы.
Глумливое издевательство

Дмитрий ОРЕШКИН, www.ej.ru

(печатается с незначительными изменениями)

26 % белорусских избирателей проголосовали досрочно. Для тех, кто немного следит за ужимками и прыжками постсоветских избирательных систем, комментариев не требуется: речь идет даже не о фальсификациях, а о глумливом издевательстве над самой сутью выборов.

Без наблюдателей, без признаков прозрачности, при тотальном административном контроле в копилку лукашенковской гвардии изначально положено существенно больше четверти голосов. Почему существенно? Потому что эти 26 % — не от числа проголосовавших, а от общего количества всех избирателей. Если итоговая явка будет, допустим, 75 %, то эти 26 % составят более трети от всех как бы голосовавших. Точнее, 34,7 %. Имея такую фору на старте, проиграть невозможно.

Да кто б сомневался. Наша российская электоральная администрация действует (пока еще) чуть скромнее. Досрочное голосование (равно как и голосование на дому, что практически то же самое: главная особенность трюка — отсутствие независимого контроля) по максимуму достигало лишь одной пятой. Рекорд на президентских выборах поставила Тамбовская область — 20 % проголосовали на дому. И, понятное дело, именно здесь отмечен самый высокий результат за Путина среди регионов Центрального федерального округа — 72 %. Уберите накрученные «дома» 20 процентов и получите относительно правдоподобную оценку тамбовского рейтинга Путина — около 52 %. Начальник тамошней избирательной комиссии, отличившийся умом и сообразительностью, получил повышение и теперь будет руководить избирательным процессом аж в самом Петербурге. Интересно, удастся ли ему вогнать столичный Питер в прокрустово ложе тамбовской электоральной культуры?

Проблема проста. Культура есть комплекс общепринятых норм поведения. Самоочевидная социальная норма. Так вот, Тамбовщина весь этот цирк с надомным голосованием смиренно проглотила. Как привычную норму. И Беларусь проглотит. Избиратели, пресса, члены избирательных комиссий — каждый скушает по своему кусочку. Так принято: сиди, не высовывайся, плетью обуха не перешибешь.

Только Москва, самый продвинутый регион, в декабре поднялась на дыбы. И власть как существо, тоже

погруженное в некоторую социокультурную среду, сделала для себя выводы. Наиболее примитивные методы фальсификата — в том числе вульгарное переписывание протоколов — в Москве после декабрьских митингов перестали применять.

Зато изобрели голосование по спискам «непрерывного производственного цикла». Суть все та же: ответственность за список лежит на руководстве предприятия. Независимо проконтролировать, как он там составил список и каким образом убедил людей голосовать, невозможно.

Руководитель лучше всех понимает, что попытка перешибить плетью обух икнется его бизнесу и ему лично кучей неприятностей. Может, и противно — а куда денешься. И наблюдатели тоже ничего поделать не могут: приехала на автобусах группа товарищей в 150 человек со списком, и проголосовали как один.

Без индивидуальных открепительных талонов, которые, по идее, должны быть погашены после выдачи бюллетеней. Где гарантия, что автобусы с тем же списком не двинулись потом на другие участки и не проголосовали там еще разок-другой? Нет такой гарантии.

Но даже не в этом беда. Проблема в возрождении принципа круговой поруки времен крепостного права. Если человек голосует сам по себе, — это одна история. А если в стае — совсем другая. Кому охота подставлять себя, трудовой коллектив и портить отношения с руководством? Все смотрят друг на друга. И друг за другом. Ты что, самый умный? Делай, как велят, — все равно от нас ничего не зависит…

С точки зрения культурологии, голосование по «особым спискам» — попытка имплантировать в городскую среду фрагменты деревенского (в данном случае производственного) общинного поведения. Голосование «всем миром» уничтожает чувство личной ответственности и перекладывает ее на трудовой коллектив. Как бы. А на самом деле на начальника.

Кстати, вы замечали, что, чем авторитарнее стиль руководителя, тем больше он любит поговорить о коллективизме и сплоченности и тем меньше склонен терпеть в коллективе ярких людей, способных составить ему конкуренцию. Дело понятное, вполне житейское.

Механика сработала: в Москве к 4 марта вдруг появилось огромное количество производств «непрерывного цикла». Такие как сети магазинов «Техносила», «Рио» или, например, труженики охраны и пищеблока МГУ. Раньше все они почему-то могли голосовать в индивидуальном порядке — кто кому симпатизирует. Многие, конечно, вообще на выборы не ходили. А теперь — шалишь, непрерывный производственный цикл!

Даже если ты в Москве не прописан (как большинство охранников, рыночных торговцев и другого обслуживающего персонала) — стройными рядами, единодушно, под чутким руководством, с чувством глубокого удовлетворения…

Но даже со всеми этими хитростями в Москве Путину не удалось натянуть больше 47 %. Ибо все-таки Москва, а не Тамбов. И не синеокая Беларусь. Где, кстати, Минск тоже показал самую низкую явку — ну а итог там все равно нарисуют.

Ничего личного: в Тамбове или в Беларуси люди ничуть не дурнее москвичей. Все прекрасно видят и все понимают. Просто там другая социокультурная среда. Значительно более жесткая. Условный «Уралвагонзавод», начальству которого все индивидуальное и независимое искренне чуждо и отвратительно. Оно, начальство, свято убеждено, что искони имеет право вещать от имени всего трудового коллектива.

Хотя бог его знает, кто и что там в трудовом коллективе на самом деле думает про свое и про московское руководство. Разное, наверно, думают. Но предпочитают помалкивать — здоровее будет. И понятно: там качать права в два-три раза страшней, чем в столице.

Вылетишь с работы с негласным волчьим билетом — и все двери Нижнего Тагила для тебя закрыты. А каково людям в Чечне? Тоже ведь далеко не дураки. В Москве совсем другое дело: всех дырок не заткнешь, да и охотников затыкать не так уж много. Воздух города делает свободным. Это необратимо. Но медленно.

Поэтому Путин, даже если исходить из официальных данных Центризбиркома — президент провинции. Как и Лукашенко. Чем депрессивней и послушней регион, тем выше официальная поддержка. У нас максимум был в Чечне (99,8 %), а минимум — в Москве и Калининграде (по 47 %).

Отсюда понятное стремление власти превратить всю страну в одну смиренную провинцию. Затолкать электоральный Петербург в сапог электорального Тамбова. Сделать из более-менее подвижной (пока) России неподвижную Беларусь. С собой, любимым, во главе. На их языке это называется «обеспечение социальной стабильности». Все во имя человека, все во благо человека. Себя, бедняжки, не жалеют, убиваясь на галерах.

Нет, не сработает. Точнее, сработает, но по-советски. С тем же циклом, но сильнее сжатым по времени. Сначала застой с едва заметными признаками загнивания, потом все более очевидное отставание от сохранивших конкурентные отношения (и, следовательно, стимулы к обновлению) соседей. Со все более отчетливым запахом тлена.

Потом понемногу — бегство капиталов и квалифицированных людей, необратимое погружение в глобальную периферию, неизбежные попытки возродить цензуру и «железный занавес» (само собой, под победный гром барабанов и перманентный подъем с колен). И, в конце концов, очередной коллапс и лихорадочная попытка догнать соседей.

Если система неспособна обновляться под воздействием внутренних факторов, она будет вынуждена трансформироваться под воздействием внешних. Нет внутренней конкуренции — грохнемся под влиянием внешней. Сравните Северную Корею с Южной; Финляндию с отторгнутыми у нее в 1940 г. территориями Карельского перешейка; Восточную Германию с Западной. Но это когда еще будет! Лет через 5, не раньше. А пока — любыми средствами сохранить власть. Нефть и газ стоят много, кормиться есть на чем. Живем, не тужим.

Только не надо про вековечную лень и глупость русского народа. Посмотрите, какой фонтан креативной энергии его выдающиеся представители демонстрируют,

когда есть личный стимул. Чего только наш смекалистый соотечественник не изобретет, чтобы сохранить свою задницу в теплом кресле администратора. Как умно и ловко они седлают кривую козу, чтобы объехать законы о выборах!

Везде по-разному, с неподдельным энтузиазмом, творчески. На нефтегазовых северах — досрочное голосование 18 %. В Тамбове — на дому 20 %. А в Чечне и Ингушетии — досрочно и на дому до 1 %: зачем размениваться на пустяки, если можно сесть, да и просто нарисовать.

В Москве «списки». А вот в Питере двинулись сразу по всем направлениям: «фантомные участки» принесли Путину 104 тыс. лишних голосов, «ночной фальсификат» (переписывание протоколов) еще 100 тыс., ну и около 94 тыс. добавило голосование на дому. Из официального городского результата в 1400 тыс. голосов около 300 тыс. Путину приписано. И, что характерно, Петербург это проглотил. Не без тошноты и кашля, но все же.

То есть инновации бьют ключом. Вот недавно Центризбирком предложил прикрепить наблюдателей к конкретным участкам и регистрировать не позднее чем за 2 недели до выборов. Чтоб наблюдателю из Москвы, допустим, в Красноярск надо было слетать дважды: один раз для регистрации, второй уже для участия. Разве не свежо? Чего только не выдумают, когда есть живой личный интерес.

В этом главная особенность и сила путинского режима. Они ж не за страх, как при Сталине, ... а за совесть трудятся. Место при власти благодаря новым ресурсам рыночной экономики стало раз в десять хлебней, чем при совке. От начальственных коттеджей и черных лимузинов с охраной не продохнешь. Не то, что в Советах, когда у номенклатуры своего было всего ничего: казенная квартира в доме из желтого кирпича, казенная черная «Волга» с шофером да пыжиковая шапка и дубленка по спецталону.

Ну еще порой возможность выехать на загнивающий Запад за тряпками для любимых женщин. Ни тебе домика в Испании, ни трех гектаров с личной конюшней и видом на море в заповедном лесу, ни детишек в Оксбридже. За такие пироги — да как же и не порадеть родному руководству с электоральной отчетностью?!

Так что не надо грязи: с творческой жилкой у соотечественников полный порядок. Просто она ориентирована не на создание и расширение своего, допустим, торгового дела, строительного бизнеса или программного продукта, а на любимую вертикаль. Которая так замечательно устроена, что все эти жалкие торговцы, строители и компьютерщики сами принесут все, что надо, к твоему высокому порогу. И еще покорнейше попросят принять. Оказать уважение, не побрезговать.

Самая что ни на есть либеральная модель, только не для всех. И вывернутая наизнанку: люди, как везде, действуют в первую очередь в своих личных интересах. Но интересы эффективнее и быстрей всего реализуются не через создание новых производств, услуг или идей, а через принадлежность к власти.

Кто контролирует территорию, тот с нее и кормится. Не забывая сверху вниз рассказывать про патриотизм и необходимость сплотиться. Понятно, такая система обречена проигрывать другим, где власть не является самой выигрышной формой бизнеса. Там лидерскую ренту обеспечивают поиск и внедрение индустриальных инноваций, а здесь — устранение конкуренции и укрепление властных привилегий. Естественно, весь творческий потенциал элиты в таких условиях будет направлен на фальсификацию. Что в советскую эпоху, что в постсоветскую, путинско-лукашенковскую.

Члены наблюдательной миссии ОБСЕ уже заявили, что белорусские выборы были несправедливыми и проходили под грубым административным давлением. Что святая правда. А миссия СНГ, напротив, признала их честными, равными и вообще замечательными. Что очевидная ложь. А нечего им со своим европейским рылом соваться в наш суверенно-калашный ряд и раскачивать галеру номенклатурной стабильности! Или, как выражаются в Минске, хрустальную вазу Беларуси. Которую г-н Лукашенко бережно несет в своих сильных руках.

Интересно, как называется аналогичный сосуд с драгоценным содержимым в КНДР? Ведь непременно должен быть. Что-то они там обязаны трепетно хранить, передавая, как эстафету, от ветеранов подрастающему поколению. Любой ценой защищая от происков. Не щадя самой жизни, до последней капли крови. Иначе как объяснишь нищету населения и насущную необходимость еще тесней сплотиться вокруг любимой власти?

Эти сильные и смелые люди будут грести до конца — под себя, под себя, конечно. Покуда галера не сгниет и ваза не расколется. Как завещал великий Сталин, который лично владел и распоряжался самой большой в мире частной собственностью размером в одну шестую часть суши. У нас гребцы побогаче, в Беларуси поскромнее — опять же, по сталинским заветам. Но в любом случае живут много лучше рядовых бойцов трудового фронта. Меж тем в Латвии и Эстонии — при всех очевидных проблемах и кризисе — среднемесячный доход населения составляет порядка тысячи евро. А у нас порядка пятисот-шестисот, при примерно равных ценах.

В хрустальной вазе Беларуси никак не догребут до давно обещанных Александром Григорьевичем пятисот долларов. Т. е. в пересчете на евро до четырех сотен. При том что в странах Балтии природных ресурсов шаром покати, а у Лукашенко кроме российской нефти есть еще запасы калийных солей, которые нынче тоже в цене. Про природные кладовые России и говорить нечего.

Зато стабильности и блистательных перспектив — хоть ложкой ешь. Такая, видать, у нас общая историческая судьба. Такие и выборы.

Приключения норвежцев в Беларуси

Эдуард МЕЛЬНИКОВ,
mediakritika.by

«Прошедшие парламентские выборы были одними из самых спокойных в новейшей истории Беларуси» — цитата из выпуска новостей «Euronews». Телеканал выдал это не как мнение кого-либо, а как данность, не подлежащую сомнению. Тем самым изменив своему (и общеевропейскому) правилу представлять различные точки зрения, в том числе взаимоисключающие.

Но иных мнений и быть не могло: выборы действительно прошли спокойно. С этим согласится и представитель власти (само собой!), и любой самый оголтелый оппозиционер.

В эти несколько дней у меня была великолепная возможность еще раз убедиться в том, на чем покоится знаменитая белорусская стабильность. Детали нашего образа жизни говорят больше и красноречивее, чем все громкие политические лозунги и заявления.

Ойстен Боген, репортер Норвежского общественного канала «TV 2», вместе с оператором Оге Ауне прилетели в Беларусь, чтобы рассказать, как избирается парламент нашей страны. Чтобы жители Норвегии из первых, что называется, рук получили информацию о том, как это происходит. Я помогал коллегам выполнить их миссию и ниже приведу лишь краткую хронику основных перипетий нелегкой репортерской судьбы в такой стране, как Беларусь.

Приключения начались уже в аэропорту. За день до прилета коллег, увидев серию рейса из Москвы (SU 1830), я почувствовал неладное.

SU, Soviet Union — так раньше называлась великая советская страна на английском языке. Для меня это прозвучало как нехорошая примета. Так оно и оказалось. У норвежских журналистов не было заранее оформленных белорусских виз. В белорусском посольстве в Швеции они их получить не могли (последствия инцидента с плюшевыми мишками), но из белорусского МИДа им любезно сообщили, чтобы они не волновались: визы оформят по прилете в Минск, прямо в аэропорту.

Прилетев рейсом, который считается «внутренним» (поскольку Союзное государство!), норвежцы не увидели пограничного контроля и таможни. Закрыт был и консульский пункт. Оформлять визы было некому. Не получив никаких разъяснений, они вышли к нам уже... нарушителями. Это выяснилось в отеле «Европа», где норвежских журналистов отказались заселять и настоятельно рекомендовали им немедленно отправляться в районный отдел по гражданству и миграции. Начальник ОГИМ доходчиво довел до сведения, что за нарушение визового режима полагается штраф до трех базовых величин после составления протокола об административном правонарушении.

На все вопросы, почему это стало вообще возможным (ведь аккредитацию МИДа норвежцы получили без затруднений), вразумительного ответа не было. МИД — это совсем другая парафия. Товарищ подполковник милиции любезно попросил нас подписать протоколы и отправляться в банк для оплаты штрафа. При этом его больше всего беспокоило, не возражают ли иностранцы против наказания, поняли ли они, за что наказаны и нет ли у них каких-либо замечаний.

Ойстен и Оге молча подписали бумаги. Они не возражали, они все поняли, и у них не было замечаний.

После беготни с оплатой штрафа, виз и страховок милые огимовские девушки вклеили в красные паспорта норвежцев бледно-желтые белорусские визы. При этом выяснилось, что визы, с учетом штрафа, обошлись им дешевле. Это радовало. Напутствуя, нас утешили, что такие случаи в практике ОГИМа происходят почти ежедневно.

Выйдя на улицу, норвежцы вздохнули вполне законно. Они перестали быть нарушителями.

А ведь их могли арестовать, как это, судя по рассказам коллег-журналистов, случалось с другими бедолагами.

Драгоценный день, один из четырех, прошел.

Назавтра норвежские репортеры отправились порасспрашивать белорусских граждан о том, как они относятся к празднику

демократии — выборам, за кого собираются голосовать и т. д. Ойстен и Оге серьезно относились к своей задаче и честно пытались прояснить ситуацию. Но из этого не получилось ничего путного. Наши люди шарахались от камеры, как от чумы, и только одна смелая девушка с неподражаемой искренностью заявила: «Ну какое у меня может быть мнение? Мне ведь только 18!»

Зато у норвежцев состоялся разговор с человеком в форме, который возник ниоткуда, как только Ойстен и Оге начали снимать памятник Ленину на площади Независимости. На фоне чугунных ботинок вождя человек в форме доходчиво разъяснил, почему нужно прекратить съемку и стереть все записанное: он является лицом режимным и не должен быть в кадре. Товарищ проявил недюжинные технические познания и лично проследил, как именно удаляются отснятые материалы.

У меня как лица совершенно «не режимного» возникли в тот момент вполне закономерные вопросы. Если ты такой секретный и тебя нельзя снимать, то какого рожна ты сам выскакиваешь и лезешь под камеру? Или в нашей стране чугунный товарищ Ленин тоже стал режимным объектом? Но задавать их я все же не решился…

Пройдя от площади Независимости Ленина к Русскому театру, мы увидели необычное. На ступеньках беседовали мужчины в военной форме сороковых годов и женщины в соответствующих костюмах и с прическами того времени. Стояли раритетные машины «Эмка» и «Полуторка», а также ЗИС-110.

Как выяснилось, российские кинематографисты снимали художественный фильм о Василии Сталине, сыне отца всех народов. У Ойстена и Оге загорелись глаза: расспросить российских киношников о замысле фильма — это ведь так интересно! Но второй режиссер фильма, проконсультировавшись с первым и самым главным здесь, четко заявил, как отрезал: «Мы не можем давать интервью без согласования с нашим начальством, а оно — в Москве». Очевидно, над всем этим местом (включая «Володарку» с ее башней и колючей проволокой) витала тень генералиссимуса. Она надежно охраняла стабильность на вверенном ей участке.

А вот где был разгул демократии — так это на Комаровке! Площадь перед рынком выглядела неузнаваемо. «Картинка» что надо: многоцветье торговых рядов и развевающихся флагов: белых — «Белой Руси», трехцветных — БРСМ.

Оглушительно ревели динамики, транслируя песни народов СССР, коллективы в национальных костюмах исполняли грузинские, молдавские и, конечно, белорусские танцы. Динамики были расположены продуманно. Метров через пятьдесят от первых, ближе к сезонному рынку, участок площади оглашался ревом других динамиков, которые без малейших пауз транслировали «Лявониху» и другие польки, под которые крутились, как заведенные, молодые люди и стройные девушки в национальных костюмах. Рев был настолько мощным, что говорить можно было, только крича прямо в ухо. Звук, идущий из портативных мегафонов кампании «Говори правду», казался комариным писком.

Неприметный молодой человек крутился возле некляевского пикета, снимая всех, кто подходил и вступал в беседу. Когда на него направили камеру, он в свою очередь направил на нас свою, и сразу вспомнилось: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я».

Норвежские коллеги с увлечением снимали. Они подошли к ровному строю БРСМовцев, которые смотрелись очень хорошо: ясноглазые, приветливые, в форме своей организации, со значками, с флагами на длинных удилищах. Лукомольцы очень доходчиво разъясняли иностранным корреспондентам суть происходящих событий и их демократическое значение. Но благость картинки вдруг распалась: растолкав рослых БРСМовцев, к объективу камеры прорвалась старушка и, потрясая кулачком, закричала что-то про проклятое начальство, которое о народе не думает совсем и пр. и пр. БРСМовцы вежливо переждали это неожиданное выступление и ровными, размеренными голосами продолжали говорить хорошие вещи, позитивные.

На территории открытого сезонного рынка мы наконец испытали несказанное облегчение: рев динамиков остался позади. Вокруг шла обычная, повседневная жизнь минчан: люди покупали овощи-фрукты, мясо-молоко и спешили к себе домой. Однако попытки расспросить их о житье-бытье опять ни к чему не привели: завидев оператора, они по широкой дуге огибали его, а

Photo.bymedia.net

если камера встречалась на пути, то люди отмахивались и, отвернув лица, спешили выбежать из кадра. Неужели у нас весь народ «режимный», и ему нельзя показывать свое лицо?

В день выборов мы с норвежцами решили выехать из столицы. Погода была мерзкая: сильный ветер сыпал в лицо мелким дождем. Но у шоссе, километрах в двадцати от Минска, стояли женщины и торговали чем бог послал: картошкой, морковкой, яблоками. В баночках предлагались соленья-грибочки, салатики домашние. В пластиковых бутылках — молоко.

На вопрос заезжих корреспондентов, проголосовали ли они сегодня, женщины сознательно ответили, что еще успеют, но обязательно-обязательно... Впрочем, отвечали только те, у кого мы вознамерились купить яблочки. Остальные, накинув капюшоны, отвернулись и отошли под сень густых сосен.

Избирательный участок, расположившийся в конторе местного сельскохозяйственного предприятия, встретил нас... задушевной лирической песней. В тесном коридоре лицом к двери стояла женщина и под фонограмму «минус один» исполняла нечто трогательное, берущее за душу. Правда, не было понятно, для кого: у стены сидели всего две девушки. Участок был пуст, если не считать членов комиссии и двух человек в форме: одного — в милицейской, другого — в общевойсковой. Товарищ старший лейтенант милиции, поинтересовавшись, кто такие пожаловали, уведомил: «Пойду, сообщу», — и взялся за телефон (или рацию, я не рассмотрел).

Председатель комиссии, понимая, что безлюдье участка совсем не символизирует праздник, со вздохом объяснил: «Дождь, погода плохая. Попозже распогодится — люди подтянутся». Но тут же, выйдя на крыльцо, вместе с помощником стал активно тыкать в кнопки телефонов. Как выяснилось, не зря. Небесная канцелярия смилостивилась: буквально через пятнадцать минут появились запыхавшиеся три женщины и двое мужчин.

Они чинно опускали листочки бюллетеней в прорезь урны, но на вопросы, знают ли того единственного кандидата, за которого проголосовали, ничего вразумительного ответить не смогли. И лишь на соседнем участке, где народу было побольше, одна совсем молодая девушка на прямой вопрос Ойстена: «А есть ли выбор, если кандидат — один?» — ответила не по годам зрело: «Конечно! Можно голосовать "за", а можно и "против"!» Правда, и она не смогла объяснить, за кого проголосовала только что.

Были еще встречи и интервью, но они свидетельствовали все о том же: страна пребывает в глубоком анабиозе. И это было самое главное впечатление. Когда я сообщил норвежским телевизионщикам, что состоится пресс-конференция с г-жой Ермошиной, они не стали готовить свою технику: это их не интересовало. Потому что они знали о ситуации из первоисточников. А слова г-жи Ермошиной растиражируют информационные агентства.

И г-жа Ермошина не подвела. Мы все узнали, что выборы не состоялись только на одном участке. На всех остальных все прошло успешно. Мы в этом и не сомневались. Не сомневаются сейчас и граждане Норвегии. Потому что норвежские репортеры честно выполнили свой долг и показали, как на самом деле все происходило.

А через два дня у соседнего со мной банка выросли первые очереди за валютой.

Праздник демократии закончился. Начались будни.

Фото А. Германович

Сусветныя СМІ і мы

У кантэксце 64-га Сусветнага газетнага кангрэса і 19-га Міжнароднага форуму рэдактараў

World Association of Newspapers and News Publishers

Кангрэс і форум — адна падзея, а не дзве. Ці, кажучы трапнай рэкламнай прымаўкай, два ў адным. WAN-IFRA (Сусветная асацыяцыя газет і выдаўцоў навін) аб'ядноўвае болей за 800 тысяч друкаваных СМІ, 13 тысяч анлайн-выданняў і 3 тысячы кампаній са 120 краін свету.

Аляксей КАРОЛЬ, «Новы Час»

Фармат

Выдаўцы і журналісты разам — гэта лагічна: адна сфера дзейнасці, адзін інфармацыйны прадукт і набор інструментаў для яго вытворчасці. Мэты і задачы, што супадаюць, хаця і істотна адрозніваюцца: бізнес — для выдаўцоў, кантэнт — для рэдактараў і журналістаў. Аднак і тут вектары інтарэсаў сыходзяцца ў адной кропцы — на чытацкай аўдыторыі.

Маштаб кангрэса — больш за тысячу ўдзельнікаў са 103 краін свету з усіх кантынентаў. Найбольш журналістаў і выдаўцоў было ад Украіны (135) і Расіі (76). Прафесійны змест — абмен ідэямі, досведам і тэхналогіямі, асэнсаванне сябе ў сістэме каардынат сусветных СМІ, наладжванне сумесных праектаў. Палітычны прэстыж кангрэсаў WAN-IFRA, апрача ўсяго іншага, выяўляецца ў факце ўдзелу ў цырымоніі іх адкрыцця прэзідэнта той краіны, дзе адбываецца падзея.

Пазіцыя — адданасць прынцыпам дэмакратыі і свабоды слова, служэнне грамадству, а не ўладам і карпаратыўным групам. Менавіта з гэтай прычыны месцам правядзення кангрэса і форуму заўсёды абіраюцца толькі свабодныя краіны. Але ўсімі магчымымі сродкамі заахвочваецца ўдзел прадстаўнікоў незалежных СМІ з несвабодных краін. Галоўная прэмія WAN-IFRA называецца «Залатое пяро Свабоды». Яна не ўтрымлівае грашовага складніку, але мае выключную маральную вагу.

Сёлета лаўрэатам прэміі стала мексіканская журналістка і пісьменніца Анабель Эрнандэс, якая апублікавала серыю нарысаў і выдала кнігу пра злачынствы наркакартэляў, якія, на яе думку, у Мексіцы цалкам зрасліся з уладамі. У чуйнай цішыні зала слухала незвычайную па моцы слова і эмацыйнай напружанасці прамову Анабель. Ад рук наркамафіі ў Мексіцы з 2006 года загінулі 44 журналісты, у тым ліку 5 — сёлета.

Сярод лаўрэатаў «Залатога пяра» значыцца і Беларуская асацыяцыя журналістаў. У 2010 годзе ў сусветным газетным кангрэсе WAN-IFRA прымалі ўдзел два беларускія журналісты, у гэтым — сем.

Свабода слова

Менавіта праблема абароны і пашырэння межаў свабоды слова і вызначае грамадскую вагу

кангрэса. Вострыя куты гэтай праблемы з відавочнасцю выявіліся і на сёлетнім кангрэсе ў Кіеве.

Падчас прывітальнай прамовы прэзідэнта Украіны Віктара Януковіча ў зале ўзняліся больш за дзясятак украінскіх журналістаў з руху «Стоп цэнзуры!» з плакатамі супраць збівання рэпарцёраў ва Украіне, выдалення з кабельных сетак тэлеканала «TVi», закрытага суда над забойцамі журналіста Георгія Гангадзэ і ўзмацнення палітычнай цэнзуры на тэлебачанні. Да рэдактаркі «Украінскай праўды» (той самай газеты, дзе працаваў калісьці Гангадзэ) кінуўся ахоўнік і вырваў плакат. Бараніў жа ўкраінскую каляжанку, захіляючы сабой, беларускі журналіст Павел Шарамет, які апынуўся побач. Пазней арганізатары кангрэса выбачаліся за інцыдэнт, а кіраўніцтва дзяржаховы ўвогуле адхрышчвалася: маўляў, там працавалі прыватныя ахоўныя структуры.

Пакуль яшчэ, як тлумачылі беларускім калегам украінскія журналісты, наступ на дэмакратычныя правы ва Украіне носіць прыхаваны характар і не набыў незваротную спеласць. Палітычная сітуацыя пярэстая, а сіла супраціву, асабліва ў заходняй частцы Украіны, дастаткова моцная.

Ці не таму пра спрыянне свабодзе СМІ мусіў гаварыць рытуальныя словы з трыбуны кангрэса і Віктар Януковіч, а віцэ-прэзідэнт Украінскай асацыяцыі выдаўцоў перыядычнай прэсы Барыс Ложкін адпрэчваўся ад праўладнай ангажаванасці?

Свае параўнальныя фарбы ў палітру барацьбы за свабоду слова дадала сустрэча журналістаў незалежных СМІ з Беларусі, Гватэмалы, Бірмы (М'янмы), Зімбабвэ, Замбіі. Розныя краіны і кантыненты, адрозныя традыцыі і менталітэт, але дзіўнае падабенства ў тактыцы і метадах задушэння незалежных СМІ дыктатарскімі рэжымамі: напады на рэдакцыі, арышты, забарона газет, эканамічны ціск, выгнанне ў эміграцыю.

З пэўнымі, зразумела, мясцовымі асаблівасцямі. Так, офіс самай уплывовай газеты ў Зімбабвэ, якую выдаваў саратнік Мугабэ, узарвалі, калі яе галоўны рэдактар перайшоў у апазіцыю да прэзідэнта. Пасля некалькіх арыштаў і нападаў рэдактар уцёк з краіны і ўжо шмат год выдае газету за мяжой, тыражом ад 60 да 250 тысяч асобнікаў, і перапраўляе ў сваю краіну.

Але большасць эмігранцкіх СМІ працуе на свае краіны ў лічбавым фармаце. Дастаткова эфектыўна, з высокім ахопам карыстальнікаў. Знакам надзеі за нашым невясёлым сталом прагучала гісторыя журналіста з М'янмы, які толькі нядаўна, праз 24 гады эміграцыі, урэшце змог вярнуцца на радзіму, дзе рэжым пад ціскам унутраных і знешніх абставін змушаны быў скасаваць ці не ўсе абмежаванні на дзейнасць СМІ.

Тэма свабоды слова, прычым насуперак намаганням мадэратара Барыса Ложкіна, дастаткова моцна прагучала на заключнай сесіі кангрэса, якая называлася «Рынак новых магчымасцей: медыятрэнды ў краінах экс-СССР». Гэтая праблема папросту прарывалася на паверхню, бо якія ж магчымасці, калі няма свабоды? Змест дыскусіі будаваўся пераважна вакол сітуацыі ва Украіне і Расіі. Але лёгка накладаўся на сітуацыю ў Беларусі. Беларускія журналісты з сумам праводзілі паралелі: у іх суседзяў захавалася больш свабод, аднак якое пазнавальнае падабенства тэндэнцый! Ці хопіць калегам сіл і часу, каб спыніць наступ таталітарызму?

Як бы тое ні было, але рэжыму Януковіча ўдалося ўсё ж знівеляваць на кангрэсе тэмы дэмакратычнага развіцця СМІ і свабоды слова і выкарыстаць мерапрыемства на свой піяр. Як падзею, што нароўні з сусветным футбольным чэмпіянатам сведчыць пра прызнанне палітыкі ўкраінскага прэзідэнта сусветнай супольнасцю.

Страчанае і набытае

Наша кропка адліку — небывалы чытацкі бум інтарэсу да разняволенай прэсы пачатку 1990-х, калі імгненна ўзніклі сотні новых выданняў, а тыражы асобных сігануглі за сто і болей тысяч экзэмпляраў, калі на тэлебачанні з'явіліся і збіралі каля экранаў тысячы людзей такія палітычныя перадачы, як «Пульс» Анатоля Майсені, «Праспект» Паўла Шарамета. Першы загінуў пры дзіўных абставінах у аўтамабільнай катастрофе. Другі, пасля арышту, быў вымушаны з'ехаць у Расію. Незалежная прэса пад рэпрэсіўным эканамічным і палітычным ціскам зменшылася да пары дзясяткаў агульнанацыянальных і рэгіянальных выданняў. Шмат журналістаў прайшлі праз затрыманні, арышты, штрафы і суды, некаторыя былі вымушаны эміграваць.

Так была спынена рэальная жывая тэндэнцыя станаўлення беларускай мадэлі якаснай журналістыкі. Прапагандысцкі ж архіпелаг некаторых буйных афіцыйных СМІ наогул адвярнуў, адвучыў ад цікавасці да СМІ ці не мільёны людзей. Гэта

культурная катастрофа, паўза ў дынаміцы развіцця, выпадзенне з сусветнай медыйнай прасторы.

Прыкладаў таго, чаго б мы маглі дасягнуць за мінулыя 18 гадоў, кангрэс нам прадэманстраваў нямала. Пакінем за дужкамі сусветна вядомыя брэнды накшталт «The Times» і «Bild», хаця іх досвед выключна цікавы і варты пераймання, пры пэўнай, зразумела, адаптацыі.

А вось прыклады з параўнальных па маштабе краін вельмі паказальныя. У прыватнасці, досвед шведскай газеты «Svenska Dagbladet», якая правяла рэарганізацыю і выйшла на тыраж у 400 тысяч экзэмпляраў, ці медыякампаніі «Verdens Gang» у Нарвегіі, што ўзнікла тры гады таму і ўжо выйшла ў лідары ў мабільным інтэрнэце, ці развіццё найбуйнейшай газеты на каталонскай мове ў Іспаніі.

Мы маглі б зараз быць абсалютна сучасным сегментам у агульнай еўрапейскай і глабальнай медыйнай прасторы. Аднак страты нашы, нягледзячы на драматычны маштаб, не з'яўляюцца непапраўнымі. Кангрэс даў нам параўнальны фон, які дазволіў прыйсці да высновы, што менавіта недзяржаўны медыясектар у Беларусі здолеў не адстаць ад сучасных тэндэнцый і дасягненняў у сусветнай медыяпрасторы. Насуперак рэпрэсіўнаму ціску, іншым разам ад безвыходнасці.

Некаторыя незалежныя газеты сышлі ў інтэрнэт. Прычым адбылося гэта на першай фазе фарміравання ў свеце новых тэхналогій, якія ў Беларусі наогул знаходзіліся ў эмбрыянальным стане. Улада не ўбачыла ў тым пагрозы. Але час ішоў, беларускія піянеры інтэрнэту працавалі, цягнуліся за цывілізаваным светам, у некаторых сваіх вынаходствах нават з апярэджаннем. Напрыклад, рэдакцыя закрытага ўладамі часопіса «Студэнцкая думка» прыдумала яго мультымедыйны варыянт на дысках, які на сённяшні дзень выходзіць у інтэрнэце пад назвай 34 mag.net.

Утрымаліся і друкаваныя выданні, заснаваўшы на пэўным этапе і свае інтэрнэт-версіі, якія развіваюцца зараз у сучасным мультымедыйным фармаце. Прарыў здзейсніла «Наша Ніва», прычым падвойны, заваяваўшы шырокую папулярнасць як беларускамоўны СМІ.

Парадаксальным чынам да адпаведнасці сучасным агульнасусветным тэндэнцыям друкаваныя беларускія незалежныя газеты вывеў і той факт, што праз ціск і недахоп сродкаў многія СМІ не змаглі выходзіць штодзённа, ператварыўшыся ў штотыднёвыя. І выступоўцы з розных краін адзначалі менавіта рост інтарэсу да штотыднёвікаў, газет, падобных да часопісаў, — з больш глыбокай інфармацыяй і аналізам, дзе менш навін, а болей ведаў. Вяртанне да класікі журналістыкі ў сукупнасці з навацыямі.

Маршрутам у будучыню

На сённяшні дзень у Беларусі болей за чатыры мільёны карыстальнікаў інтэрнэту. Сярод іх, паводле рэйтынгу «Акавіты», сумарная сярэдняя штодзённая аўдыторыя асноўных незалежных інфармацыйных рэсурсаў складае больш за 350 тысяч унікальных наведвальнікаў. Агульны разавы тыраж ацалелых незалежных друкаваных газет, па звестках БАЖ, складае 150 тысяч асобнікаў. Улічым таксама чытачоў інтэрнэт-версій СМІ і наведвальнікаў мноства невялікіх сайтаў, якія не фіксуюцца «Акавітай». У выніку атрымліваецца больш за 700 тысяч чытачоў незалежных СМІ. Гэта 18–20 % ад агульнай інтэрнэт-аўдыторыі.

І мала, і шмат. Але відавочна, што гэта ўжо не маленькая выспачка, а ўнушальны плацдарм, тэрыторыя свабоднага слова. Утрымаць яго, паступова пашыраючы, незалежным СМІ ўдалося не толькі праз сваю прынцыповую дэмакратычную пазіцыю, але і праз якасны кантэнт. Адначасова гэта і рэзерв, тэрыторыя росту, што магчыма зноў жа толькі праз падтрыманне якасці інфармацыйнага прадукту. Праз выкарыстанне і інтэграцыю ўсіх вынайдзеных на сёння платформаў. Праз прывабны дызайн і добрую паліграфію. Праз стварэнне супольнасцяў вакол кожнага выдання, дзе чытач — не толькі карыстальнік, але і творца навін. Праз паскораную падачу інфармацыі. Праз тую самую тэхналогію SoLoMo (сацыяльныя, лакальныя, мабільныя СМІ). Пра ўсё гэта ішла гаворка ў Кіеве.

Беларускія незалежныя СМІ знаходзяцца ў рэчышчы працэсаў развіцця сусветных медыя. Усе сучасныя практыкі намі выкарыстоўваюцца. Проста мы вымушаны былі ісці іншай дарогай. Улады ўсімі сродкамі імкнуцца блакаваць камунікатыўныя каналы ад нашай выспы свабоднага слова да мацерыка — асноўнай масы беларускага насельніцтва, ад рабочых да чыноўнікаў. У тым і палягае галоўная праблема — чытачы свабодных СМІ застаюцца пакуль што класам у сабе.

Але ўжо адчуваецца імпульсіўны інтарэс да альтэрнатыўнай інфармацыі.

Захаванае і набытае ёсць дастатковай базай для прарыву, для выхаду на шырокі медыйны прастор пры ўмове дэмакратычных перамен.

Сёння для свабодных краін якасны кантэнт — гэта прадукт, які найлепш прадаецца, умова камерцыйнага поспеху. Для несвабодных — найперш прадукт гуманітарнай дапамогі, без якога грамадства не можа выжыць у якасці суб'екта гісторыі, а не аб'екта ідэалагічных маніпуляцый. І адначасова — інструмент перамен.

Дорогие читатели журнала «Абажур», известный американский тележурналист, продюсер компании «Alan Weiss Productions» Алан Вейс предлагает вам еще одну свою работу. В №1 (92) 2012 года была опубликована статья этого автора, в которой речь шла о культовом американском журнале комиксов «Mad» и его основателе и редакторе Альберте Фелдстейне. Экземпляры журнала «Абажур» вручены Алану, нью-йоркским журналистам американского радио, а также отправлены в штат Монтана Альберту Фелдстейну. Не владея языками стран Восточной Европы, американские журналисты тем не менее прекрасно, в нюансах осведомлены о политическом раскладе на постсоветском пространстве. БАЖ получила искренних друзей в лице Алана Вейса и его команды.

Владимир Гутковский

alan weiss productions

Чего не следует носить в Чечне?

Алан Вейс (Alan J. Weiss), США

У каждого хотя бы раз в жизни бывает момент, когда хочется сказать: «Меня не волнует, сколько это будет стоить. Цена — не главное». Со мной произошел один их таких случаев.

Когда менеджеры по продажам магазина «Pretty Woman» сновали по торговому залу, подбирая мне идеальную зимнюю куртку, я и не предполагал, что ее конечная цена будет измеряться не в долларах. Куртка, которую я собрался купить, приблизилась к стоимости моей свободы, а возможно, даже жизни.

Я собирался в поездку на юг России, в Чечню — отколовшуюся республику, раздираемую гражданской войной. Американская еврейская благотворительная организация привлекла мою компанию для создания короткого документального фильма об усилиях, направленных на эвакуацию евреев, оказавшихся «запертыми» в эпицентре перестрелок между мусульманскими чеченскими и российскими войсками.

Это было в январе. И хотя я не знал точно, сколько по Цельсию будет в Чечне, мне представлялась холодная война, с ветрами, степями и бесконечными милями замороженной тундры. Россия была страной, где от генерала Зимы потерпели поражение самые хищные захватчики последних двух столетий: Наполеон и Гитлер. Само слово «Сибирь» было для меня (и не только) синонимом ледяного ада на земле.

То, что Чечня была географически ближе к знойной Греции, чем к морозной Сибири, не умаляло страха оказаться в положении доктора Живаго, с кристаллами льда на усах и бровях пробиравшегося через снега.

Я хотел быть готовым, как бойскаут. Поэтому, когда сотрудники отдела продаж предложили мне примерить на себя спортивные куртки самых последних моделей от Pillsbury Doughboy и Michelin Man, с достаточно теплым наполнителем, я почувствовал к этим вещам «любовь с первого взгляда».

То, что куртка была кричаще красной, как пожарная машина, казалось обоснованным. В конце концов, я путешествую по территории бывшего СССР. Не говоря уже о созданном у меня

пропагандой образе России, мне казалось, что я был бы просто в двух шагах от Северного полюса. И красная куртка представлялась мне знаковым атрибутом.

«Я возьму это!» — выпалил я, выхватывая кредитную карту быстрее, чем вы можете произнести «Красная площадь».

На следующий день наш спонсор пришел в аэропорт Кеннеди, чтобы проводить нас. Отведя меня в сторону, он прошептал: «Помните: вы отправляетесь в очень антисемитский край. Так что никому не говорите, что вы работаете на одну из еврейских организаций. Просто скажите, что работаете на американском телевидении».

С этими веселыми словами он помахал рукой на прощание, и наша команда полетела на восток.

После короткой остановки в Москве ночью самолет приземлился в Чечне. Аэропорт оказался на удивление темным. Как мы узнали позже, там было довольно сумрачно даже в дневное время. И не только темно, но и скучно, бесцветно. Будто некие злонамеренные силы высасывали из страны что-то очень жизненно важное. Улицы были пыльные, здания — серые, автомобили — ржавые, и, судя по вездесущим выхлопным газам, повсеместно отсутствовали каталитические нейтрализаторы. Я не мог выбросить из головы «Список Шиндлера» Спилберга: черно-белый мир, за исключением красного платья на одной маленькой девочке.

Евреи жили здесь на протяжении десятилетий в мире со своими соседями. Но теперь находились на политической обочине, и их положение было катастрофическим, особенно в столице, в городе Грозный. Война оставила много еврейских семей без крова. Бегство было опасно и трудно. Некоторые из евреев тайно покидали Чечню на машинах. Те, кто боялся военных контрольно-пропускных пунктов, пытались пройти пешком 50 миль по заснеженной сельской местности. Они до сих пор не верят, что им удалось уйти по бесконечно обстреливаемой земле. Они надеялись на лучшее: добраться до одного из работавших там домов американской еврейской организации, где было возможно получить питание, жилье и израильский паспорт.

Ализа Шенгар, посол Израиля в России, как-то сказала мне: «Для нас очень важно сказать евреям: “Ворота открыты — вы можете оставить это место. Пожалуйста, сделайте это сейчас, потому что кто знает, что случится завтра”».

Днем в Чечне был ураган. Но видимость не настолько снизилась, чтобы я не заметил, что, где бы мы ни проходили, люди поворачивали головы в нашу сторону. Сначала я предположил, что это любопытство при виде съемочной группы.

В конце концов, я начал подозревать, что привлекает внимание не большая видеокамера, а моя очень яркая красная куртка. Эта догадка подтвердилась чередой ежедневных обращений незнакомцев, которые подходили и шепотом осведомлялись, не хотел бы я продать куртку.

В наш последний день в Чечне в маленьком домике за пределами Грозного мы брали интервью у здешнего представителя еврейской благотворительной организации. Давайте назовем его Ури. У него была трудная работа: среди противоборствующих участников конфликта, который бушевал вокруг, он искал тех, кто не смог бежать из зоны военных действий, — старых и немощных. Он предоставлял им возможность получить документы и начать новую жизнь в Израиле.

Я спросил Ури, как он смог добиться того, чтобы эти люди могли покинуть зону военных действий. Он ответил, что помогли две вещи. Во-первых, американские доллары. «Это оперативные деньги, — объяснил Ури. — Я трачу денежные средства на взятки, я плачу наличными за помощь в приобретении одежды и всего необходимого, за медицину — за все».

Ури сказал, что вторым почти столь же существенным фактором является привычка местных госслужащих подчиняться власти. «Большинство здешних чиновников привыкли исполнять приказы. Так что я, словно бы кто-то важный, шел и отдавал им приказы. Они удивительно послушны», — заметил он.

После того как мы закончили снимать небольшое занятие, на котором в основном изучали иврит, нас пригласили на обед. Я был не голоден и потому оставил команду, взял камеру и вышел на улицу, чтобы сделать текстурные снимки города. Как оказалось, это довольно трудно, так как каждый раз, когда я направлял камеру на кого-то, кадр был испорчен: человек смотрел на меня. Уроженец Нью-Йорка, я привык к тому, что прохожие обычно игнорируют камеру или снимающего что-то человека. Очевидно, моя красная куртка привлекала слишком много внимания.

Но я старался, как при последней попытке окончить колледж ☺. Вдруг потрепанный белый автомобиль, взвизгнув тормозами, внезапно сделал резкий разворот и остановился передо мной. Похоже, я закончил колледж до остановки автомобиля...

Два очень высоких полицейских вышли из машины и подошли ко мне. Они говорили что-то на русском и чеченском, каждый из которых был для меня «греческим».

— Извините, я говорю только по-английски.

— Документы, — почти на английском языке потребовал тот, что подлиннее.

Я протянул ему паспорт.

— Кем работаете?

Правильно выстраивать предложение с точки зрения грамматики не было времени, так что я просто ответил:

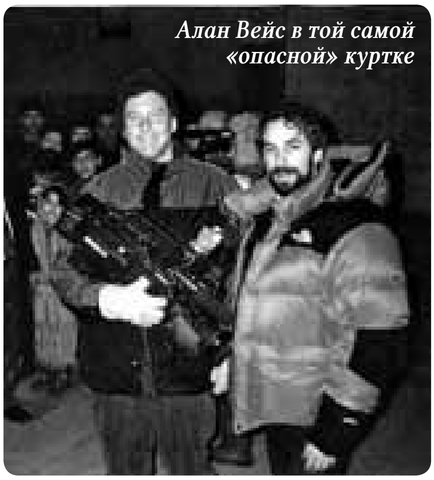
— Американское телевидение.

Ответ полицейскому не понравился, повысив голос, он повторил:

— Кем работаете?

Шансы были не равны: двое с оружием против меня с камерой, и я дружелюбно ответил:

— Эй, мы все здесь работаем, товарищ, на американском телевидении.


Алан Вейс в той самой «опасной» куртке

Они переговаривались между собой. Не нужно было знать их язык, чтобы понять, что они не в восторге от моего ответа.

— Кем работаете? — Эдгар Аллан По нашел бы вдохновение в часто повторяемой фразе милиционера.

Именно тогда я заметил, что другой полицейский украдкой бросает взгляды на мою камеру.

— Позвольте мне показать вам, как она работает, — я поднял камеру, чтобы он мог посмотреть через окуляр. Играя с 40-кратным телеобъективом, милиционер улыбался, как ребенок. Но у его напарника как будто игла застряла под ногтем:

— Кем работаете??!

— Посмотрите, существуют телекомпании ABC TV, NBC, CBS TV, PBS... И другие... Вот я и работаю на американском телевидении.

Я думал, что это звучало убедительно. Но это было не так.

— Садись! — приказал тот, что длиннее, кивнув на ожидавшую на холостом ходу машину.

Каким-то образом я сразу понял, что это не очень хорошая идея — попасть в эту машину с камерой за 75 тысяч долларов, в городе, названия которого я даже не знал, в стране, где идет гражданская война. Ну уж нет!

Вдруг мне вспомнились слова Ури: «Они привыкли исполнять приказы... Они удивительно послушны».

У меня были секунды на выбор: или пан, или пропал. В конце концов, что я теряю, кроме того, что меня бросят на землю, забьют до полусмерти, утащат в бессознательном состоянии и запрут в темной дыре?

— Как вы смеете! — огрызнулся я. — Вы не знаете, кто я! И кем я работаю! Закончили на этом!

Я поставил копейку против рубля на удачу и коротким быстрым движением выбил мой паспорт из рук удивленного милиционера. Затем, повернувшись со всем оскорбленным достоинством, которое только я мог собрать, ушел, в любой момент ожидая столкновения с бывшим советским прикладом.

Десять футов. Двадцать метров. Тридцать... Удивительно, неужели вместо приклада я получу пули? Может быть, они дали мне уйти достаточно далеко, чтобы выглядело как попытка к бегству?.. Или просто не хотят стрелять с близкого расстояния, чтобы не быть забрызганными капиталистической кровью?.. Это была самая длинная прогулка в моей жизни. Но я наконец добрался до конца квартала. Поворачивая за угол, я украдкой бросил быстрый косой взгляд. Двое полицейских стояли там, где я оставил их, погруженные в жаркий спор. Я не горел желанием узнать точно, о чем они дискутировали, но снял этот красочный эпизод.

Когда я наконец добрался до дома, моя команда как раз заканчивала обед: «Мы оставили вам еду». «Спасибо, но я потерял аппетит».

Я чуть не потерял аппетит еще раз, когда, возвращаясь в США, наткнулся на статью в «The New York Times», где сообщалось о недавно распространившейся волне похищений людей в Чечне. В ситуации, когда местную экономику разрушила война, люди обратились к похищениям как к способу заработать средства к существованию. В этом принимали участие даже милиционеры. И самыми выгодными жертвами становились иностранцы. Логика похитителей была хладнокровно проста: если отправить посылкой ухо или палец чеченской семье, возможно, они смогут раздобыть несколько рублей. Но если отослать несколько частей тела в Америку, то экономические возможности становятся безграничными...

Я закончил статью... и отдал мою красную куртку в благотворительный фонд.

Перевел Владимир Гутковский

Законы-то святы, да ответчики — супостаты

«Часто задерживают деньги», «не заплатили», «гонорар располовинили»... Иногда о «привлекательности» того или иного издания коллеги отзываются предельно кратко. Что делать, если не выплатили гонорар: простить, забыть или обратиться в суд? Сколько стоит подать иск в суд?

Оксана ЯНОВСКАЯ

В 2010 году у меня как-то одновременно возникли финансовые претензии к двум СМИ: глянцевому журналу, с которым успешно сотрудничала три года, и новому сайту, работа с которым длилась три месяца.

Поскольку распорядители финансов обоих изданий, что называется, «обрубили концы», съехав из офисов и поменяв номера телефонов, ничего не оставалось, как подать на них в суд.

К вопросу подошла профессионально: начала со сбора информации. Одна из коллег безапелляционно заявила: «И не думай! Ты публикуешься в оппозиционных изданиях, у тебя даже заявление не примут». Приняли — судья исключительно для протокола заседания поинтересовался местом работы.

Муж подруги подбадривал: «Дела о зарплатах автоматически выигрывают работники». Не «на автомате», конечно, но, забегая вперед, сообщаю: выиграла.

Полагая, что информация может оказаться полезной еще для кого-нибудь из коллег, расскажу о технических вопросах.

Итак, чтобы подать иск в суд, необходимо его составить. Такую услугу оказывают в адвокатских конторах. В ценах начала 2011 года гонорар адвоката за эту работу составлял 350 тысяч рублей. Практически пятая часть от того, что от «кинувших» меня редакций я намеревалась потребовать! Сумма одного моего иска была 82 000 рублей, второго — 1 600 000 рублей.

Побродив по сайтам судов (почему-то не минских), нашла образцы всех необходимых исков и очень ценную информацию: истец освобождается от уплаты госпошлины «за подачу исковых заявлений по спорам о взыскании платы за выполненную работу, оказанную услугу, созданный объект интеллектуальной собственности при выполнении работы по гражданско-правовым договорам».

Таким образом, мне стало ясно, что деньги потребуются только на бумагу, принтер, конверты и марки. Чтобы не тратить времени на поездку в суд, исковые заявления отправила по почте заказным письмом с уведомлением.

Храните доказательства своей работы

К сожалению, отношения между редакцией и фрилансером нередко строятся на честном слове. И поэтому коллеги считают, что в суд не с чем идти. Однако в соответствии со статьей 26 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» авторский договор об использовании произведения в периодической

Пять правил финансовой безопасности

Проанализировав обе свои ситуации, а также изучив опыт коллег, в том числе печальный, я составила свод правил финансовой безопасности журналиста (корректора, специалиста по верстке и т. д).

1. **Требуйте заключения договора!**
2. **Внимательно (очень внимательно) читайте договор!**
3. **Если нарушены сроки выплаты гонорара, не сдавайте материал в следующий номер! (Знаю одного редактора, который уверен, что «они обязательно напишут новые материалы, надеясь, что быстрее заплачу за старые».)**
4. **Как можно раньше обращайтесь в суд!* (Пока у нанимателя есть чем расплатиться. Первые иски обычно удовлетворяются, а на погашение последующих уже нет ни денежных средств, ни иного имущества.)**
5. **С особой осторожностью начинайте работу с недавно зарегистрированным изданием.**

Невыплата журналистам гонораров, как мне представляется, — только вершина айсберга. Не менее актуальны размеры окладов и ставок гонораров. Между тем у нас до сих пор почему-то «неловко» обсуждать меркантильные вопросы. Надеюсь, коллеги продолжат разговор на эту тему.

*Штатные работники могут обращаться в инспекцию труда.

печати может быть заключен в устной форме. Доказательством производственных отношений является опубликованный материал. Так вот, я приложила к заявлению ксерокопию публикации в журнале. Однако судья потребовал еще и подлинник.

Сумму гонорара я вписала со слов заместителя главного редактора. Ей даже пришлось прийти в суд в качестве свидетеля, потому что судья не сомневался, что мне должны заплатить за работу, но у него возник вопрос, сколько и почему именно такую сумму. К свидетельским показаниям я добавила акты приемки-сдачи работ за оплаченные ранее материалы и таким образом обосновала сумму иска.

Взаимоотношения с «кинувшим» меня сайтом были зафиксированы в договоре подряда. И когда я поняла, что деньги выплачивать мне не торопятся, то приложила максимум усилий, чтобы выловить владельца сайта и потребовать подписать акт приемки-сдачи работ. Иначе мне трудно было бы доказать, что кто-то мне что-то должен — ведь к моменту рассмотрения дела в суде сайт просто «умер».

К тому же до сих пор нет полной ясности относительно статуса разных сайтов: когда они приравниваются к СМИ, когда — нет.

Впрочем, скриншот письма, в котором владелец сайта сетовал, что должен, и клятвенно обещал рассчитаться, судья рассматривал как доказательство по делу. Но этого письма могло и не быть, так как ответчик старался как можно меньше оставлять следов. А ведь истец по гражданскому делу сам должен предоставить доказательства обоснованности претензий. Поэтому позволю дать совет: сохраняйте как можно больше вещдоков, указывающих на выполнение вами определенной работы, и архивируйте рабочую переписку.

Тяжба — от слова «тяжело»

Выиграть суд — это даже не полдела, а гораздо меньше. Самое трудное — это добиться исполнения судебного решения. Во-первых, следует написать заявление судебному исполнителю. Во-вторых, этому исполнителю периодически стоит о себе напоминать.

А чтобы работа по иску по-настоящему завертелась, мне пришлось написать парочку жалоб.

Увы, как ни активизируй работу судебного исполнителя, но если ответчик гол как сокол или грамотно припрятал имущество, то истцу остаются только моральное удовлетворение от выигранного процесса и утешительная мысль о том, что пока иск не погашен, ответчик не съездит в отпуск или на шопинг за границу.

По прошествии времени я понимаю, что мои ответчики — из числа проблемных. По разным причинам. И чем больше проходит времени, тем призрачнее надежда получить сильно обесценившиеся деньги. Впрочем, в этом есть и доля моей «вины»: слишком медлила с обращением в суд.

Между тем не все так печально. Мне известны десятки примеров, когда стороны разрешали конфликтную ситуацию в досудебном порядке. И знаю историю коллеги, много лет работающей в режиме фриланс, которая выигрывала суды и получала причитающиеся ей деньги.

Спачатку будзе слова...

Вольныя крыніцы ёсць, а відавочны грамадскі голад на актуальную інфармацыю не ліквідаваны.

Генадзь Суднік

Пару-тройку гадоў таму, нягледзячы на наяўнасць у некаторых рэгіёнах краіны маланакладных газетаў, што выходзілі за кошт энтузіязму і грамадзянскай адказнасці тамтэйшых актывістаў (некаторыя з якіх і зараз працягваюць выдатна рабіць сваю справу), Падняпроўскі наш край можна было смела прылічыць да тэрыторыі, «зачышчанай» ад вольнага слова як стараннямі ўлады, так і пэўнай нямогласцю апазіцыйных структураў і суполак.

«Зачыстка» працягваецца і зараз, але ж вольнае слова, як упартыя веснавыя расткі, прабіваецца ў тым ліку і намаганнямі зусім маладых прыхільнікаў сапраўднай журналістыкі.

Апазіцыянер ці журналіст?

Амаль зніклыя «малыя газеткі», за выключэннем 3–4 з паўтара дзясятка, больш выяўлялі сябе (як і тыя, што выдаюцца сёння, за выключэннем, бадай што, крычаўскага «Вольнага горада» і бялыніцкай «Паходні») як друкаванкі, прызначаныя для аднадумцаў, а не як інфармацыйныя крыніцы, разлічаныя на шырокае чытацкае кола. Такімі былі раней, да зачысткі нашай інфармацыйнай тэрыторыі, «Ратуша», «Тыднёвік Магілёўскі», «УзГорак» (на шчасце, застаўся), «Магілёўскі Час», «Наш Магілёў»... Некаторыя з іх ператварыліся пазней у сайты.

Але электронныя версіі аказаліся слабейшыя за свае папяровыя папярэднікі ўжо па той прычыне, што з іх сышла аналітычная публіцыстыка, а навінная стракаата не адрозніваецца ўласным абліччам, і дакладна такія ж «навіны» можна сустрэць на афіцыйных сайтах і ў афіцыйных жа мясцовых выданнях. З вольных крыніцаў знікла тая адметнасць, для іх абавязковая, калі карыстальнікаў да іх можа прывабіць тэматычная і стылёвая эксклюзіўнасць. Таму вольныя крыніцы ёсць, а відавочны грамадскі голад на актуальную інфармацыю не ліквідаваны.

З уладай у нас, як гаворыцца, усё зразумела. А вось што тычыцца апазіцыйнай абыякавасці да наяўнасці і развіцця вольных рэгіянальных СМІ, то не без падставаў закрадваецца падазрэнне, што тут справа не толькі і не столькі ў адсутнасці ў апазіцыі сродкаў і рэсурсаў на арганізацыю і падтрыманне вольнай інфармацыйнай атмасферы ў рэгіёне, колькі ў неразуменні як аператыўнай, так і стратэгічнай важнасці, дзейснасці і эфектыўнасці такой атмасферы. Сітуацыю нікольки не ратуюць іхныя разнастайныя і разнабойныя друкаванкі, што з'яўляюцца ў перыяды беларускіх «выбараў» і здольныя, як гэта і было цягам апошняй электаральнай кампаніі, толькі яшчэ больш заблытаць людзей. Без навыку і досведу рэгулярнай зваротнай сувязі з носьбітамі, у прыватнасці, палітычнай інфармацыі, якую забяспечвалі б вольныя СМІ, людзі ўвогуле на гэтых выбарах не надта разумелі, што, чаму і як адбываецца і як сябе варта ў такой сітуацыі паводзіць. А таму ніхто не мае права прысабечваць на свой кошт той інтуітыўны байкот, якім выбарнікі ў большасці вялікіх і сярэдніх гарадоў адказалі на праўладную і апазіцыйную мітусню.

Я вяду гаворку менавіта пра неабходнасць з боку апазіцыі падтрымання інфармацыйнай атмасферы і таго, што можа яе забяспечыць. Варта абапірацца тут на прафесіяналаў. Не трэба замяняць апазіцыйнымі высілкамі журналістаў і журналістыку на той падставе, што, маўляў, «дзе ж у наш час возьмеш прафесіяналаў?». Сведчу і гарантую: у нашай мясцовай (і так па ўсёй краіне) суполцы сябраў БАЖ, вакол яе, побач з ёй сабраныя і гуртуюцца асобы, якія адказна і з надзеяй на запатрабаванасць абралі сабе ў наш час не самую, як вядома, лёгкую і зручную справу. Гэта зразумела і відавочна ўжо хаця б таму, што калі наша ўлада перыядычна хоць нечага і баіцца, то гэта — некантраляванай з яе боку інфармацыі. Здабыць такую, сфармаваць ва ўспрымальнай форме і распаўсюдзіць — гэта і ёсць прафесійнай журналісцкай працай.

І яшчэ важная рэч — журналіст не мае дачынення і не адказвае за тое, як, хто, з якімі наступствамі і з якой мэтай скарыстаецца гэтай інфармацыяй. Ён адказвае толькі за тое, каб інфармацыя была аб'ектыўнай і праўдзівай.

Студэнцкі прарыў

На нашых жа дзяржаўных факультэтах журналістыкі, як падаецца, гэтаму не вучаць. І таму, у прыватнасці, на факультэце журналістыкі Магілёўскага ўніверсітэта пра БАЖ і ягоныя прафесійныя прыярытэты ніколі не ўзгадваюць выкладчыкі. Для іх ёсць толькі адзіна слушны Беларускі СЖ. Як распавядаюць студэнты, на факультэце і ў СЖ стаяць на тым, што журналіст павінен адказваць за тое, што паведамляе людзям, што ён ёсць дзяржаўнай асобай, што журналістыка — гэта складнік дзяржаўнай ідэалагічнай работы і г. д. Выглядае прыцягальна і нават узнёсла, калі мець на ўвазе, што пра такую «адказную для дзяржавы» ролю даводзіцца тым, каму зараз 18, 19, 20 гадоў і хто не чуў ні пра якія іншыя прафесійныя стандарты, прынятыя

ў цывілізаваным свеце. Аднак жа ў студэнцкай сям’і, як гэта было і будзе заўсёды, нягледзячы на адміністрацыйную пільнасць, абавязкова знаходзяцца тыя, каму мала пачутага на лекцыях і занятках. «Прасунутыя» студэнты знаходзяць магчымасці калі не для абвяржэння, то для выказвання сумневу ў нібыта бясспрэчных на першы погляд выкладчыцкіх (і галінова-міністэрскіх) штампах, фармулёўках і формулах.

Вось жа нейкім чынам пару гадоў таму пракралася і на наш магілёўскі факультэт такая «крамола»! Адтуль і пайшло... Будучыя калегі ад 3-га курса і далей пачалі чытаць самі і перадаваць з рук у рукі сябрам часопіс «Абажур». Сталі прасіцца (і трапляць!) на БАЖаўскія прафесійныя семінары і творчыя сустрэчы-дыспуты. Заснавалі і на працягу 2–3 семестраў уласным энтузіязмам выдавалі вольны друкаваны аркуш «Istfac», які карыстаўся цікавасцю з боку студэнтаў нават суседніх ВНУ, а таму — і пільнай увагай з боку рэктарата і дэканата. Але ж пасля заканчэння вучобы гэтыя завадатары выцягвання сябе з казённай навучэнскай багны ў свет дэмакратычных дасягненняў журналісцкай тэорыі разышліся-раз’ехаліся на штодзённыя прафесійныя практыкі. На шчасце, па большасці не ў самыя адданыя рэжыму СМІ, а каму пашанцавала, то і ўвогуле — у незалежныя (на жаль, такіх у родным рэгіёне зараз практычна няма).

Затое атмасфера вольнасці ў сценах МДУ і факультэта засталася. А сёлета натуральная для юных і дужых прага да «забароненага» выкрышталізавалася ў заснаванне (пры дапамозе і кансультатыўным удзеле старэйшых таварышаў) сайта http://farmats.by/. Што гэта, навошта і пра што — лепш за іх саміх не сказаць. А таму, як гаворыцца, даруйце за працяглую цытату з сайтавай рубрыкі «Пра нас». (З павагі да маладых калегаў падаю цытату на мове арыгінала, спадзеючыся, што ў хуткім часе ўвесь сайт, а не толькі ягоныя фрагменты, як цяпер, пяройдзе на беларускую.)

«У “Свободного формата” несколько целей... Нам неважно, кто вы — активист БНФ или БРСМ, беспартийный рабочий или молодая мать, которая столкнулась с несправедливостью в поликлинике. Наша задача — дать высказаться вам, чтобы все знали о том, что происходит у нас в городе.

Дать возможность молодым людям попробовать себя в роли журналиста. Несмотря на то что в городе существует университет с отделением журналистики, мест, в которых студенты и школьники могут попрактиковаться в написании материалов, немного.

Максимально быстро и интересно освещать городские события. Мы уважаем наших читателей, потому не собираемся публиковать важные новости о количестве ДТП, пожаров и грабежей, присылаемые пресс-службами. Пробовать новые жанры, оттачивать мастерство в наиболее распространенных формах подачи новостей — наше кредо».

Але якіх толькі запэўніванняў і абяцанкаў мы ў сваім жыцці не чулі, праўда?! Таму самае слушнае — не паверыць мне на слова, а зайсці на сайт асабіста. Зазначу толькі, што менавіта такое вось імкненне, што відавочна рэалізоўваецца на практыцы, выгодна і прыкметна адрознівае гэты сайт ад некаторых іншых газет, сайтаў і нават радыё і тэлебачання, што таксама дэкларуюць сябе ў нас як вольныя інфармацыйныя крыніцы. Але насамрэч нярэдка старанна, відавочна і амаль што фанабэрыста абыходзяць вострыя тэмы магілёўскага жыцця, хаваючыся (як, дарэчы, гэта робяць і дзяржаўныя СМІ) за імі ж прыдуманае апраўданне: маўляў, гэта менавіта нашы чытачы-слухачы-гледачы дыктуюць змест, тэматыку і манеру падачы матэрыялу.

Яно і сапраўды так бывае, але па такой дарозе можна зайсці далекавата ад абавязкаў прафесіі. А вось маладыя калегі, якія фармальна яшчэ і не ўваходзяць у прафесійны цэх, разумеюць: журналіст не той, хто «прыгожа выкладае» і лашчыць нечыя слых і зрок, а той, хто ўважліва бачыць і дакладна чуе сапраўднае жыццё і сумленна інфармуе пра гэта сваіх чытачоў-слухачоў-гледачоў. А ўжо яны як спажыўцы інфармацыі могуць выбраць, што ім рабіць: можа, і адкінуць якую газету, выйсці з сайта, выключыць тэлевізар...

...Маладым сваім калегам прызнаюся, што гэты артыкул не такі ўжо і ўзорны па параметрах тых жа сусветных стандартаў. У артыкуле ёсць адна як мінімум «недакладнасць». У ім няма імёнаў, прозвішчаў, спасылак на канкрэтныя даты і іншыя дэталі, якія робяць матэрыял пераканаўчым, доказным і даюць шанс на прыхільнае ўспрыняцце. Аднак аўтар артыкула зрабіў гэта свядома і толькі з той мэтай, каб не нашкодзіць адміністратарам, рэдактарам і аўтарам. (Дарэчы, тэорыя наконт неадказнасці журналіста за наступствы яго публікацый не распаўсюджваецца на сітуацыі, калі журналісцкае слова можа нанесці рэальную шкоду персанажу ці персанажам публікацый, а аўтар гэтага свядома і дакладна не хоча, не мае на мэце. Тут працуюць агульначалавечая маральнасць і прафесійная этыка.)

На жаль, такая вось наша рэчаіснасць. Не прыйшоў час адкрыцца гэтым маладым людзям. Ды яны не будуць у крыўдзе, бо працуюць, без высокіх слоў і амбіцый, якраз на тое, каб гэты час змяніць. І наблізіць той, дзе валадарыць будуць правы чалавека, у ліку якіх сярод першых — права на атрыманне сумленнай інфармацыі пра ўсё, што для людзей важна, патрэбна і цікава. Таму і паберажэм гэты наш журналісцкі рэзерв, да якога пры раскрыцці персонаў могуць быць выкарыстаныя з боку адміністрацый розных ступеняў, а тое і з іншых ахоўнадзяржаўных устаноў ціск і праслед, метады перавыхавання і заклікі да вяртання на «правільныя грамадзянскія пазіцыі»... Вакол маладых людзей ужо ходзіць нейкі намеснік дэкана з пытаннямі: «А не ведаеце, хто працуе на сайце? А ці не скажаце, хто даў на яго стварэнне грошы?»

Паберажэм людзей! Але і скажам ім, хаця і завочна: дзякуй, нашы юныя калегі! Давайце хутчэй вучыцеся і прыходзьце са сваімі маладымі сіламі і светлым розумам на падмогу нашай вольнай і сумленнай беларускай журналістыцы, якая — можа, я наіўны, даруйце, — адна толькі і здольная забяспечыць дасягненне ўсіх іншых нашых нацыянальных намераў і мэтаў.

Ад адраджэння краіны да яе паўнавартаснага вяртання ў сучасную цывілізацыю. З усім тым, што, у сваю чаргу, абавязкова прыйдзе за гэтым. А менавіта з дэмакратыяй, падзельнай уладай, рынкам, дабрабытам, рэалізацыйнымі магчымасцямі для кожнага чалавека...

Ну вы самі ведаеце!.. Але спачатку будзе — слова.

Шэсць гадоў таму я пачала афіцыйна працаваць у недзяржаўнай прэсе. Да гэтага легальна працавала ў прэсе дзяржаўнай і неафіцыйна — у недзяржаўнай, мясцовым інтэрнэт-выданні, якое сканала неяк нечакана, ціха і незаўважна. Але выданне тое было выдатнай стартавай пляцоўкай для многіх цяперашніх беларускіх журналістаў. А з дзяржаўнай газеты мяне выгналі.

З жыцця рэгіянальнага журналіста

Алена ГЕРМАНОВІЧ

Напэўна, таму што да мяне панадзіўся хадзіць нейкі чалавек, Дзмітрый Васільевіч, ці што, з чырвоным пасведчаннем з УКДБ. А галоўнаму рэдактару раёнкі гэта не падабалася. І рэдактар вырашыў пазбавіцца ад мяне, спыніць свае страхі малой кроўю, так бы мовіць. Каб я не сабрала ім усім на галаву гарачае вуголле.

Нічога страшнага. Нават добра, што мяне выгналі тады. Там было сумна, у той рэдакцыі. Менавіта ад страшнага, цягучага, пакутлівага суму мы і пачалі з калегам пісаць падпольна на розныя незалежныя сайты. А рэдактар, напэўна, таксама ад суму пачаў нелегальна займацца іншымі справамі. Усё ж весялей, чым у мільён сёмы раз пісаць загалоўкі «Работы весці ў комплексе», «Задачы пастаўлены», «Чалавек сваёй справы», а кожны верасень — «Хвала рукам, што пахнуць хлебам!». Усё, што ні робіцца, — добра. Блага, калі нічога не робіцца.

Звычайна мы пішам пра іншых. А пра сябе — што пісаць? Аўтабіяграфія змесціцца і ў тысячу сімвалаў: нарадзілася, вучылася, пайшла працаваць, памерла, закапалі, далі ордэн пасмяротна. Назвалі яе імем бульбасховішча ў Клецкім раёне. У лепшым выпадку.

Я пішу гэты артыкул вечарам у нядзелю. Людзі не вераць — і правільна! — што ў нядзелю ў журналістаў можа быць выходны ці нейкія непрацоўныя справы. Як і ноччу. Часам я ўключаю раніцай мабільны і бачу, што ў тры ночы мне нехта тэлефанаваў. І ў гадзіну ночы — іншы нумар. Гэта так мяне цешыць! Хіба не файна, што менавіта табе тэлефануюць

ноччу малазнаёмыя людзі, калі нешта здараецца?

Сёння раніцай была на апазіцыйным сходзе, потым пісала пра гэта навіну, потым на Імшы ў касцёле думала пра старую беларускую рытуальную гульню ў абранне адзінага кандыдата і пра тое, чаго прыязджаў сёння біскуп. Ну, натуральна, і пра выратаванне душы. Не ведаю. Ні пра адзінага, ні пра выратаванне душы.

Потым мне тэлефанавала адна жанчына, яна мелася быць гераіняй майго матэрыялу, але так і не стала. Відаць, не быць ёй гераіняй артыкула — так наканавана лёсам. Як і мне не надрукаваць той матэрыял, пяцьдзясят сем разоў перароблены. Яна піла мне кроў (тое не так, гэта не гэтак), і, урэшце, калі ў пяцьдзясят восьмы раз усё з ёй узгаднілі і разышліся, задаволеныя адна адной, яна патэлефанавала праз паўгадзіны, выбачалася, але сказала, што матэрыял друкаваць не хоча. Хацела — ды перахацела. Хо, файна! Чатыры дні і колькі гадзінаў дарма. Нічога страшнага. Затое які досвед! Колькі паперак, рашэнняў судоў, артыкулаў Грамадзянскага і Жыллёвага кодэксаў я прачытала, колькі адказаў з пракуратуры, Вярхоўнага Суда і нават Саюза жанчын. Здавалася б, пайсці мне зараз у суд адвакатам ці пракурорам — гаварыла б там пры разглядзе грамадзянскіх справаў як па пісаным.

Потым патэлефанаваў адзін знаёмы, спецыяліст па лацінаамерыканскіх рэвалюцыях, вельмі цікавы чалавек. Прасіў мяне знайсці ў інтэрнэце палітычныя песні лацінаамерыканскіх (сальвадорскіх, гватэмальскіх, чылійскіх, перуанскіх) гуртоў, якія былі папулярныя ў 1970-я гады. Ну праўда, цікава! А як ён мне за дзень да гэтага чатыры гадзіны распавядаў пра тыя рэвалюцыі! Я проста толькі рот разяўляла — так цікава! Ноччу мне сніліся Эрнеста Чэ Гевара, і Альендэ, і Луіс Карвалан пад песні Віктара Хары, і гурту «Кілапаюн», і Наталі Кардон. Яны ўручалі мне зброю ці бралі ў палон? Недзе стралялі. Слухайце, ну дзе, на якой працы можна сустрэць такую безліч неверагодных, цікавых людзей? Не людзі — проста падарунак лёсу, я вам кажу.

Пазаўчора я сустракалася яшчэ з адным, здаецца, левым ці анархістам, жонка якога сядзіць у нас у турме. Не, не за перакананні, так проста, пасадзілі. Тры дні таму была на судзе: чалавек незаконна адседзеў, потым яго апраўдалі, зараз ён патрабуе кампенсацыі. А вартаўнік дзяржаўных грошай (казны) кажа, што дзяржава не згодная выплачваць кампенсацыю: маўляў, пасядзеў — нічога страшнага, выпусцілі ж урэшце, хай дзякуе і за тое.

Нарэшце, да справы. Мне не даюць афіцыйную інфармацыю ў розных там абласных і гарадскіх выканкамах ці іншых інстанцыях. Яшчэ, можа, некалькі гадоў таму я б заплакала і зарыдала, пракляла б лёс ці выпіла трохі з гора. І, размазваючы слёзы, скардзілася б сябрам: «Э, уяўляеш, я такая зайшла ў кабінет, а тая мымра кажа: «Без каментарыяў!» Ну ўяві, га? Ну ці можна так? Як жа жыць, як? Я пісаць хачу! А мне не даюць!» Сябры б глядзелі спачувальна і гладзілі па галаве.

Не давалі тады, не даюць і зараз. Але не можаш змяніць сітуацыю — змяні стаўленне. Не даюць — а навошта і прасіць? Ну што такое могуць там даць, чаго нельга самому недзе даведацца ці ўзяць? Зараз жа ёсць інтэрнэт, многія ўстановы, выканкамы, падатковыя інспекцыі, санстанцыі

маюць свае сайты. Канечне, абы-якія. Але пашукаць — дык можна шмат чаго цікавага знайсці.

А можна змагацца з чыноўнікамі. Праўда, трэба валодаць тэарэтычнымі (Закон аб СМІ і ўсякае такое) і практычнымі (псіхалогія і акцёрскае майстэрства) ведамі. Я не даю тут парадаў, я проста дзялюся сваім досведам. Напрыклад, адзін прэсавы сакратар баіцца свайго ценю. З такім можна пасварыцца — са спасылкамі на законы, указы, дырэктывы, пастановы, са згадкамі пра мажлівыя скаргі ў адміністрацыю прэзідэнта і звароты ў суд. Іншага такім не возьмеш, не напалохаеш ніякімі законамі і пагрозамі. Ну тады трэба ліслівіць, прыкідвацца дурнем, абяцаць, што будзеш пісаць толькі «пазітыўна» пра іх «орган», а калі выйдзе артыкул з «негатывам», першым патэлефанаваць таму прэсаваму сакратару ці чыноўніку і абурацца: «Не, ну паглядзіце, што робіцца! Я такое не пісала, гэта рэдактар нешта выдумаў. Яны сядзяць у тым Мінску і ўсе выдумляюць нешта, я не вінаватая, я не хацела!» І плакаць па-бабрынаму, і біць сябе ў грудзі. І абяцаць, што больш — ні-ні. Вядома, такая тактыка не доўгатэрміновая, бо вылічаць, як шпіёна. Але мы таксама не доўгачасовыя, праўда ж? І прэсавых сакратароў змяняюць часта, і чыноўнікаў. Нічога страшнага. Калі неабходная інфармацыя, дык трэба неяк яе здабываць. Розныя сродкі выкарыстоўваць. Прабірацца таемна на пасяджэнні нейкія, а на пытанні: «А вы якую арганізацыю прадстаўляеце?» — адказваць, паглядзеўшы, чаму прысвечаны сход, штосьці кшталту: «Белаграмашбудпраект». Ці кідаць так, скрозь зубы, грэбліва: «Я з інспекцыі». Канечне, гэта калі вас там асабіста не ведаюць. А калі ведаюць? Можна паспрабаваць нахабна сябе паводзіць, спасылацца на нейкага Віктара Пятровіча: «А Віктар Пятровіч мне дазволіў прысутнічаць на сходзе!»

Вось, дарэчы, гэтая фраза: «Я ад Віктара Пятровіча (Алы Раманаўны, Марыі Пятроўны)», — часта дапамагае. Спачатку трэба даведацца, як завуць (імя, імя па бацьку) начальніка таго чыноўніка, да якога вы звяртаецеся. І так тэлефануеце і кідаеце: «Мяне Дзмітрый Сямёнавіч да вас накіраваў». Гэта тады, калі трэба атрымаць аператыўны аднаразовы каментар (часта так бывае, што тэлефануеш у нейкую кантору раз у год ці нават раз у жыцці). Можа і не спрацаваць, але мне дапамагала.

Ці быў такі выпадак. Тэлефаную адной начальніцы па справе, пытаюся, яна адмаўляецца даць інфармацыю (натуральна, бо гэта чорная інфармацыя для іх органаў). Катэгарычна. Я прыкідваю, што патэлефаную ў кантору, якая трохі ніжэй па рангу за гэтую, і там нешта выб'ю. Начальніца, відаць, прачытала мае думкі і кажа: «Нават не спрабуйце тэлефанаваць у раённую інстанцыю, я не дазваляю, вам там ніхто нічога не скажа». Я тут жа, праз секунду, набіраю нумар той раённай інстанцыі і такім нудна-абыякавым голасам кажу: «Э-э-э, тут справа адна, мяне Марыя Пятроўна да вас паслала». Там здзіўляюцца, маўляў, няўжо Марыя Пятроўна паслала? «Так, — кажу, — паслала да вас». І чалавек усё мне распавёў у падрабязнасцях. А я і не падманула. Яна ж мяне сапраўды «паслала», ну не да іх, але ж «паслала». Пакуль яны там разбіраліся, матэрыял выйшаў. Калі на мяне потым сварылася тая Марыя Пятроўна, я казала: «Вой, а я падумала, што вы мяне туды паслалі, каб я там спытала». Гульня ў прыдуркаватасць часта дапамагае.

Калі вырашыў тэлефанаваць пасля вышэйшай інстанцыі ў ніжэйшую, важна не губляць ні секунды, каб не паспелі папярэдзіць. Тут такая гульня — дакладней, праца.

Неабавязкова тыкаць, што «я з недзяржаўнай прэсы», калі вы звяртаецеся да незнаёмага чыноўніка. Напрыклад, калі я сустракаюся першы раз і ў мяне пытаюцца, ці афіцыйнае ў нас выданне, спакойна кажу, што афіцыйнае, зарэгістраванае. А калі мяне ведаюць, дык... маўчу.

Па тэлефоне ў некаторых выпадках таксама не варта называць выданне (ну не любяць чыноўнікі недзяржаўную прэсу, што зробіш). Можна проста казаць: «Я журналіст, хацеў бы ведаць...». Калі пачынаюць дапытвацца (не так і часта, дарэчы), дык таксама можна не згадваць назву выдання, а адказваць так: «Інфармацыйнае агенцтва... Навіны пішам, ведаеце».

Я думаю, галоўны прынцып: «Калі хочаш пра нешта даведацца — трэба нешта ведаць». Напрыклад, адбываецца нейкае злачынства (як у Рагачове, дзе міліцыянт застрэліў дзяўчыну, ці ў Гомелі, дзе завяліся якіясьці педафілы-замежнікі). Калі вы абапіраецеся на нейкія чуткі, тэлефануеце ў «органы» і кажаце: «Я чуў, недзе быў педафіл», — можна не сумнявацца, што ніхто нічога вам не

паведаміць. А калі вы кажаце: «А што з тым педафілам 1964 года нараджэння, якога затрымалі 23 верасня ў Гомелі на вуліцы Катуніна?» — то тут карты біты, і каментар дадуць — амаль напэўна.

Яшчэ важна для пошуку інфармацыі валодаць рознымі дадатковымі навыкамі. Напрыклад, умець чытаць перакуленыя літары — і хутка. Напрыклад, прыйшоў да чыноўніка, а ён чытае важную паперу, ці на стале ляжаць дакументы нейкія — вам жа яны бачацца дагары нагамі! Ну вось, хутка прачытаў паміж размовай — і пра нешта даведаўся. А потым ужо, валодаючы той мізэрнай інфармацыяй, можаш нешта спраўдзіць яшчэ, паказваючы, што ты сам усё ведаеш.

Калі хочаш даведацца пра нешта важнае, але падазраеш, што наўрад ці атрымаеш інфармацыю, трэба паспрабаваць «усыпіць пільнасць» суразмоўцы. Напрыклад, цябе хвалюе рэзанансное забойства. Не варта адразу пачынаць гаворку пра яго і паказваць сваю зацікаўленасць. Трэба пачаць з крадзяжу курэй у вёсцы і прадэманстраваць, што цябе гэта вельмі хвалюе — проста не спіш, не ясі. А потым можна спытаць пра крадзяжы

веласіпедаў і выплату аліментаў — і так шпарка і зацікаўлена ўсё занатоўваць. І толькі пры развітанні спытацца такім сумным і абыякавым голасам: «А што там з тым жыхаром Гомеля, які забіў пяць чалавек?» Толькі голас павінен быць абсалютна абыякавым, маўляў, не варта і пытаць, так, для падтрымкі размовы. Не заўсёды, не з усімі, але і гэта працуе.

Калі вас з некім блытаюць, дык не адмаўляйцеся. Мне так адну справу далі цікавую, крымінальную, па карупцыі. Чакалі дзяржаўнага журналіста, а прыйшла я — па іншым пытанні, выпадкова. Яны не разабраліся, што я — не яна, і мне далі тую справу, я выйшла, пачытала, выпісала, што цікава, потым вярнулася, аддала і кажу абурана: «Гэта не мне. Што вы мне далі? Навошта, як вы маглі?»

У нас шмат праблемаў з, так бы мовіць, афіцыйнай інфармацыяй і тым, як яе здабыць. Цяжка, канечне, але як цікава і займальна! Проста захапляльная праца! Выраз твару, голас, інтанацыі, стыль размовы, псіхалогія, акцёрскае майстэрства! Ліслівіць, пагражаць, браць хітрасцю, «душыць сінхронна» (паводле выразу аднаго калегі)...

Дарэчы, калі б хто чытаў нашу з калегамі перапіску — нас бы адразу здалі ў міліцыю: проста нейкая інтэрнэт-сходка забойцаў-вычварэнцаў! У нядзелю каля гадзіны ночы лістуемся і абмяркоўваем, як заўтра здабыць інфармацыю ў розных канторах па адной важнай справе. «Прэсавы сакратар нам не скажа!» — плачам мы з калегам. А іншы наш калега піша ў адказ: «Мы будзем душыць Кацярыну сінхронна! Вы адразу з раніцы яе па тэлефоне душаніце, а потым мы далучымся — і таксама душанем. Не дасць нічога — пойдзем да яе і там будзем душыць, яна будзе ісці на абед — мы яе сустрэнем, толькі душыць трэба сінхронна, усім па чарзе! Мы яе давядзём, і ў яе не будзе выбару».

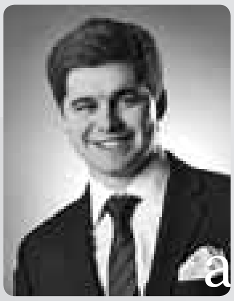
О, як я цябе люблю, мая ты праца. Душыць Кацю з раніцы. Потым «мусоліць» матэрыял. А яшчэ лепш — проста эйфарыя! — калі некуды паехаў, у нейкую кантору, вобразна кажучы, па насоўку, а набыў норкавае футра. І ніхто, акрамя цябе, не ведае пра гэта (пытаўся пра крадзяжы веласіпедаў, а выпадкова даведаўся, што начальніка вялікага прыхапілі на хабары). Я стаю на прыпынку і падскокваю ад нецярплівасці, ледзь не падаючы пад машыны. Потым бягу дадому, распранаюся на лесвіцы, скідаю вопратку ў вітальні на падлогу, разганяю з дарогі хатніх, сядаю за камп'ютар... Мільён, мільярд за гэтыя прыемныя, шчаслівыя хвіліны!

Ці некалькі хвілін да прэсавай канферэнцыі па футболе. Усе мітусяцца, ставяць мікрафоны на лепшыя месцы, сварацца, цягаюць шнуры тудысюды. А ты ўжо сеў на добрае месца, трымаеш нататнік і дыктафон.... Чакаеш галоўных трэнераў. О, якія прыемныя моманты! Не ведаю, чаму, але я адчуваю тады такую гармонію і еднасць з Сусветам і Космасам! Аднак праз хвіліну ты, забыўшыся на дзэн і раўнавагу, выскачыш за дзверы, як апараны, і прадыктуеш рэдактару той каментар. А потым будзеш ісці па цёмнай вуліцы і думаць пра адсутнасць ліхтароў, і пра заўтрашні суд, і пра тую жанчыну, у якой забралі кватэру, і пра выставу матылькоў, і пра нацыяналізацыю, і пра дэвальвацыю, і пра тое, што яйкі зніклі з крамаў і ацяпленне не ўключана, і пра нейкіх дзяцей невядома дзе, якіх замест навучання загналі на бульбу. А потым дойдзеш дахаты і здзівішся: «А хто вось гэтыя дзеці, чаго яны хочуць?»

Я думаю, што люблю сваю працу. І думаю, што яна адказвае мне ўзаемнасцю, падкідваючы амаль штодзень цікавых людзей з цікавымі гісторыямі.

Фота аўтара

Выгодно ли государству содержать СМИ?



Евгений Прейгерман, директор по исследованиям ОО «Дискуссионно-аналитическое сообщество "Либеральный клуб"»

В недемократических режимах понятие «выгода» в отношении социально значимых явлений зачастую не имеет экономического измерения. Там важно не то, чтобы дебет с кредитом сошлись, а то, чтобы власть была под амбарным замком.

Такое отношение в Беларуси и к средствам массовой информации. На рупор власти денег не жалко. Было бы только из чего эти деньги давать!

Но вот когда рупор начинает барахлить, то и деньгами его не спасешь.

Бюджетные расходы на СМИ — крупные «семечки»

Справедливости ради нужно заметить, что бюджетные расходы на СМИ в Беларуси сравнительно не такие уж и большие. Закон «О республиканском бюджете на 2013 год» выделяет на нужды средств массовой информации около 669 млрд рублей. В пересчете на евро (по курсу Национального банка в середине октября) это всего около 60 миллионов. Из них 47 млн евро будут потрачены на поддержку телевидения и радиовещания, на развитие периодической печати и издательства — 6,4 млн евро, а на «прочие вопросы в области средств массовой информации» — 7,7 млн евро.

Еще немного денег СМИ получат из небольших статей расходов бюджета 2013 года, которые связаны с прикладными исследованиями и вопросами религии.

Таким образом, если в 2013 году не будет очередной существенной девальвации белорусского рубля (которая, правда, вполне вероятна), то государственные СМИ увидят чуть-чуть больше денег налогоплательщиков, чем в предыдущие годы. В 2012 году республиканский бюджет средств массовой информации составил более 45 млн евро (по курсу на начало года). А годом ранее — около 54 млн евро.

На фоне некоторых других статей расходов белорусского бюджета отчисления на средства массовой информации выглядят «семечками», хотя и достаточно крупными. Для сравнения: на содержание органов государственной безопасности в 2013 году будет потрачено 776 млрд рублей (около 70 млн евро). На обеспечение жизнедеятельности органов внутренних дел — 4,1 трлн рублей (376 млн евро). А на финансирование хронически неэффективного сельского хозяйства из республиканского бюджета уйдет 6,8 трлн рублей (615 млн евро).

Да и один только резервный фонд президента в три раза превышает запланированные на следующий год расходы на прессу. Его объем составит 1,9 трлн рублей, или где-то 174 млн евро.

Будут подсолнухи — будут и семечки

Однако, отмечая сравнительно небольшие объемы государственного финансирования СМИ, необходимо сделать как минимум три оговорки.

Во-первых, речь в любом случае идет о десятках миллионов евро налогоплательщиков. И даже если на фоне некоторых других статей бюджета это всего лишь крупные «семечки», то все равно возникают закономерные вопросы. Почему эти средства тратятся именно таким образом? Почему лишь отдельные издания и теле- и радиостанции имеют подушку финансовой безопасности в виде денег налогоплательщиков, которые им щедро выделяют государственные бюрократы? И почему другие такой подушки безопасности не имеют?

Во-вторых, медиарынок в Беларуси очень скромен по сравнению даже со странами-соседями. Для нашего и 60 млн евро — это громадная сумма. При низких зарплатах сотрудников и отсутствии постоянной модернизации инфраструктуры государственные СМИ такими деньгами могут покрывать значительную часть всех своих расходов.

В-третьих, если бы у белорусских властей была возможность выделять на подконтрольные им СМИ большие ресурсы, они делали бы это без особых раздумий. Так сказать, были бы подсолнухи, и семечки бы находились.

Другое дело, что бюджетный «пирог» ограничен. Белорусская экономическая модель не позволяет генерировать настолько высокие доходы, чтобы завалить СМИ и другие важные для властей сферы бесконечными потоками денег.

Поэтому руководству Беларуси приходится более реально взвешивать потребности в финансировании и расставлять приоритеты. А на шкале приоритетов, скажем, органы внутренних дел все же имеют больший вес. Ведь именно дубинка в реалиях белорусской системы зачастую является аргументом последней инстанции.

Главное для властей — сохранять внутреннюю легитимность

При всем при этом средства массовой информации, безусловно, служат главным пропагандистским столпом существующего в стране политического режима. По крайней мере пока.

Все эти годы именно средства массовой информации, в первую очередь телевидение, объясняли рядовому гражданину, насколько родное государство его любит и лелеет. Особенно во время различных избирательных кампаний. Поэтому роль СМИ для государства поистине сакральна.

Здесь выгода не может измеряться банальными экономическими категориями: столько-то вложил — столько-то получил на выходе.

Повторюсь: государство, имей оно такую возможность, с радостью вбухивало бы в лояльные СМИ на несколько порядков большие суммы. Потому что государственные средства массовой информации обеспечивают самое главное — поддержание внутренней легитимности власти.

А именно благодаря внутренней легитимности, т. е. принятию большинством населения страны существующих в ней политических реалий, недемократическая власть может позволить себе вызывающее поведение на международной арене и репрессии дома. Поэтому за внутреннюю легитимность власти готовы платить.

Застой и упадок

Правда, в последнее время все более очевидным становится застой в СМИ, плотненько сидящих на бюджетном финансировании. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно периодически пролистывать ведущие государственные газеты и посматривать главные телеканалы страны.

Завязнув в тотальном монополизме, бюрократии и отсутствии свободы слова, они с каждым годом становятся все менее информативными и оригинальными. Их популярность среди белорусской аудитории, пожалуй, наименьшая за последние годы.

Так, по данным Лаборатории аксиометрических исследований «НОВАК», на которые в своей публикации «Все есть число» на портале Mediakritika.by ссылается Эдуард Мельников, абсолютным лидером зрительских предпочтений на протяжении нескольких лет в белорусском телепространстве является ОНТ. Его среднесуточная доля от общего числа зрителей равна почти 25 %. На втором месте — НТВ-Беларусь (около 18 %), на третьем — РТР-Беларусь (почти 14 %), на четвертом — Беларусь-2 (менее 10 %), на пятом — Беларусь-1 (менее 8 %). СТВ находится на последнем месте с менее чем 5 %.

Из приведенных данных хорошо видно, что популярностью у белорусских телезрителей пользуются те каналы, которые большей частью ретранслируют программы российских каналов (ОРТ, НТВ, РТР). Чисто белорусские каналы являются аутсайдерами в списке предпочтений белорусов. При этом из «чисто белорусских» больше всего смотрят Беларусь-2, в эфире которого широко представлена спортивная тематика.

Т. е. граждане Беларуси преимущественно выбирают развлекательные программы и телесериалы российского производства. А из белорусского предпочитают в лучшем случае спорт (хотя во время трансляций английской футбольной Премьер-лиги на телеканале Беларусь-2 наша страна была представлена только минскими комментаторами).

Фактически эти данные свидетельствуют и о том, что поддерживаемые средствами налогоплательщиков госСМИ перестают выполнять свою главную задачу с точки зрения государства — функцию эффективного пиара популярных и не очень популярных решений властей.

Наше все — холдинги. Теперь и в СМИ

Разумеется, что сами власти не могут не реагировать на очевидную деградацию подконтрольных им средств массовой информации. Они позволят лояльным СМИ все, но только не срыв задач государственной пропаганды.

Одним из способов преодолеть застой и неэффективность государственных СМИ руководство Беларуси видит учреждение медиахолдингов. В сентябре министр информации Олег Пролесковский заявил, что ведется работа по созданию общественно-политического издательского дома, куда войдут пять главных газет страны: «Советская Белоруссия», «Народная газета», «Рэспубліка», «Белорусская нива» и «Знамя юности». Ранее также сообщалось о создании медиахолдинга культурной направленности.

В целом тема медиахолдингов является частью тренда по холдингизации всей белорусской экономики. Официальный мотив — провести модернизацию и повысить эффективность отраслей экономики. Сделать это предлагается за счет присоединения отстающих предприятий к более успешным и передачи последним функций управления всем объединенным производственным комплексом.

В перспективности холдинговой модели для экономики Беларуси есть большие сомнения. В частности, результатом может стать еще большая монополизация различных секторов и, как следствие, консервация неконкурентоспособных производств.

Ситуация же с медиахолдингами еще более пессимистичная. Ведь в конечном итоге ни измененная организационная форма, ни еще большие бюджетные вливания не способны дать СМИ самое главное — свободу слова.

Так что белорусским властям не остается ничего, кроме как продолжать подпитывать государственные СМИ деньгами налогоплательщиков. И вопрос здесь не в выгоде, а в элементарной безальтернативности.

Телевидение как источник ложной информации

Леонид МИХЕЙЧИКОВ

Телевидение еще задолго до интернета стало одним из ведущих средств массовой информации. Как и любое СМИ, голубой экран не только предоставляет совокупность определенных актуальных сведений, информирует о ситуации в мире, но и комментирует как сиюминутные события, так и прошедшие, ставшие историей.

И чем объективнее, всестороннее и полнее подаются новости, анализ и обобщение уже свершившегося, тем выше доверие к телевизионным передачам, тем интенсивнее общение с «ящиком». Естественно, телевидение как СМИ включает в себя достаточно широкий, постоянно растущий перечень различных телеканалов. При наличии определенных технических возможностей и личного желания телезритель может смотреть каналы, передачи и программы, которые отвечают его интересам и потребностям. Поэтому общее количество телезрителей в нашей стране (рис. 1) — не показатель того, что информационный продукт, предлагаемый конкретными телеканалами, находит отклик в сердцах и умах белорусских граждан.

В Беларуси практически все взрослые граждане смотрят телевидение. И цифра эта колеблется в пределах 96 %. Правда, во время президентских выборов (декабрь 2010 года) телепрограммы не просматривали, как говорится, только ленивые и слепые.

Небывалый технический прогресс значительно расширил возможности приема программ и передач. Ответы на вопрос: **«Какой тип телевещания вы предпочли?»** (рис. 2) — показали, что большинство (54 %) респондентов пользуются кабельным телевидением. Этот способ просмотра программ и телепередач для зрителей более удобен. И качество «картинки» — лучше, и количество каналов — значительно больше.

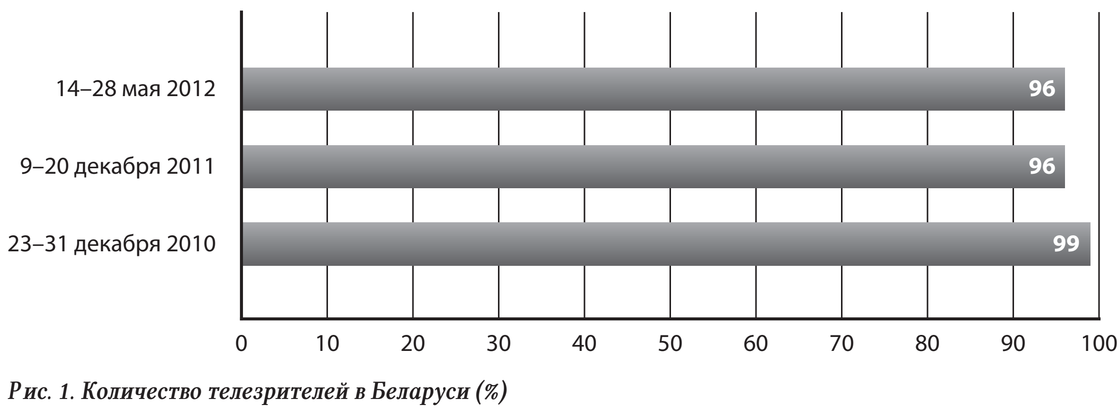


Рис. 1. Количество телезрителей в Беларуси (%)

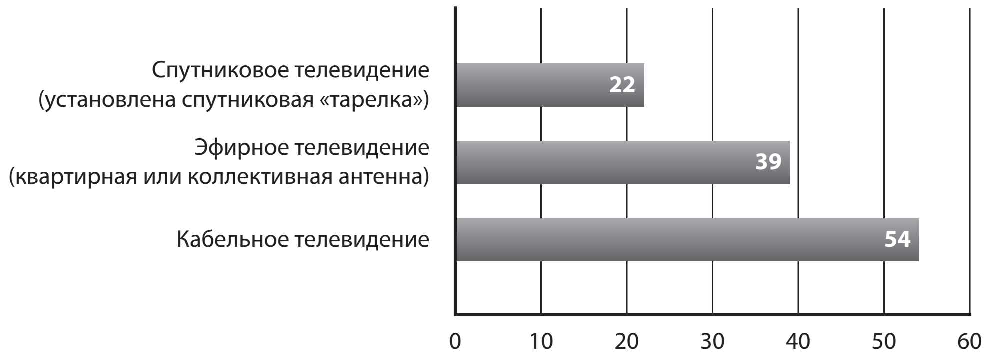


Рис. 2. Предпочитаемые в Беларуси типы телевещания (%; предлагалось выбрать несколько ответов)

Недостаток — выбор каналов, точнее, их отбор уже сделан теми, кто владеет «кабелем». Ведь кабельное телевидение, как и эфирное, подвержено цензуре.

Господствовавшее ранее в Беларуси эфирное телевидение значительно уступает свои позиции. Лишь немногим более трети — 39 % — граждан страны пользуются квартирными или коллективными антеннами. Среди них преобладают женщины, каждый второй — в возрасте 50 лет и старше. 40 % — это работники сельского хозяйства и пенсионеры. И чуть ли не половина — 43 % — жители села. Возможности технического прогресса в полной мере еще не дошли до белорусской глубинки. Это касается кабельного телевидения, но не спутникового. В последнем случае простор для личной инициативы не ограничен. Можно просматривать через спутник как платные, так и бесплатные телеканалы. Можно установить одну, две и более «тарелок».

В ходе исследования каждый пятый респондент указал, что для просмотра программ и передач телевидения пользуется спутниковой «тарелкой» (22 %). Цифра эта не только стабильна для Беларуси, но и имеет тенденцию к увеличению. Среди пользователей спутникового телевидения три четверти — люди в возрасте 18–49 лет (75 %). Более четверти — лица с высшим образованием (29 %). В профессиональном плане здесь более заметно представлены работники творческих профессий и госслужащие, предприниматели и студенты. Чуть ли не каждый второй (43 %) среди них — житель села или небольшого города (с населением менее 50 тыс.).

Респонденты, пользующиеся спутниковым телевидением, могут более объективно судить о качестве программ как государственного телевидения Беларуси, так и иных, условно независимых, телеканалов, избежавших «редактирования» со стороны чиновников, так называемых идеологов.

В декабре 2011 года гражданам, телезрителям Беларуси предлагалось ответить на вопрос: **«В какой степени вы доверяете программам государственного телевидения?»** (рис. 3).

Рис. 3. Уровень доверия программам государственного телевидения (%; предлагалось выбрать один ответ)*

* Социологическое исследование проведено 9–20 декабря 2011 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено полторы тысячи человек. Контролируемые параметры выборки — место проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 1,2 %.

Относительное большинство — 47 % респондентов — указали, что государственному телевидению доверяют. Практически такое же количество — 43 % опрошенных — не доверяют ему. И каждый десятый респондент (10 %) затруднился высказать свое отношение по этому вопросу. Т. е. государственному телевидению доверяют менее половины граждан Беларуси.

О полном доверии телевидению заявило 12 % зрителей, а категорический ответ «не доверяю» дали 14 % респондентов. И две трети — 64 % опрошенных горожан и сельчан — относятся к программам и передачам государственного телевидения с известной долей скептицизма.

Среди доверяющих передачам государственного телевидения преобладают женщины, люди 50 лет и старше. Значительную часть этих телезрителей составляют пенсионеры.

Контингент зрителей, не доверяющих официальному телевидению, представлен в большей степени мужчинами, людьми до 50 лет, рабочими и инженерно-техническими специалистами, представителями творческих профессий и предпринимателями, студентами.

В ходе республиканского зондажа общественного мнения, проведенного в мае 2012 года, жителям Беларуси был задан вопрос: **«Как бы вы охарактеризовали свое отношение к нынешнему белорусскому телевидению?»** Им предлагалось выбрать из заранее сформулированных ответов (рис. 4).

Большинство — 51 % опрошенных граждан — выбрали положительные суждения о белорусском телевидении. При этом более трети — 36 % респондентов — указали, что из *«телепередач можно извлечь много полезной и объективной информации о событиях в мире»*. При этом 15 % горожан и сельчан придерживаются мнения, что *«телевидение дает в целом полную и объективную картину происходящих событий»*.

Оба этих суждения в большей степени распространены среди женщин, людей в возрасте 50 лет и старше, лиц со средним и ниже уровнем образования. В профессиональном плане такого мнения придерживаются преимущественно рабочие и крестьяне, пенсионеры и военнослужащие. Около половины среди них — жители сел и небольших городков Беларуси.

Около трети — 35 % опрошенных граждан страны — придерживаются негативного мнения о белорусском телевидении. Например, 17 % респондентов считают, что программы и передачи

Рис. 4. Мнения о нынешнем белорусском телевидении (%; предлагалось выбрать один ответ)

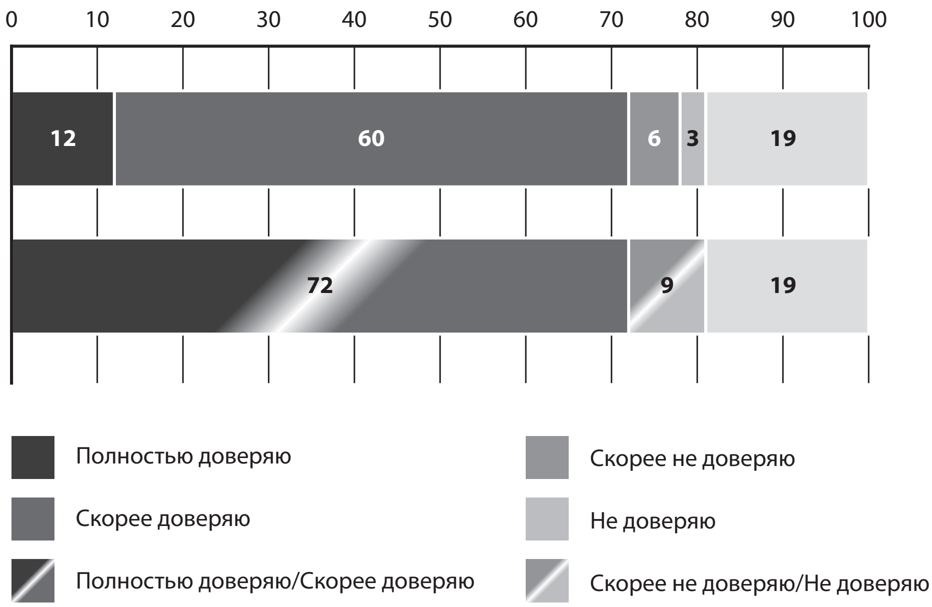


Рис. 5. Степень доверия передачам телеканала «Белсат» (%; предлагалось выбрать один ответ)

белорусского голубого экрана *«дают убогое и искаженное представление о событиях в мире»*. И примерно столько же ответивших на анкету горожан и сельчан уверены, что белорусское телевидение *«дает ложное представление о событиях в мире, оно используется, чтобы манипулировать сознанием людей»* (18 %).

Среди разделяющих подобные суждения о белорусском телевидении более половины составляют мужчины, люди в возрасте 18–49 лет (73 %). Каждый четвертый — человек с высшим образованием. В профессиональном плане это инженерно-технические работники и представители творческих профессий, предприниматели и студенты. Каждый второй респондент, разделяющий негативные суждения о белорусском телевидении, проживает в Минске или в областном центре Беларуси.

Каждый седьмой респондент (14 %) затруднился ответить на предложенный вопрос относительно белорусского телевидения.

Как отмечалось выше (рис. 2), 22 % телезрителей Беларуси владеют спутниковой «тарелкой». И многие из них не только прекрасно осведомлены о существовании, но и просматривают передачи такого телеканала, как «Белсат» («белорусский сателлитовый»). Этим зрителям предлагалось ответить на вопрос: **«В какой мере вы доверяете передачам телеканала “Белсат”?»** (рис. 5). Подавляющее большинство — 72 % респондентов — доверяют программам канала «Белсат». При этом 12 % выбрали ответ «полностью доверяю», а 60 % — «скорее доверяю». Среди лиц, в той или иной мере доверяющих передачам «Белсата», преобладают мужчины, люди в возрасте 18–49 лет, лица с высшим образованием, инженерно-технические работники и представители творческих профессий, предприниматели и студенты, жители областных центров и городов с населением менее 50 тыс. человек, жители села.

В той или иной мере не доверяют телеканалу «Белсат» только 9 % респондентов. И лишь 3 % высказали полное недоверие передачам белорусского сателлитового канала. Каждый пятый телезритель (19 %) затруднился ответить на предложенный вопрос.

Нельзя не отметить заметного различия в уровне доверия каналу «Белсат» и программам белорусского государственного телевидения. 72 % респондентов выказали доверие «Белсату» (бесплатному телеканалу), и 47 % — передачам государственного телевидения, в основном дотируемого из бюджета, в том числе и за счет наших с вами налогов.

Итак, голубой экран может быть как правдивым, так и лживым. Эта общеизвестная истина не нова. Как очевидно и то, что разные телеканалы, передачи и программы пользуются различным уровнем доверия и уважения зрителей.

«Новизна» лишь в том, что доверие налогоплательщиков к государственному телевидению стремительно приближается к уровню «плинтуса». А ведь было время (и не так уж давно), когда передачам БТ верили не только пенсионеры с базовым и ниже уровнем образования.

Да Севярынца нават «Абама» прыязджаў!

У вёску Куплін Пружанскага раёна БАЖаўцы чарговы раз выправіліся ў Міжнародны дзень салідарнасці журналістаў. Бо калега па прафцэху — публіцыст і палітык Павел Севярынец, паводле рашэння суда ператвораны ў «хіміка» за ўдзел у акцыі ў дзень прэзідэнцкіх выбараў 19 снежня 2010 года, менавіта там другі год праводзіць і святы, і будні.

Побыт

— Папраўчая ўстанова адкрытага тыпу размяшчаецца над былым савецкім бункерам — цэнтрам сувязі краін Варшаўскай дамовы. Пасля ліквідацыі вайсковай часткі ўваходы ў падзямелле былі старанна замураваныя і засыпаныя зямлёю. Наверсе арганізаваліся фермерскія гаспадаркі, палеткі ды так званая камендатура — для тых, хто адбывае пакаранне, — распавядае Севярынец.

Увесь сэнс жыцця «хімікаў» — гэта пошукі і адсочванне спіртнога. Прычым, колькі яго тут закапана навокал, ніхто не ведае: у лепшых традыцыях беларускіх партызан, ідучы з працы, зняволеныя імкнуцца дабыць дзе-небудзь бутэлечку-другую, выпіць ці пакінуць дзесьці непадалёк у карчах пра запас.

Міліцыянты ж падсякаюць, дзе гэтыя заначкі ёсць. Прычым не вымаюць іх з зямлі, а робяць засады і пільнуюць. Таму ходзіць-доўжыцца дэтэктыўная гульня: пранесці, напіцца, ды каб яшчэ міліцыянты не здагадаліся. Дарэчы, людзі на Берасцейшчыне п’юць альбо віно, альбо гарэлку. «Глушыць» тэхнічны спірт, як у Малым Сітне, тут лічыцца апошняй справай.

— «Хімікі» працуюць у вакольных мясцовых гаспадарках, а асабіста я — у мясцовага фермера-прыватніка на складзе, — гаворыць Павел.

Склад вялікі, самы вялікі ў Пружанскім раёне — 400 квадратных метраў, дзе захоўваюцца 4300 пазіцый: запчасткі, фарбы, алей, гума ўсялякая. Паўлава задача — выдаваць калгасам усё гэта, калі запатрабуецца. Самы прыбытковы на складзе час, калі ў Пружанах праходзіць які-небудзь семінар ці афіцыйнае свята — усе пачынаюць падфарбоўваць платы, рамантаваць тэхніку і ўсё такое.

Заробак

Па словах Севярынца, заробак у 1,5–2 мільёны рублёў на Берасцейшчыне лічыцца вялікім.

— Але ж і адпрацаваць яго трэба. У мяне на складзе атрымліваецца недзе каля мільёна, можа, крыху меней. Я лічуся падсобным рабочым, хоць выконваю функцыю кладаўшчыка ці нават таваразнаўцы. Да таго ж я знаходжуся ў асаблівым становішчы — працую з 8 да 17 гадзін, з выхаднымі ў суботу і нядзелю. У разуменні кіраўніцтва гэта не праца, а лёгкая прагулка, — распавядае Севярынец.

Усе астатнія «хімікі» працуюць сем дзён у тыдзень, у крайнім выпадку — шэсць (калі баптыст і, згодна з верай, у нядзелю працаваць не можаш). Службоўцы з камендатуры таксама маюць напружаны графік: выходзяць а 6-й, а вяртаюцца дамоў увечары а 8-й. Маюць час хіба прыгатаваць ежу, паглядзець нейкі мульцік і зваліцца на ложак — больш сіл няма.

«Хімікі» не глядзяць ніякіх праграмаў па тэлевізіі. Самыя хадавыя фільмы — мульцікі і

расійскія серыялы пра міліцыянтаў. Толькі некалькі разоў Севярынцу ўдавалася «прабіцца» на Лігу чэмпіёнаў паглядзець ці на БАТЭ.

— Народ далёкі ад усяго: нейкія маленькія радасці, свае беды, і ўсё на гэтым, — гаворыць Павел.

Настроі

На складзе ў асноўным бываюць інжынеры, кіраўнікі гаспадарак — адным словам, мясцовая інтэлігенцыя. Многія, па звестках Паўла, глядзяць «Белсат», слухаюць «варожыя галасы» і адпаведна настроеныя праз гэта.

Найбольшую ўвагу людзей прыцягвае Пётр Пракаповіч, бо той выхадзец з пружанскага краю. Кажуць, ён увесь час «накачвае» грошы ў мясцовыя калгасы за кошт сваіх сувязяў у сталіцы. З некаторых калгасаў на «Севярынцаў» склад прыязджаюць затаварвацца нават на інкасатарскіх браневіках, спісаных з Нацбанка.

— Людзі трымаюць дулю ў кішэні, асабліва пасля мінулагодняй дэвальвацыі. Год таму, калі бахнуў крызіс, у людзей усё абясцэнілася. Абмеркаванне таго, хто як пагарэў і хто як з гэтага выкручваўся, — дагэтуль адна з галоўных тэм. Усе кажуць, што эканамічны цуд ляснуў, — дзеліцца назіраннямі Севярынец.

Заробкі ў людзей вельмі маленькія: галоўны інжынер, напрыклад, які працуе цэлы тыдзень па 12 гадзін штодня, атрымлівае два мільёны. Мясцовыя жыхары імкнуцца зарабляць на кантрабандзе ў Польшчу і Украіну. Да таго ж тут былы вайсковы гарадок пад нагамі: бункеры, кабелі сувязі. Усе хочуць нешта выкапаць ды здаць.

— Трымаецца ўсё за кошт пракаповіцкіх калгасаў, грошы з якіх «размазваюцца» па ўсім Пружанскім раёне, — зазначыў Севярынец.

«Абама» ды ідэалагічная груша

— Неяк прыязджаў да мяне першы сакратар амбасады ЗША ў Беларусі Крыстафер Паніка. Тады я першы раз бачыў на тварах усіх міліцыянтаў літаральна галівудскія ўсмешкі. Карціна такая: усе сустракаюць амерыканскага пасла. Ён, сапраўды трошкі смуглаваты, выходзіць з уласнага джыпа, а я ў гэты час у дзяжурнай частцы афармляю неабходныя паперы. І міліцыянты ўсе ў адзін голас: «О, Абама да Севярынца ідзе!» «Абама» праходзіць у дзяжурную частку, працягвае пашпарт, і міліцыянты ліхаманкава пачынаюць шукаць прапіску. Ну як гэта так, трэба ж адзначыць прапіску, у журнале ёсць адпаведная графа! Пачынаюць гартаць: штат Канектыкут, кактусы нейкія, дзе ж прапіска?! У рэшце рэшт усе «хімікі» пасля гэтага візіту хадзілі і прасілі амерыканскую ежу: гамбургераў нейкіх амерыканцы прывезлі, суп-пюрэ, буцікаў маленькіх. Уся камендатура каштавала, але сустрэча была такая — баявая. Праз месяц пасля гэтага наш ідэолаг прыносіць нешта ў камендатуру і хавае трошкі ад мяне. «Георгіч, што вы там несяце ўжо?» — «А так, нічога». Гляджу: баксёрская груша вялікая ў колерах амерыканскага сцяга. Пытаю: «А з якой мэтай выбралі такія колеры?» — «Ну сам разумееш, “ідзеалагічэскі ўраг!”» Аказалася, што начальства вырашыла: трэба выхоўваць патрыятызм сярод «хімікаў» пасля прыезду амерыканцаў.

Авечкі паўднёваафрыканскага фермера

— Спачатку на месцы былога вайсковага гарадка была вялікая гаспадарка, потым зямлю параздавалі. Пры пад’ездзе да камендатуры, напрыклад, можна ўбачыць гаспадарку фермера Тайса з Паўднёвай Афрыкі. Ён — белы сам, баптыст, напэўна, самы тут моцны. Да таго ж трымае дзве кавярні ў Пружанах. Па пашпарце ён, здаецца, Мат Тайс Тэро, але ўсе яго называюць Тайсам альбо Тайсанам нават, — распавядае Севярынец.

Тайс прыехаў у пачатку 1990-х з рэлігійнай місіяй у былы Савецкі Саюз ды так тут і застаўся.

— Цяпер дзеці тут у яго. У школу ён іх не аддае, сам вучыць, бо ў школе — дзяржаўная ідэалогія і тэорыя эвалюцыі. Мы з ім увесь час абмяркоўваем, як прыватную адукацыю ўзаконіць у краіне падчас пераменаў, — пасміхаецца Севярынец.

Наконт гэтага Тайса ёсць цікавая гісторыя. Калі Аляксандр Лукашэнка заявіў, што трэба ў Беларусі вырошчваць авечак, усе ветэрынары, старшыні калгасаў і іншыя адказныя асобы палезлі ў інтэрнэт шукаць, у каго ёсць гэтыя авечкі. А там, у сувязі з тым, што гэта даволі вядомы экстравагантны выпадак — фермер, які прыехаў з Паўднёвай Афрыкі, інтэрнэт у першую чаргу выдае менавіта яго.

— І нават да мяне некаторыя званілі, запытвалі кантакты гэтага Тайса. Я пісаў пра яго, ён таксама закупаецца ў нас на складзе, — узгадвае Севярынец.

Амністыя

Пасля амністыі «хімікаў» паменела: да яе было больш за сто, зараз — каля шасцідзесяці. Сістэма вызвалення па амністыі, як кажуць людзі дасведчаныя, заснаваная на асабістым стаўленні адміністрацыі да кожнага зняволенага. Агромністае поле для злоўжыванняў: камусьці зафіксавалі парушэнне, камусьці — не. Некаму зафіксавалі ўжо

пяць парушэнняў — ён яшчэ «на хіміі», хтосьці пасля двух ужо едзе ў зону. Усё гэта камбінуецца з супрацоўніцтвам з адміністрацыяй: хто «стукае», а хто не. «Хімікі» ведаюць, хто пры такіх камбінацыях апынуўся на волі.

— На атмасферы, праўда, гэта ніяк не адбілася, бо і без гэтага было ціха. Блатных ці прыблатнёных вычысцілі адсюль адразу пасля майго прыезду, — кажа Севярынец.

Засталіся толькі тыя, хто проста адбывае свой тэрмін. Хтосьці можа па-партызанску напіцца цішком — маўляў, вось мая барацьба, мая жыццёвая пазіцыя. У адрозненне ад Малога Сітна, тут рэжым больш абмежаваны: на Віцебшчыне магчыма было перасоўвацца ў межах вёскі, тут — выхад на вуліцу толькі з дазволу міліцыянтаў. Раз на тыдзень можна ў царкву ці ў лазню, бо ў самой камендатуры гарачай вады няма.

Паплечнікі па аргкамітэце БХД прывезлі на Паўлаву «хімію» бойлер, але адміністрацыя пабаялася яго ставіць. Маўляў, як гэта, бойлер ад апазіцыі паставіць у камендатуру — палітычна няправільна! Так і ляжыць у суседа Тайса шведскі бойлер на 300 літраў.

— Каб толькі не ўзгадвалі хрысціянскіх дэмакратаў добрым словам. Калі я прыехаў сюды год таму, мяне міліцыянты папярэджвалі: «Павел Канстанцінавіч, самае галоўнае — ніякай агітацыі!» Разгар валютнага крызісу, грошай няма ні ў кога — якая яшчэ агітацыя патрэбная? — узгадвае Севярынец.

Бібліятэка

Бібліятэка ў спецкамендатуры — каля тысячы тамоў, дый увесь час кнігі яшчэ прывозяць людзі. Павел кажа, што народ кнігі бярэ. Але для трох патрэбаў: чытаць, лісткі выдзіраць у прыбіральні ды рабіць цвёрдую вокладку для пропускаў, якія ўвесь час губляюцца.

— Я, калі Новы Запавет у прыбіральні заўважыў, лютаваў: «Усе да мяне! Калі ёсць патрэба, у мяне туалетнай паперы цэлы склад, я вам выдам!» Ніхто не заходзіць, але рваць Святое Пісанне перасталі, — распавядае Севярынец.

Самому Паўлу ёсць што чытаць. Цікавіцца хрысціянскай літаратурай: праваслаўнай, каталіцкай, пратэстанцкай. Шмат сябры прывозяць. Напрыканцы лета Андрэй Дынько прывёз пятнаццаць нумароў «ARCHE Пачатак» — хапае.

Павел прызнаецца, што спачатку, калі яго прывезлі ў камендатуру, яму далі мянушку «пісьменнік». Цяпер клічуць «Павал Канстанцінавіч».

— Людзі ўспрымаюць мяне нармальна. Склаўся пэўны вобраз: ездзіць у царкву, вернік, не п’е, размаўляе па-беларуску, мае актыўную грамадзянскую пазіцыю. Спадзяюся, пасля мяне такіх людзей тут будзе болей, — дадае на развітанне Павел Севярынец.

Гутарыў Барыс Гарэцкі
Фота аўтара

Яна — з «ворагаў народу». Але сваёй шчырасцю, прынцыповасцю і прагай справядлівасці Яніна Аляксандраўна чамусьці нагадала мне той самы ідэальны вобраз камуніста, да якога самі бальшавікі крочылі-крочылі, ды так і не дакрочылі.

Яніна Ліхадзіеўская: *«Што з нас возьмеш, калі мы — палонныя?»*

«Гаварыце гучней, я дрэнна чую... Пагутарыць са мной? Можна, але не зараз. Мне трэба прыбраць у кватэры. Пасля дзвюх прыходзьце».

Розных бабулек у якасці гераінь я вельмі люблю. З імі атрымліваюцца цікавыя рэпартажы і інтэрв'ю, яны не надта задумваюцца, як хто на іх словы адрэагуе, і вельмі дасціпна адказваюць на пытанні. Часам абрагочашся, пакуль змантуеш сюжэт для радыё. Асабліва калі гераіні размаўляюць на дыялекце.

Але ў выпадку з Янінай Ліхадзіеўскай весялосці не чакалася. У гэтай 89-гадовай бабулі я мелася распытаць пра яе лагернае мінулае. Найбольшую рэпарцёрскую цікавасць выклікаў факт, што Ліхадзіеўская атрымала свае 10 гадоў за ўдзел у тым самым неадназначным Саюзе беларускай моладзі, які існаваў на акупаванай немцамі тэрыторыі Беларусі.

«Пачытайце Салжаніцына...»

Яніна Аляксандраўна аказалася маленькай, худзенькай, але вельмі жвавай жанчынай з няўрымслівым характарам. У дзве гадзіны я знайшла яе на шпацыры ў дворыку, і яна рашуча адмовілася ад дапамогі занесці яе складанае крэсла ў дом. «Я ўжо сябе, канешне, раздражняю. Там рассыпеш, там разальеш... Не слухаецца ўжо цела». Гэтыя словы гаворыць тая, што тут жа ставіць крэсла ля кухоннай шафы і збіраецца ўжо лезці за прыборамі ледзь не пад столь. Я неяк паспяваю падбегчы і перахапіць ініцыятыву.

«Дык пра што вы хацелі пагутарыць? Пра лагер? Магу сказаць вам адно: пачытайце Салжаніцына і будзеце ведаць пра лагер усё. Я б таксама пачытала, каб там не была».

Больш я не задавала Яніне Аляксандраўне ніводнага пытання. З дзіўнай паслядоўнасцю, лагічнасцю жанчына паўтары гадзіны распавядала мне пра «вялікі лагер» пад назвай Савецкі Саюз, пра шчаслівае дзяцінства ў ім і ўсё, што з таго шчаслівага дзяцінства вынікала.

Гісторыя пачыналася ў эпоху калектывізацыі.

«Тады яшчэ быў горад Менск...»

«Нарадзілася я пры Польшчы, за 60 кіламетраў ад Мінска, пад Мар'інай Горкай. Дзяцінства маё там прайшло да 7 гадоў. Я не памятаю, якое там было дзяцінства. Напэўна, як ва ўсіх.

А вось з 8 гадоў, калі прыйшлі да нас Саветы, я гэтае дзяцінства запомніла. Такі быў час — усе чакалі Саветаў. Думалі, што спусціцца нехта з неба і дасць нам такое жыццё, што будзем мы, як сыр у масле, плаваць.

Прыйшлі яны. А ў майго бацькі брат служыў у польскай арміі, ён адступіў, калі Саветы займалі тэрыторыю

Беларусі. Тады яшчэ быў горад Менск. Мой дзед па маме быў у Менску начальнікам вялікім.

Бацькаў брат быў нежанаты і адступіў, пераехаў у Польшчу. А ў бацькі трое дзяцей, стары наш дзед (ляснічы ў пана Катовіча) і паралізаваная бабуля. Таму бацька і застаўся на хутары. Гаспадарка ў нас была. Каровы, конь — ну вы самі ведаеце, што бывае ў гаспадарцы, каб селянін жыў. І каб краіна жыла.

Бацьку забралі ў 1929-м. Мы нават не ведалі, за што. На тры гады выслалі ў Архангельскую вобласць, горад Волагда. Маці засталася з трыма дзецьмі, малодшаму — паўтара года.

Неяк да нас прыехала маладая дама ў скураной тужурцы, з пісталетам, на добрым кані. І заявіла, што ў нас тры дні, каб сабрацца да бацькі ў Волагду. Да нас прыставілі канвой, каб з хлявоў нічога нікуды не дзелася. Тады ж яшчэ не было калектывізацыі.

З'ехаліся ўсе родныя. Нехта шые, нехта вяжа. Мы, дзеці, не маглі зразумець, што вакол адбываецца. Сядзім на печы і назіраем, як па хаце носіцца мама, плача, крычыць, рукамі за галаву хапаецца. Тут маме брат яе гаворыць: «Аня, едзь хутчэй у Менск, прыехала Крупская». Мама паехала і дабілася, каб нас пакінулі.

Праз тры дні прыязджае тая ж дама і гаворыць: «Развязвайце свае вузлы». Мы, дзеці, нават крыху расчараваліся. Мы ж, наадварот, радаваліся, што кудысьці едзем.

І гаспадарку нам таксама пакінулі».

«У нас быў сусед...»

«Праз тры з паловай гады вярнуўся бацька. Мы, дзеці, на яго ўжо забыліся. Гулялі ў двары ды пабачылі, што нейкі дзядзька сядзіць пад каштанам ды плача, на нас гледзячы.

У нас быў сусед, які раней вельмі чакаў Саветаў. І майго бацьку ён не палюбіў, бо той быў католік і за яго багацейшы. Мой бацька працуе, а той ляжыць ды чакае Саветаў. І калі яны прыйшлі, сусед ім і сказаў пра бацькавага брата. Аказваецца, за гэта майго бацьку і пасадзілі — абвінавацілі ў шпіянажы на карысць Польшчы. Гэта быў першы данос.

Другі данос быў, калі бацька вярнуўся. У нас ва ўсю калектывізацыя. Мы толькі бачым, як ноччу вывозяць адных, другіх... Даходзіць чарга і да нас. Прыходзяць: «Усю гаспадарку аддавайце ў калгас і самі ўступайце». Бацька, напэўна, адмовіўся.

Што ж... Яны прыязджаюць, зноў ставяць каравул, усё за дзень вывозяць і гавораць, каб да вечара духу нашага не было. Дзед пытае: «А куды ж мне і дзецям ісці?» «Ну ты ж быў ляснічым у пана. Да ваўкоў іх і вядзі».

Мы пайшлі ў лес, і адтуль нас забралі сваякі ды адвезлі да бабулі.

Бацька знайшоў працу ў Асіповічах, і мы туды перабраліся. Здымалі невялікую частку доміка. У 1937 годзе другі раз забіраюць бацьку. Прыйшлі ноччу, мама нас нават не будзіла. Зноў не ведалі, за што і куды.

Мама ўладкавалася на працу прыбіральшчыцай на бойні. Але мы ж — сям'я ворага народу. Прыходзіць аднойчы мама з працы, а ў нас акно выстаўленае і частка сцяны зрэзаная. І мы сядзім усе ўтраіх, як вераб'і, адно да аднаго прыціскаемся. Было холадна, кастрычнік на дварэ. Мама адразу здагадалася, што гаспадар дома гэта зрабіў для таго, каб мы з'ехалі. Мама ў роспачы тады сказала: «Я вас аддам дзяржаве, а сама скончу жыццё самагубствам!» Мы пачалі крычаць, і нас пашкадавалі суседзі-габрэі, забралі да сябе. У іх была кантора, маму ўзялі прыбіральшчыцай. Там у калідоры мы і цясніліся. Без усялякай мэблі. З рэчаў толькі вопратка і штосьці з пасцельнай бялізны.

Дзяцінства, канешне... Бачыце самі. Бацька сядзіць, раскулачаныя, у школе на нас глядзяць па-іншаму. Мы бачым, як апранаюцца, што ядуць, а ў нас такога няма. Але мы толькі і чуем, што ў нас самае шчаслівае дзяцінства, што «нет больше страны, где так вольно дышится человеку». Я гэта добра запомніла.

Школьныя святы. Усё лепшае апранаем і нясём «бацьку роднага». Мы глядзім на яго і крычым: «Дзякуй табе за нашае шчаслівае дзяцінства!» Мы думалі, што і на самай справе мы такія шчаслівыя, і краіны другой такой няма, як наша дзяржава.

Вось у гэтай краіне я заканчваю 7 класаў і паступаю ў школу медсясцёр. Думала, павучуся і, калі ўсё будзе добра, паеду паступаць у Мінск. Вельмі хацела быць доктарам».

Наляцелі «месершміты»

«Я закончыла першы курс, калі пачалася вайна. Якраз здала апошні экзамен. Людзі бегаюць, нешта купляюць... У нас грошай няма, таму мы проста чакаем. Праз месяц аб'явілі эвакуацыю ў вёску.

Там нас ніхто не корміць, бо каму мы патрэбныя ў той вёсцы? У нас жа нічога няма, каб мяняць на ежу. Тры тыдні мы сядзелі ў нейкім хляве, пасля мама кажа: «Дзеткі, трэба ісці ў горад».

Ідзём — а там ужо немцы. Невялікая рэчка, яны там купаюцца, мыюцца. Мама непакоіцца: «Як жа міма іх прайсці?» Вельмі за нас хвалявалася з сястрой. Яны нас і напраўду перапынілі, але распыталі, куды ідзём, далі шакаладку і адпусцілі.

...І вось нас забіраюць у Германію. У сям'і дзве дзяўчыны, значыць, адну трэба забраць. Забралі сястру. Яна там зрабіла сабе, калі па-лагернаму казаць, «мастырку» — раздрапала нагу і чымсьці памазала. Яе камісавалі і адправілі дадому. Забіраюць мяне».

Саюз беларускай моладзі

«Я ўжо чакаю адпраўкі, але тут прыходзіць чалавек і выклікае трох дзяўчат: мяне, Ядвігу Сушынскую і Вольгу (не памятаю прозвішча) — у Мінск на курсы. Мы не ведалі, што за курсы, нам ніхто не казаў. «А калі не паедзеце, адправім вас заўтра ў Германію».

Я маме ўсё пераказала. Мама кажа: «Дачушка! Калі цябе адправяць у Германію, мы цябе ўжо ніколі не ўбачым. А калі паедзеш на курсы — будзеш жывая».

Еду на курсы.

Барак. На беларускай мове ўсе размаўляюць. Вітаюць адно аднаго: «Жыве Беларусь!» Спяваюць песні. Мы гэтага ўсяго не ведалі. У нас быў адзін урок беларускай мовы на тыдзень. Але мы да яе так ставіліся, разумееце?.. Усё ж перавялі на рускую мову. А мы — палонныя, нічога не паробіш.

Спяваем. Павадзілі нас па Мінску. Моладзь закідвае нас каменьчыкамі і крычыць: «Белая гусь! Жыве Беларусь! Жыве Беларусь! Белая гусь!» Нам расказвалі пра Бярэсце, распавядалі, як паўставала і развівалася Беларусь. Хацелі ўзнавіць сваю нацыянальную прысутнасць. Мы гэтага не маглі ўспрыняць, таму што ў нас ужо было савецкае выхаванне. Мы тое выхаванне таксама не прымалі, але страх ад яго ў нас ужо быў. Савецкая ўлада і наш любімы бацька — гэта была такая страшылка для нас, што мы нават падумаць пра нешта іншае баяліся.

Прайшло два тыдні. Мяне прызначылі быццам галоўнай і адправілі дадому. Я прыязджаю ў свае Асіповічы. Арганізоўваць няма каго: яўрэяў прыбралі немцы, астатнія пайшлі ў партызаны. Няма з кім спяваць, няма з кім займацца. Мяне разжалавалі, я — ужо радавы член Саюза беларускай моладзі.

Праз нейкі час выклікаюць мяне ў Мінск. «Мы збіраем групу для адпраўкі ў Германію на экскурсію. Ты паедзеш таксама». Павазілі па нейкіх гарадах, пазнаёмілі з Гітлерюгендам. Яны нам песні паспявалі, мы на іх паглядзелі, яны на нас паглядзелі, і на гэтым развіталіся. Гэта цяпер бы я зразумела, для чаго мяне адпраўляюць. Я, мажа, яшчэ б і папрасіла застацца. А тады быў зусім іншы час. Мы былі наіўныя. Нам хацелася дамоў — вайна ж ідзе.

Вяртаемся ў Мінск. Я хачу ехаць у свае Асіповічы, але мне кажуць, што тэрыторыю занялі партызаны. Нас саджаюць у вагоны і зноў адпраўляюць у Германію. Я нават з роднымі не сустрэлася».

«Я ж і падумаць не магла, што мяне пасадзяць за Саюз беларускай моладзі...»

«Прывезлі нас у Патсдам і ўладкавалі на працу. Працую там, працую ў Берліне, з такімі ж, як я, чакаю перамогі. Калі нашы наступалі, з сутарэння не вылазілі. Тут ужо немцы кажуць: «Фройляйн, выходзьце. Гітлер капут!» Мы выйшлі — і сапраўды нашыя войскі.

Мяне пакінулі ў Германіі. Спачатку я была перакладчыцай у «СМЕРШ», у тройцы. Але сышла, яны сябе вельмі некультурна паводзілі.

Адкрыўся рэстаран «Масква». Адабралі шмат дзяўчат, якія хацелі ехаць дадому, працаваць там афіцыянткамі. Нагледзелася там на пераможцаў! Пілі, елі, паводзілі сябе так, што і гаварыць не хочацца. Запомніліся добра.

Нарэшце выязджаю дадому. Там я ўжо была на заметцы. Мне нават, мяркую, падаслалі ў Германію Галачку Кагачэўскую, якая прыехала нібыта таксама ў рэстаран працаваць. Прыехала і так да мяне прычапілася! Я з ёй мала размаўляла, бо мне гэта падавалася дзіўным, але нешта за Саюз беларускай моладзі я ўсё ж ёй расказвала.

Прыязджаю дадому, заяўляюся ў органы, і тут забіраюць маю сястру, хоць ні ў якім саюзе яна не была. Яна жыла ў Роўне, выйшла за ўкраінца замуж. Іх дзіцяці было толькі паўгода, калі яе забіралі. Мама забрала сына Рэгіны да сябе, і я марыла, што выхаваю яго. Я ж і падумаць не магла, што мяне пасадзяць за Саюз беларускай моладзі. Але муж Рэгіны патрабаваў, каб мы прывезлі сына яму, я так і зрабіла.

Калі вярнулася з Роўна, арыштоўваюць і мяне. 29 студзеня 1946 года. Якраз нядаўна прыйшоў бацька, я нават пагаварыць з ім не паспела, распытаць, дзе быў і за што яго пасадзілі. Сказаў толькі, што браў ежу ў сабак.

Як можна на гэта ўсё забыцца? Яно запісана ў мозгу так, што я забудуся толькі тады, калі зраблю апошні выдых.

Прывезлі мяне ў Мінск. Кароткі допыт. Мяне кідаюць у камеру да рэцыдывістак. Яны ўсе распісаныя, размалёваныя, размаўляюць на сваім жаргоне. Я не ведала, што такія ёсць. Я ў дзвярах так і стала. Яны на мяне паглядзелі. Я ж толькі з Германіі, ды яшчэ з рэстарана, дзе працавала. У мяне выгляд тады быў прыгожы. Яны кажуць: «Нямецкая падсцілка», — і паказваюць, што спаць буду пад нарамі. І ўсё. Больш яны са мной не размаўлялі.

Зноў выклікаюць на допыт. Я ўсё расказваю. Нікому ніколі не спавядалася, а тут спавядаюся перад гэтымі д'ябламі. Зараз бы я панаказала, навошта я паехала ў Германію! А тады гаварыла ўсё, як ёсць, сумленна.

Доўга следства не вялося — напэўна, з тыдзень. Тая ж тройка, на якую я працавала, толькі ў іншым складзе: «Вы прызналі сябе вінаватай. 10 гадоў аддаленых лагераў. Апошняе слова».

А што я павінна сказаць? Кажу: «Калі буду жывая-здаровая, паспрабую апраўдаць сваю віну». Якую віну? А яны мне такую віну напісалі!.. Што я змагалася супраць бальшавізму, што збірала атрад у 100 чалавек, спявала антысавецкія песні, вербавала за мяжой людзей не толькі ў СБМ, але і нейкую Армію Краёву».

Уся краіна — адзін ГУЛАГ

«Прывозяць нас у Іркуцк, грузяць на баржу і па рацэ Лене, Ангары вязуць у Бадайбо. Спачатку нас адправілі на земляныя працы, а зімой — на павал. Абмундзіравалі ў страшную вопратку. За 9 гадоў я ні разу не атрымала новай куфайкі, новага бушлата, сукенкі, штаноў. Усё было ўжо скарыстанае. Начальнік проста сказаў: «Нам патрэбна вашае прыніжэнне. Але праца таксама». Нормы былі вялізныя, а кармілі вельмі мала. Сёй-той не вытрымліваў і сыходзіў з жыцця.

А сястру маю адправілі на Усход. Таксама далі 10 гадоў. Яе абвінавацілі ў тым, што прадала партызанскі атрад. Яна пра гэта абвінавачанне даведалася толькі пасля рэабілітацыі. Сем гадоў прабыла ў лагерах і не ведала, за што. Сына, бедная, страціла — яго выхавала іншая жанчына. Жах адзін!

Пасылкі нам дазваляліся раз на год без аніякай перапіскі. З гэтай пасылкі я не магла сабе нічога ўзяць, усё забіралі на месцы. Сваю вопратку бачыла на іншых.

Калі я ўжо не магла ўстаць з нараў, каб ісці на лесапавал, тады пераводзілі ў іншы атрад і там давалі крыху больш кашы. На ноч распранутую выводзілі ў наручніках у карцэр. І гэта зімой. Не ведала, ці дажыву да раніцы, але мне было ўсё адно. І я ж выжыла. Разумееце? Выжыла! Во чалавек — звер загіне, а ён выжыве.

Летам мы па калена ў вадзе будавалі нікому не патрэбную дарогу. Выкарчоўвалі пні ад дрэў, якія зімой пілавалі…

У 1950-м нас (не ўсіх) адпраўляюць у Іркуцк. Пагружаюць у сталыпінскі вагон, у якім — штосьці падобнае на купэ, толькі з нарамі. Трэба залазіць нагамі, а галавой класціся ў праход. І мы толькі ляжым, сядзець мы не можам.

Вязуць нас у бухту Ваніна. А там ужо мая сястра, у іх лагеры таксама групу адабралі. І вось яна мяне знайшла. Падхапіла і панесла, бо я ўжо ісці не магла. І нас разам адпраўляюць на Калыму. Сястра яшчэ нядрэнна выглядала, на Усходзе ў іх быў добры начальнік. А я была мерцвяком.

Прыплылі мы ў Нагаева, там прапускнік. Нас з сястрой разлучылі. Яна застаецца ў Магадане, на будаўніцтве, а мяне адпраўляюць на Бутугычаг. Там здабывалі касітэрыт. Вельмі прыгожы чорны матэрыял, яго ў ваенных мэтах выкарыстоўвалі. Тут доўга ніхто не затрымліваўся таксама. Усё-такі радыяцыя. Я там пабыла, напэўна, гады два.

Не памятаю, у якім годзе вярнулася ў Магадан. На будаўніцтва адміністрацыйнага комплексу. Увогуле выкарыстоўвалі нас… Я працавала на цагляным заводзе, на лесапільні… На якіх цяжкіх працах! І ніводнага дня не была на бальнічным. За 9 гадоў ні насмарку, ні тэмпературы. Даходзіла толькі таму, што дрэнна харчавалася. І нас заўсёды суправаджала група рэцыдывістаў, якая не працавала. Мы іх апрацоўвалі. Калі я не паспею свае 100 г хлеба з'есці, то яны могуць забраць. Яны сядалі каля труб у бараках, нас блізка да цяпла не падпускалі.

А якія халодныя былі баракі! Першыя тры гады нам ніякай пасцелі не выдавалі. З травы рабілі падушкі. Толькі ў Магадане нам упершыню выдалі коўдры. Гэта жах адзін! А там жа спрэс 20-гадовыя дзяўчаты.

Там я пазнаёмілася са сваім мужам, такім жа гулагаўцам. Там у мяне дачка нарадзілася. Ніякага не было дэкрэтнага адпачынку, прымушалі працаваць. І ўсё-ткі дачка ў мяне з'явілася. А пасля яшчэ і другая.

Увогуле ГУЛАГ гэты… Я ўсім кажу, што вучылася ў МДУ, але з практыкай. Не можаш — навучым, не хочаш — прымусім…

Можа, на нешта забылася. Усё-такі шмат гадоў прайшло. Але тое, што я ніводнага дня не была на лёгкай жаночай працы, — гэта дакладна.

Я з начальствам не была ў стасунках. Не магла іх бачыць. Яны гэта ведалі і бачылі ўва мне сапраўднага ворага. Я не магла ім ні ўсміхацца, як іншыя, ні прайсці міма, каб не плюнуць. Я пераканалася ў іх несправядлівасці, іх жорсткасці, іх хамстве. Гэта перавярнула ўсё. Я нарадзілася нанава. Я згубіла веру ва ўсё, што дэкларавалася.

Мяне пыталі нядаўна, ці галасавала я на апошніх выбарах. Я адказваю: «Гэта вам трэба галасаваць і патрабаваць са сваіх абраннікаў. А ў мяне ўжо ёсць свае ніжняя і верхняя палаты». Нас заўсёды падманвалі. Як жа я буду галасаваць, калі ведаю, што абяцанняў ніхто не выканае?

Я веру, што ёсць нешта найвышэйшае, але ў касцёл больш не хаджу. Я зайшла адзін раз, там быў музей. У касцёле — музей! Зараз там зноў касцёл, але на яго паказвае «мой дзядуля», і я не магу туды пайсці. Гэта ж быў «мой дзядуля»! Я прыходзіла са школы і роднаму дзеду казала: «Ты не мой дзядуля — вось хто мой дзядуля!» Дзед казаў, што калі-небудзь патлумачыць, чаму я дурноту кажу. Але я ўсё зразумела сама.

Я б ніколі не паверыла, што зараз таксама ёсць палітычныя вязні. Аказваецца, яны ёсць. Я магу ім толькі пажадаць заставацца са сваёй марай, верыць сабе і блізкім людзям. Мне б хацелася, каб найхутчэй выйшаў апошні з такіх. Таму што турма — гэта турма.

Гутарыла Іна Хоміч
Фота аўтара

Забвению не подлежит

К 75-летию начала «Большого террора»

Игорь КУЗНЕЦОВ,
историк

В этом году белорусское общество отмечает печальное семидесятипятилетие. Именно в 1937-м кровавый разгул сталинских репрессий достиг самого высокого уровня. Незваные гости врывались в городские квартиры и деревенские хаты. Целыми семьями людей вывозили на Север, в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток. Расстреливали в многочисленных Куропатах. Лучших из лучших советская система называла врагами народа и отдавала в руки большевистских палачей.

Семьдесят пять лет назад, по решению высших партийных органов, в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большой террор»; в народе же ее называют просто — «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда — и до, и после 1937 г. — сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что «Большому террору» были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал — и продолжает оказывать — на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой — это **репрессии гигантского масштаба**, охватившие все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937–1938 гг. по политическим обвинениям в СССР было арестовано более 5 миллионов человек, в том числе в БССР более 600 тысяч.

Издевательства над людьми и их истребление чекистами носили плановый характер. В 1920–1950-е каторжные годы только ГУЛАГ поглотил более 500 тысяч уроженцев Беларуси. В целом же число официально и неофициально репрессированных превышает 1,6 миллиона. Даже трудно представить: наиболее способное к творческому и продуктивному труду население большого европейского города, сравнимого с сегодняшним Минском, попадает в лапы и кромешный ад ГУЛАГа.

Во многих случаях репрессии носили характер геноцида белорусов. С самого начала образования БССР и до 1953 г. в Беларуси была уничтожена почти вся «дореволюционная» сознательная, культурная, образованная интеллигенция. Если бы не эти потери, сегодня у нас была бы совершенно другая страна. Негативное отношение властей к национальным ценностям, к сожалению, превратилось в тенденцию, которая сохраняется до сих пор.

Тридцать Седьмой — это невероятная **жестокость приговоров**: более 3 миллионов расстрелянных в СССР, в том числе более 250 тысяч были казнены в БССР.

29 октября 1937 г. — особенно тяжелый и трагичный день в истории белорусского народа. Только за одну ночь в Минске сталинские опричники расстреляли 107 выдающихся

представителей творческой и научно-технической интеллигенции, в том числе народных комиссаров образования Александра Ворончено и Александра Чернушевича, наркома финансов Ивана Куделько, ректоров БГУ Анания Дьякова, Язэпа Кореневского и Алексея Кучинского, декана Евгения Успенского, профессора Степана Маргелова, директора Белпедтехникума Михаила Рыдзевского и преподавателя этого техникума Игнатия Афанасьева, второго секретаря ЦК КПБ(б) Миколу Арабея, ряд ответственных работников ЦК, СНК, ЦИК, других учреждений, 22 писателей и общественных деятелей: Михася Чарота, Янку Нёманского, Платона Головача, Алеся Дударя, Михася Зарецкого, Василя Коваля, Юлия Таубина, Валерия Морякова, Василия Сташевского, Зяму Пивоварова, Изи Харика, Тодара Кляшторного, Анатолия Вольного, Юрку Лявонного и др., известных в то время журналистов Виктора Войнова, Павла Шестакова... Многие из арестованных были настолько избиты, что не могли стоять на ногах, и их волоком тянули на расстрел. А жен, детей и близких родственников расстрелянных тогда же бросили в концентрационные лагеря.

Истребление интеллектуальной элиты нашей нации было проведено и в областных городах. Это стало очередным ударом по белорусскому образованию, по духовной культуре, по языку.

Тридцать Седьмой — это **беспрецедентная плановость** террористических «спецопераций». Вся кампания была заранее тщательно продумана высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежавшие «чистке», а также «лимиты» — плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые инициативы снизу должны были согласовываться с Москвой и получать одобрение.

Но основной массе населения, не знакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников «Большой террор» выглядел **гигантской лотереей**. Почти мистическая непостижимость происходящего наводила ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули и представителей новой белорусской элиты: политической, военной, хозяйственной. Расправа над людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что «Большой террор» будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими.

Тридцать Седьмой — это **не известные мировой истории масштабы фальсификации обвинений**. В 1937–1938 гг. возможность ареста определялась главным образом принадлежностью к какой-либо категории населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или связями — служебными, родственными, дружескими — с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной «вины» было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастически ложные обвинения в контрреволюционных заговорах, шпионаже, подготовке к террористическим актам, диверсиях и т. п.

Тридцать Седьмой — это **возрождение в XX веке средневекового инквизиционного процесса** со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное **«признание своей вины»** самим подследственным. Стремление добиться такого признания в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений привело к **массовому применению пыток**. Летом 1937-го пытки были **официально санкционированы** и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой — это **чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства**. Это **тайна**, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя **официальная ложь** о судьбах расстрелянных: сначала — о мифических «лагерях без права переписки», затем — о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой — это **круговая порука**, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен — от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура **«ЧСИР»** — «член семьи изменника Родины», которая сама по себе явилась приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» — людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это окончательная **девальвация ценности человеческой жизни и свободы**. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, *Тридцать Седьмой* — это фантастическое **сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией**, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 г. окончательно сформировалась характерная черта советского общества — **двоемыслие**, следствие раздвоения реальности, навязанного государственной пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

И сейчас, семьдесят пять лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики Беларуси явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы 1937–1938 гг., так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти — это непреодоленное последствие «Большого террора».

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, — это тоже очевидное наследие «Большого террора».

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, — это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период «Большого террора».

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль — это тоже итог «Большого террора». В тот период большевистский режим поставил последнюю точку в своей многолетней борьбе с гражданским обществом. К 1937 г. все коллективные формы общественной жизни в БССР — культурной, научной, религиозной, социальной и т. п., не говоря уже о политической, — были уже ликвидированы или подменены имитациями, муляжами. После этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной белорусской политике старой концепции «враждебного окружения» — идеологической базы и пропагандистской основы «Большого террора», подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте, — все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инакости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи — это тоже во многом результат «Большого террора».

Безудержный **цинизм** — оборотная сторона двоемыслия, волчья лагерная мораль («умри ты сегодня, а я — завтра»), утрата традиционных семейных ценностей — и этими нашими бедами мы в большой мере обязаны школе «Большого террора», школе ГУЛАГа.

Катастрофическая **разобщенность** людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности — все это

последствия репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат «Большого террора», целью которого ведь и было раздробление общества на атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

Разумеется, сегодня наследие «Большого террора» не воплощается и вряд ли может воплотиться в том же масштабе — мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что необходимо сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последних два десятилетия показали, что **необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций**. Террористической политике тогдашних руководителей страны и, прежде всего, генерального идеолога и верховного организатора террора — Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем в возрождении правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно станет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призрак сталинизма будет периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в современной жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган (указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне).

В белорусском законодательстве отсутствует упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку — она очевидна. Необходимо ввести **слова о моральном ущербе в текст Закона**. Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков — выживших узников ГУЛАГа, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора — это важная, но недостаточная мера.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в БССР. Для этого нужно, прежде всего, **снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями**.

Давно пора сделать современное историческое знание об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, **школьные и вузовские учебники па истории**, в которых теме политических репрессий и, в частности, «Большому террору», было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле этого слова. Необходимы просветительские и культурные программы, посвященные этой теме, на **каналах телевидения**. Нужна **государственная поддержка издательских проектов** по выпуску научной, публицистической, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Можно и нужно создать **общенациональный Музей истории государственного террора**, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех **исторических и краеведческих музеях** страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии — Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Минске **общенациональный памятник погибшим**, который был бы установлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 22 года... Но этого мало: надо, чтобы памятники жертвам террора были установлены по всей стране.

В стране должны появиться **памятные знаки и мемориальные доски**, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и т. п.

Необходимо убрать из названий улиц, площадей и населенных пунктов имена государственных деятелей — организаторов и активных участников террора. **Топонимика не может больше оставаться зоной увековечения памяти преступников**.

Нужна государственная программа подготовки и издания во всех областях **Книг памяти жертв политических репрессий**.

Следует срочно разработать и осуществить общегосударственную или даже межгосударственную **программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора**. Это проблема не столько образовательная и просветительская,

сколько нравственная. На территории бывшего СССР, в том числе и БССР, разбросаны многие сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ.

Вся эта работа будет способствовать восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогать в выработке устойчивого иммунитета к тоталитарным стереотипам.

Очевидно, что очень многое из того, что необходимо сделать, должно осуществляться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего совместными усилиями постсоветских государств. История террора понимается и трактуется в этих государствах по-разному, это естественно. Но принципиально важно, чтобы различное отношение к этой проблеме не препятствовало диалогу. Диалог национальных памятей — важная и необходимая часть осмысления исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытку снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на другого.

К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечня взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая **комплексная программа**, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, **международной и межгосударственной**. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого.

Память о терроре — это общая память народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас. Потому, что это не только память о чудовищных преступлениях, но и о совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

Конечно, память о прошлом формируется не указами и постановлениями. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. И чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении «Большого террора» и опыта советской истории нуждается не только Беларусь и не только страны, входившие когда-то в СССР или в состав социалистического лагеря. В таком обсуждении нуждаются все цивилизованные страны и народы, все человечество, ибо события «Большого террора» наложили отпечаток и на всемирную историю. **Куропаты, ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима**.

Эти символы выходят за пределы исторической судьбы исключительно СССР или Беларуси и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства.

К сожалению, именно в Беларуси готовность общества в 1980-е узнать и принять правду о своей истории сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием копаться в прошлом. Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официально формулируемой концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»).

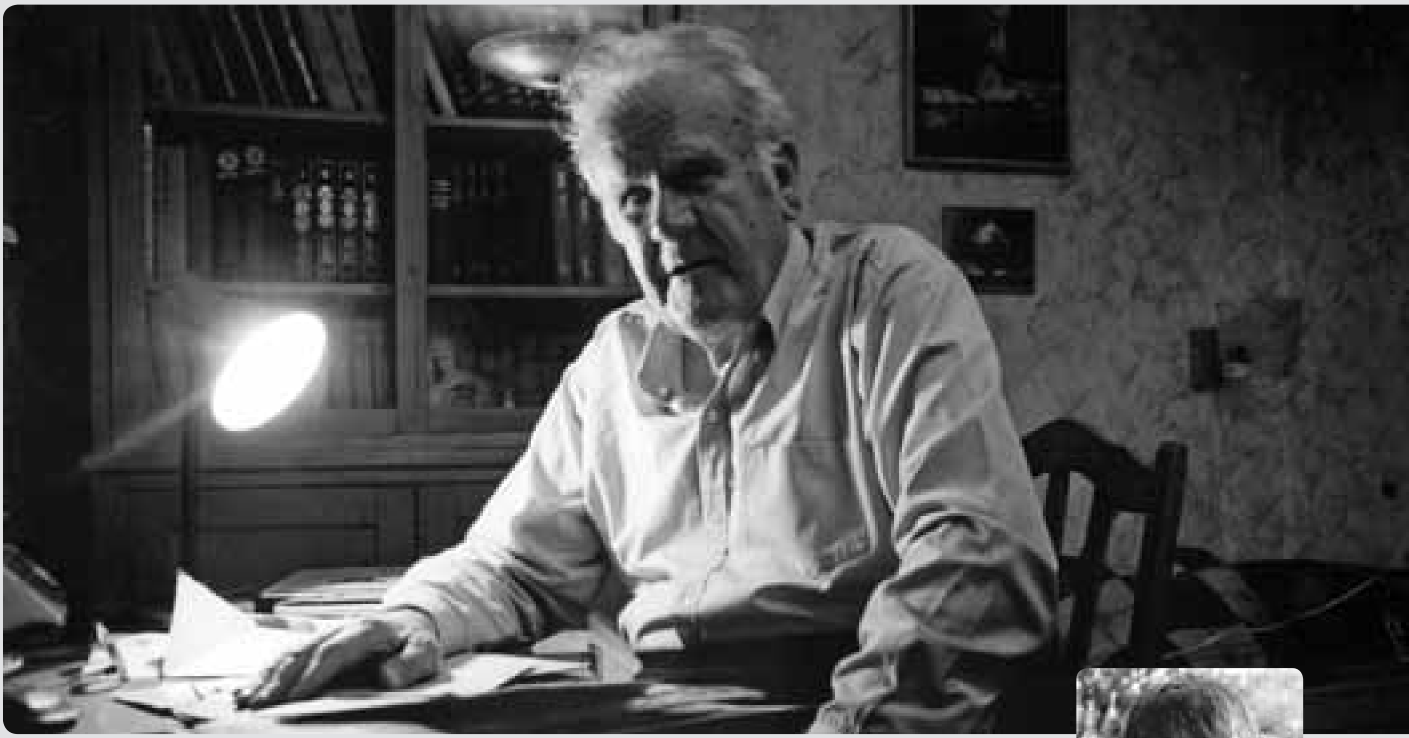
Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

И, в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее, осмыслить во имя будущего! Можно понять, почему это так. Честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но сегодня **без принятия этого, безусловно, тяжелейшего груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации, никакого духовного возрождения и обновления**.

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории хотелось бы призвать всех, кому дорого будущее нашей страны, более пристально вглядеться в прошлое и постараться осмыслить его уроки.



«Об итогах думаю давно, но все еще не подвел их окончательно…»

Сергей ШАПРАН

Вспоминая Ивана Антоновича Брыля

В августе народному писателю Беларуси Янке Брылю исполнилось бы 95 лет. Давным-давно, еще в немецком плену, один русский эмигрант, служивший во французской армии, нагадал Брылю, что его главная мечта обязательно сбудется и что доживет он до 96 лет. И если заветная мечта Ивана Антоновича — посвятить жизнь белорусскому слову и литературе — действительно осуществилась, то второе предсказание так и не сбылось — Брыля не стало в июле 2006-го.

Я, конечно, не могу назвать себя близким к Ивану Антоновичу человеком — и не по одной лишь причине разницы в возрасте. К тому же другие знали Брыля лучше и, надеюсь, еще расскажут о нем и расскажут совсем иначе. Единственное, может быть, достоинство этих моих записей — они делались после каждого разговора с Брылем. И, перечитав их теперь, я в который уже раз пожалел лишь об одном — о том, что предсказание русского военнопленного все же не сбылось.

2002 г.

11 июля

От Валентина Дмитриевича Оскоцкого узнал, что Брыль сейчас не в Криничном, куда он обычно уезжает летом, а в Минске. Вечером я решился позвонить. Брыль говорил по-русски, очевидно, потому, что я так к нему обратился. Представившись, я сказал:

— Знаю, что Вы, Иван Антонович, против интервью — Василь Сергеевич Сёмуха говорил…

— И что, Вы не поверили Сёмухе?

— Поверил, но хотел бы сделать фоторепортаж о том, как Вы живете. Никаких интервью. Просто хотелось бы отметить на страницах нашей газеты Ваш юбилей — по правде сказать, то была уловка с моей стороны, я хотел поговорить с Брылем и надеялся, что уже при встрече смогу склонить его к интервью.

— Юбилей — это семейный праздник, приедут дети, внуки… Я и прошлый юбилей, и позапрошлый не отмечал, — говорил Брыль.

— Я мог бы приехать в Криничное через неделю после дня рождения.

— Поверьте, я не кокетничаю. Мне этого не надо. Я старый человек, теперь плохо выгляжу, у меня один глаз не видит.

— Я сфотографирую в профиль…

Брыль рассмеялся, но по-прежнему говорил, что это никому не нужно.

— Надо читателям, — возразил я.

— А где эти читатели? — спросил Иван Антонович. — Никто сейчас ничего не читает…

— Ну нашу газету читают (речь шла о «Белорусской деловой газете». — *С. Ш.*).

— Газету — может быть, а книги не читают. Раньше в Мире был книжный магазин, а потом там же появился магазин ритуальных принадлежностей… (Иван Антонович еще что-то говорил о Мире и о читателях, но что именно — дословно уже не воспроизведу.)

— Ну как же? И Вас читают, и Быкова, и Бородулина. Книги ведь расходятся.

— Вообще-то у меня недавно вышли две маленькие книжечки, правда, небольшим тиражом — 3—4 тысячи, и разошлись уже, — согласился Иван Антонович.

— Вот видите, читают Вас!..

Тем не менее Брыль был неумолим. Памятуя о том, что один журналист все-таки был принят им, но после того как прошагал до Криничного двадцать с лишним километров (об этом он написал потом в «Нашай Ніве»), я ухватился за эту последнюю соломинку — сказал, что пешком готов идти в Криничное.

— Вы же не прогоните? — спросил я.

— Зачем же прогонять? Но это никому не надо… — повторил Брыль, после чего попросил объяснить, зачем мне это.

Я ответил, что это не редакционное задание. Просто ценю Ивана Антоновича, и потому хотелось бы как-то отметить его юбилей на страницах нашей газеты.

— Ну неужели никто не может что-то написать?

В ответ я промямлил нечто невразумительное и добавил, что, хотя уже неоднократно фотографировал и Василя Сёмуху, и Рыгора Бородулина, и Василя Быкова, все равно стараюсь снять их при каждом удобном случае.

— Ну и фотографируйте на здоровье… — ответил Брыль и добавил, — ой, сколько этих фотографий было сделано! А теперь уже поздно сниматься…

Не раз извинившись, Иван Антонович просил понять: он в самом деле не кокетничает и на юбилей никого не зовет.

Разговор явно затянулся, хотя временами казалось, что Иван Антонович вот-вот согласится на встречу, как вдруг:

— Дорогой мой, мы же не торгуемся, правда? Это не надо ни мне, ни Вам. Извините.

И — положил трубку.

24 сентября

С Брылем я все-таки познакомился. Во время съезда Союза писателей, когда к Ивану Антоновичу за интервью обратился Игорь Корней из Радио «Свабода», я также попросил

Янка Брыль и Нил Гилевич

ответить на вопросы. «А как Ваша фамилия?.. Ну-у давайте познакомимся», — Иван Антонович протянул руку сверху вниз, с высоты своего великанского роста… И позже вновь просил извинить за то, что отказал в интервью: не любит он этот жанр, пока может ручку держать — лучше сам напишет. Тем более что журналисты, по его словам, часто что-то от себя добавляют в его речь… Тем не менее условились: Брыль вернется в Минск «на зимовку» 6 октября, тогда я могу позвонить.

К слову сказать, во время съездовского перерыва успел сделать фотографии, в частности, те, где вместе в зале Дома литератора Янка Брыль, Сергей Законников, Нил Гилевич и Нина Матяш. После обеда подарил их Ивану Антоновичу. Он был удивлен, должно быть, оперативностью и, улыбнувшись, снова протянул свою большую и широкую ладонь.

Что же до небольшого интервью во время съезда, то оно выглядело так.

— Иван Антонович, как разрешите дилемму: лучше быть с деньгами и зависимым или же независимым, но без госфинансирования?

— У поляков есть такая пословица: без денег и собаке дорогу не укажу. И в случае с СП деньги тоже нужны, хотя бы для того чтобы издавать журналы и обеспечить бытовой минимум молодым писателям. У нас, стариков, хотя бы пенсии есть, а как быть тем 40-летним, у кого по двое-трое детей? Им оставаться храбрыми значительно сложнее, нежели нам. Но плохо, когда деньги — самоцель. Скажем, недавно наши литераторы получали совершенно нелепую премию (премия Союзного государства в области литературы и искусства вручалась И. Шамякину и А. Дудареву. — *С. Ш.*), и один из награжденных (И. Шамякин. — *С. Ш.*) подчеркнул, что ему было очень важно получить деньги. Так грош тебе цена в таком случае!

— Надо ли в поисках денег идти на поклон к власти?

— Очень сложный вопрос. Ведь если дело с руководителем СБП решится оптимально, с чего ему, бедному, начинать завтрашний день? У нас же такая нищета!..

— Лично Вы пошли бы?

— Для себя — не пошел бы. А для дела... Я бы подумал не о компромиссах, а, если хотите, о деловой тактической хитрости. Иначе ничего не получится.

3 октября

Сегодня в Музее истории белорусской литературы, что в Троицком, открывали экспозицию «Алесь Адамович: “А для вечнасці Беларусь...”» по случаю 75-летия писателя. Придя пораньше, ожидал в холле. Вскоре появились Янка Брыль и Анатоль Кудравец. Я было поднялся, чтобы поздороваться, но Брыль, не посмотрев на меня, сказал: «Сидите, сидите». Может, плохо видит или позабыл, подумал я. Впрочем, позже решил, что Иван Антонович проигнорировал меня. Дело в том, что, едва они сели неподалеку, Брыль тут же начал говорить... о моем послесъездовском интервью с Алесем Пашкевичем: мол, я ссылаюсь в нем на слова Брыля, которых он не говорил, и что тем самым я подставил Пашкевича. (Алесь Пашкевич в том интервью уходил от прямого ответа на мой вопрос, как он намерен в дальнейшем вести себя. Но тем не менее косвенно все-таки обозначил свою тактику, после того как я привел высказывание Брыля: «Я бы подумал не о компромиссах, а, если хотите, о деловой тактической хитрости». Пашкевич сказал, что Иван Антонович — мудрый человек.) А вслед за тем Брыль недоброжелательно отозвался о моем материале в «БДГ. Для служебного пользования» о сексотах в рядах писателей... Я был подавлен. А Иван Антонович между тем каждому, кто к нему обращался (а поприветствовать Брыля подходили многие), вновь и вновь рассказывал о своем возмущении. Пока к Ивану Антоновичу не подошел Станислав Станиславович Шушкевич и не сказал, что ему мое интервью с Пашкевичем понравилось...

Уже когда отзвучали речи и выставка была открыта, Брыль стал спрашивать то у одного, то у другого: «А где Шапран?» Не будучи уверенным, что мне это не послышалось, сам я к Брылю не подходил. Да и, честно сказать, было боязно. Выдал меня мой фотоаппарат: заметив его вспышку, Брыль спросил у стоявшего рядом Геннадия Николаевича Буравкина: «Это Шапран?» Ничего страшного, на удивление, не произошло: Иван Антонович, по сути, мягко журя, стал выговаривать мне, что я подставил Пашкевича, спросив его о хитрости (и мимоходом: «А вы на диктофон записывали наш разговор?»). Я заверил, что Пашкевич был волен подкорректировать текст интервью, но не стал этого делать. Да и я, в общем-то, руководствовался принципом «не навреди». Попросив газету с тем самым материалом (очевидно, Иван Антонович не читал его, а судил о нем с чьих-то слов), Брыль перешел к моим «сексотам»: говорил, что напрасно Н. называет такого-то человека, мол, и так все понимают, о ком речь. Да и чем занимался сам Н., когда общался с «батькой» (Брыль так и сказал — «с батькой», имея в виду Лукашенко). Я не знал, как отвечать на все эти вопросы, какие доводы приводить и нужны ли они вообще Брылю...

Уже под конец разговора условились, что после 6 октября передам вопросы для интервью (об этом не я — Иван Антонович сам завел речь, хотя снова заметил, что остается на прежних позициях: не любит он этот жанр).

19 октября

Позвонив Брылю, извинился, что не объявлялся раньше, потому как готовился к интервью: «Если, конечно, Вы не будете против». Иван Антонович будто бы не возражал, но говорил, что не представляет, о чем мы станем говорить... Условились, что буду у него во вторник. «Утром, — предложил Брыль, — я встаю рано: часов в восемь, в девять. А откуда Вы будете ехать?..» И попросил на прощание захватить «БДГ» с той самой послесъездовской публикацией, в которой я дал небольшое интервью Брыля: «Очень мне нахваливал Вашу статью Шушкевич».

22 октября

У Ивана Антоновича в подъезде домофон. Не знал, какой этаж, но по шуму открываемой двери понял, что где-то невысоко. Так и было — второй этаж. Брыль встречал меня на лестничной площадке. Уже в прихожей, забрав мою куртку и повесив ее на вешалку, настоял, чтобы я обул тапки

(заметил, что пол у него холодный). Пропустив вперед, пригласил меня в комнату. Я передал Ивану Антоновичу приветы от Михася Скоблы и от Игоря Михайловича Добролюбова, которому в тот день исполнилось 69 лет. Брыль: «Так он по сравнению со мной мальчик!»

Комнатка у Брыля простая донельзя: старенькая тахта, такие же древние шкафы со множеством книг, обычный стол «лицом» к окну, стул, громоздкое кресло, в которое Иван Антонович уговаривал меня сесть. А я все отказывался, думая, что кресло это хозяйское, однако Брыль заверил, что оно для гостей. Над тахтой — портреты Льва Толстого, родителей и брата Ивана Антоновича и очень странный, непривычный — Купалы: Иван Доминикович небрит, выглядит старым. Позже я спросил у Брыля, отчего именно такой портрет Купалы он выбрал. Иван Антонович ответил, что это кадр из документальной ленты: «Тут Купала не глянцевый, даже небритый, без галстука, уставший».

В тот раз говорили часа полтора, на протяжении которых Иван Антонович не раз повторял: «Мне интересно Вас слушать», — или: «Мне интересно о Вас знать». Первым делом Брыль задался вопросом о происхождении моей фамилии. «Шапран, Шафран...» — сказал он в раздумье.

Вообще говоря, Иван Антонович — не только поразительный рассказчик, но и удивительно внимательный слушатель. Спрашивал, как я оказался в Минске. «Поступил на филологический факультет БГУ», — отвечаю. Брыль: «Хорошо иметь иную профессию кроме журналистской». Соглашаюсь: и по моему мнению, нужна какая-то другая профессия, а в журналистику нужно идти только по призванию. Брыль: «Для этого надо иметь талант, а в журналистику чаще идут без него...»

Не вспомню, в связи с чем зашел разговор о том, что иногда мне хочется быть... старым. (Брыль: «Не торопитесь».) Я никак не мог вразумительно объяснить это свое странное желание, пока Иван Антонович вдруг ни сказал: «Я Вас понимаю. Но дело в том, что все равно дергают». И кивнул на телефон — Брыля только что приглашали на юбилейный вечер Якуба Коласа, предложили сделать доклад. Но после 75 лет Брыль дал себе зарок: теперь он будет делать лишь то, чего сам хочет, и ничего — на заказ.

Заговорили о деревне. В ответ на мою реплику, что, мол, был бы писателем, непременно жил бы в деревне, Иван Антонович заметил, что так только кажется — бывает, что и там не пишется. А не дня без строчки, как у Юрия Олеши, — так не должно быть. Но зато он постоянно читает — по 150 страниц в день. Причем все подряд. Наш разговор прервал телефонный звонок Анатолия Сидоревича. «Вы же знаете Толю Сидоревича?» — спросил Брыль. Ответив утвердительно, я вспомнил слышанное от Сидоревича: «Читая плохие литературные произведения, можно испортить вкус». Однако Брыль читает до конца даже плохие произведения, поскольку, если ему подарили какую-нибудь книгу, он не может не прочесть — это же, по его словам, его работа...

А потом неожиданно заговорил о том, о чем знали лишь близкие люди, что некоторые его рассказы, которые потом были переведены на другие языки, написаны рано — лет в 18–19... А по поводу «Птушак і гнёздаў» сообщил, что поляки так и не перевели этот роман, поскольку его начало, «польская» часть, написано не с точки зрения поляка, т. е. не так, как хотели бы того поляки. Книга же «Я з вогненнай вёскі...» лежала в шести немецких издательствах, но ее так и не напечатали...

Еще в самом начале разговора, когда подарил Ивану Антоновичу фотографии (особенно ему понравилась та, где он вместе Анатолем Кудравцом и Сергеем Законниковым), Брыль хотел предложить деньги за них. Я отказывался. Иван Антонович сказал, что ему будет неловко. «Но если я возьму, то неловко будет уже мне», — парировал я. Брыль казался растерянным: «Чем же я могу Вас отблагодарить?...» Я ответил, что просил бы об автографах мне и моим друзьям на тех книгах, что принес с собой, — это и был бы лучший подарок. Брыль сказал, что как раз приготовил мне книгу (это были «Поиски слова»). «У вас такая есть?» — спросил он. Я признался, что есть. Иван Антонович опять оказался в замешательстве: «Но у вас же она без автографа?» И сказал, что с удовольствием ее подпишет, добавив, что тут хорошие переводы: «Дима Ковалев обычно предлагал не один перевод слова, а целых три! Это не так, как бывало с Мележем, который едва не плакал над своими “авторизованными” переводами... Так вы все-таки любите без отчества?» — уточнил Иван Антонович и подписал: *«Дарагому Сяргею Шапрану на добры ўспамін і жадаючы поспехаў. 22.Х.02. Я. Брыль»*.

В ответ на мою просьбу об автографах на тех книгах, что были у меня с собой, Брыль спросил: «Кому? Мне будет интересно знать, кто у Вас друзья...» Уже потом поинтересовался, где я покупал книгу «Дзе скарб ваш», пояснив, что хотел бы ее найти, поскольку там есть острые вещи, которые он сейчас не смог бы повторить, в частности, написанное о президенте в 1994 году. «Пророчески получилось», — заметил Брыль.

В итоге договорились, что завтра Иван Антонович посмотрит мои вопросы и подумает, как будет отвечать: письменно или наговорит на диктофон. Я сказал, что начальство, делая исключение, готово предоставить две полосы, это около двадцати машинописных страниц. Брыль засомневался, что напишет так много. Будет ориентироваться на восемь страниц.

Уже на пороге я переспросил, могу ли сообщить Добролюбову, что Брыль сказал, что по

сравнению с ним Игорь Михайлович — еще мальчик. «Да, передавайте мои поздравления и скажите, что он по сравнению со мной еще мальчик».

А вообще цепкость Брыля к деталям поражает. Прощаясь, Иван Антонович переспросил: «Так, значит, на 73-й?..» Это я еще по телефону сказал, что от Брыля к нам в редакцию идет автобус № 73.

24 октября

Днем позвонил Брылю. Иван Антонович, сказав, что уже заканчивает начисто переписывать ответы на мои вопросы, пошутил: «Вы все будете должны за стахановский метод работы». Спросил, печатать ли свои ответы на восемнадцати рукописных страницах на машинке. «Не стоит, — ответил я, — все равно потом набирать на компьютере». Условились, что зайду в этот же день вечером.

Иван Антонович снова встречал меня на лестничной площадке. И уже в своей комнатке-кабинетике предложил: «Садитесь в свое кресло...»

Увы, Брыль ответил далеко не на все мои вопросы. Потом пояснил, что ответы на некоторые из них «общеизвестны», и ему не хочется повторяться. Ну, например, что ж он станет снова говорить о Светлане Алексиевич, если написал послесловие к ее книге «Последние свидетели» еще двадцать лет назад?

Обсуждая некоторые моменты интервью, Иван Антонович, в частности, вспомнил о вводе войск в Чехословакию в 1968 году. Сказал, что поступил тогда просто — сел в машину и уехал на дачу к Максиму Танку. А потом читал «ЛіМ», где его коллеги-литераторы такое понаписывали!

На мой вопрос, на каком языке он думает (я заметил, что не слышу в русской речи Ивана Антоновича белорусизмов), Брыль ответил, что если читает, например, Чехова, то, конечно, думает по-русски. По поводу же интервью сказал, что черновик писал карандашом (чистовик — уже ручкой). Первоначальный вариант потом порвал — черновики он не хранит... Ивана Антоновича интересовало, что я думаю о компьютеризации, говорил, что для него немыслимо сочинять что-то на компьютере, он может творить только на бумаге. Вспомнил один из своих рассказов, в котором герой пытался задуть, как свечку, электрическую лампочку. «Может, и я так же дую на компьютер», — заметил Брыль.

Я решил отблагодарить Ивана Антоновича за «стахановский метод» — принес лимонов и груш (это во время писательского съезда случайно услышал, как Брыль сказал, что груши любит). От лимонов Брыль тут же отказался, груш половину взял, а взамен отсыпал яблок из вазы.

Попросил Брыля подписать его «кнігазбораўскі» том. «С удовольствием. А что же Вам написать?» И подумав: *«Шчасця Вам і выдатных поспехаў, паважаны Сяргей! Я. Брыль. 24.X.02»*. После чего поправил некоторые даты под фотоснимками, заметив, что «наш друг» (речь шла о Михасе Скобле, редакторе этой книги) допустил ошибку: Брыль родился в 1917 году, а согласно книге получается, что в школу он пошел в 1913 году.

Я дословно передал Ивану Антоновичу привет от Добролюбова: «Брыль — великий писатель и фантастический человек». «Фантастический?» —

удивленно переспросил Брыль. Сообщил я и о том, что Добролюбов сказал, что действительно пацан, хотя помнит, как они вместе с Короткевичем «ходили вокруг Брыля».

Уже в прихожей, когда зашла речь о Сёмухе, Брыль спросил, бывал ли я у Василя Сергеевича дома и видел ли его попугая. Оказывается, у Сёмухи был попугай, по утрам кричавший: «Сёмуха, падла, насыпь круп!» А когда Василь Сергеевич насыпал, попугай в благодарность кричал: «Жыве Беларусь!»

На прощание Иван Антонович попросил быть не очень строгим редактором его интервью.

29 октября

Позвонил Брылю. Иван Антонович: «Куда Вы пропали?» Я ответил, что много работы, и завтра, если позволит, зайду. Брыль спросил об интервью, не длинноват ли ответ на вопрос об отношении к религии. «Длинный, но хороший», — искренне сказал я. Брыль: «Хорошо, что Вы задали этот вопрос, поскольку о том же спрашивал и Михась Скобла, однако ответ в окончательный текст интервью тогда не вошел».

Я сказал, что надо бы добавить еще пару вопросов и ответов, чтобы интервью имело завершенный вид. «Какие вопросы?» — спросил Иван Антонович. Я обещал через полчаса перезвонить. Иван Антонович также попросил распечатку его выступления на открытии выставки памяти Алеся Адамовича — пояснил, что у него не было заготовленной речи, говорил экспромтом. «А Вы же записывали?» — спросил Брыль.

Перезвонил Брылю через полчаса и предложил вопросы. Меня интересовало, почему после создания так называемого «холдинга» Иван Антонович забрал из «Нёмана» и «Полымя» свои рукописи. Брыль: «Ну что я буду говорить?! Забрал и забрал!» Не захотел отвечать Иван Антонович и на вопрос, как он относится к словам Оскара Уайльда, написавшего, что «страшно не то, что человек стареет, а то, что душой остается молод». Брыль пояснил, что в одном из ответов уже сказал, что старость — это тоже хорошо... Не захотел публично говорить и о том, что именно хотел бы успеть сделать из того, что должен был бы.

30 октября

Как обычно, Иван Антонович заранее открыл дверь и, предложив тапки и пропустив меня вперед, пригласил пройти в его комнату. Еще «по дороге» неожиданно сказал: «Смотрю на Вас и завидую Вашей фигуре». И пояснил, что из-за роста ему всегда приходилось шить костюмы на заказ да еще переплачивать за это.

Сразу начал читать текст интервью. Правки были несущественные: Иван Антонович убрал все мои «дописки» — слова, которые я вписал для связи предложений. Либо помнил свой текст, либо (что верней всего), превосходно чувствуя слово, понимал, что мои «дописки» тут лишние.

Более всего досталось приведенному в моем вопросе высказыванию Сёмухи о Брыле. В частности, Ивану Антоновичу не понравилось определение в фразе: «хотя ничего же эпохального у Брыля практически нет...». Предложил поменять «эпохальное» на «эпическое» (правил карандашом), но потом — на «монументальное» («эпохальное» стер резинкой). «Карательки» предложил поменять на «мелочи», однако позже сам же заметил, что ему, Брылю, это может быть обидно (так «карательки» стали «миниатюрами»). Уже в своем ответе дописал к слову «мастер» (речь шла о Сёмухе) «большой». При этом Иван Антонович говорил, что не только же Сёмухе выступать в качестве редактора. Однако после моей реплики, что теперь вот и Брыль стал Сёмуховым редактором, Иван Антонович отреагировал несколько болезненно: сказал, что он же не редактирует, а советуется со мной.

Встретив в очередной раз упоминание о Толстом, спросил, а не много ли в интервью про Льва Николаевича. И затем рассказал, что у Толстого есть записи слов солдат из дисциплинарного батальона, так там встречается даже «е... т... м...»! Я предложил вставить это в интервью. Брыль отказался, поскольку, пояснил, давно читал, и теперь, чтобы найти иголку, надо пересмотреть не одну гору, а девяносто гор!..

По поводу президентской премии говорил, что очень боялся, что его к ней представят (хотя этого так и не случилось). И поведал, что некогда был включен в комитет по этим самым президентским премиям (вместе, отметил, с Добролюбовым), но не по своей воле, поэтому он просил Зуёнка исключить его из комитета. Однако позже президент издал распоряжение, согласно которому Брыль и Добролюбов были исключены. «Но это не президент исключил меня, — говорил Брыль, — а я сам себя!» Я предложил вставить эту историю в интервью. Брыль: «Еще не пришло время». И пояснил, что у него в издательстве лежит рукопись, а эта история, публично рассказанная, может повредить выходу книги.

По поводу же окончания интервью заметил, что я был прав: хорошая получилась концовка... Уже окончательно вычитав текст, Иван Антонович неожиданно сказал: «Прошу меня извинить...» — и попросил прощения за то, что так долго отказывал в интервью.

Выяснилось, что Брыля интересовала запись его выступления не на выставке памяти Адамовича (распечатку которого я принес), а на писательском съезде. Позже поинтересовался, где я взял те груши, что принес в прошлый раз: «Очень были вкусные». Когда же я стал фотографировать, Брыль, к моему удивлению, весьма охотно исполнял все мои просьбы: «Пожалуйста, сядьте так... немного опустите очки... поставьте руку...»

Уже на прощание просил сообщить, когда будет публикация, чтобы дочка могла купить газету.

Ниже — текст этого интервью.

Об интервью мы просили Ивана Антоновича Брыля давно. Однако писатель соглашается на встречи с журналистами крайне редко. И дело не в его симпатиях или антипатиях. «Не люблю я этот жанр — интервью, — каждый раз неизменно поясняет Брыль. — И пока могу держать ручку в

руках, лучше я сам напишу...» Но вот во время сентябрьского съезда Союза белорусских писателей Иван Антонович неожиданно предложил корреспонденту «БДГ»: «Ну давайте попробуем. Позвоните мне в октябре, когда я уже вернусь в Минск из своей деревни». Собственно, такова предыстория.

— Иван Антонович, как Вы сегодня живете — так же, как говорил Ваш друг Владимир Колесник, «рассеянно»? С каким мыслями и с каким настроением встаете по утрам? В августе Вы ведь от-

метили 85-летний юбилей. Склонны ли Вы подводить итоги на дни рождения?

— О реченной Колесником «рассеянности» могу сказать, что в старости ее значительно меньше — без путешествий и так называемых общественных обязанностей, без разнообразных отдыхов и развлечений. Настроения же бывают разные: и утром, и вечером, не говоря уже о ночных, бессонных «змеи сердечной угрызениях». Но в целом старость и с посильным трудом, и с кое-какими удачами, и с мудрым «неделанием», неучастием в пустопорожней суете, тем более в делах неблаговидных, — это тоже хорошо. А об итогах думаю уже давно, но все еще не подвел их окончательно.

— Русский критик Валентин Оскоцкий, будучи этим летом в Минске, печально заметил: «Минск для меня почти обезлюдел». Он имел в виду то обстоятельство, что становится все меньше знакомых лиц. Очевидно, что Вы можете, увы, сказать то же самое. Однако кого бы Вы назвали в первую очередь из тех, кого уже нет, но кто был Вашим близким другом?

— Прежде всего брат Михаил, который был старше меня на три года. Инженер-строитель и самодеятельный художник, он хорошо разбирался в художественной литературе. Все мое начиная с самых ранних опытов он читал и часто делал толковые замечания. Мне хорошо было советоваться с ним, на нем проверять написанное, а в свои нелегкие дни уже из Минска ездить к нему в наш родной район, в его Малосельцы. Хорошо было там пожить, поработать и месяц, и побольше.

Начиная с отчаянных дней и ночей фашистской оккупации я более сорока лет дружил с окруженцем, проживавшим в нашей деревне, а затем ушедшим в партизаны, Тихоном Дудниковым, учителем с Дона. Осенью 1942 года глухою ночью раненый, он, с трудом приплевшись к нам, устроился на сеновале. Брат Миша перевязывал его рану, а наша старенькая мать кормила его как сына в то время, когда он скрывался у нас. Уже затем безопасности ради он переходил к другим подпольщикам в нашей деревне и в прилегающих к ней хуторах. Тихон Егорович, вспоминая меня еще деревенским парнем, читал меня, и было заметно, что гордился мною. Я же ценил его дружбу и здравый смысл честного человека... Летом 1963 года мы с Тихоном и женами ездили в его большое украинское село Поповку, неподалеку от станицы Вешенской; его старая мать (моей уже не было в живых) встретила меня как сына. «Твоя нэнька, — сказала она, — была нэнькой моему Тыше, а я вот побуду твоей». Да, мы дружили, как братья...

Затем, если говорить только об ушедших, были и другие братья-писатели. Вообще мне повезло на дружбу с товарищами значительно старше меня. Одним из них был и наш Рыгор Романович Ширма, фольклорист, дирижер, писатель, благороднейший человек, интереснейший собеседник. Он-то и подружил меня со своим давним знакомым еще со времени беженства в Воронежской губернии, учеником школы второй степени, а затем — агрономом, талантливым русским писателем Гавриилом Николаевичем Троепольским, автором весьма популярного «Белого Бима Черное ухо» и душевным, благородным русским человеком. Мы изредка встречались в Москве, писали друг другу, обменивались книгами, я перевел коечто из его замечательной прозы.

С Максимом же Рыльским нас подружила, можно сказать, любовь к Адаму Мицкевичу:

весной 1958 года мы вместе смотрели родные места великого поэта, живописную Новоградчину, навестили и мое Загорье. Он, Рыльский, перевел, пожалуй, всего Мицкевича, особенно хорошо — эпопею «Пан Тадеуш». И, читая его переводы, мне часто и радостно вспоминалось с детства любимое слово гениального земляка. С Максимом Тадеевичем мы переписывались; позже его сын Богдан прислал мне увесистый эпистолярный том из собрания сочинений отца, где мне приятно было увидеть его письма ко мне.

С выдающимся польским поэтом Владиславом Броневским я познакомился опять же на Новоградчине зимой 1955 года, когда отмечалось столетие со дня смерти Мицкевича. Потом я гостил у Владислава в Варшаве, он предложил брудершафт, но я так и не смог перейти с ним на «ты»: все-таки двадцать лет разницы... Дома у него не нашлось свободных книг его поэзии, и он подписал мне «Мертвые души» в своем хорошем переводе. А вскоре, через четыре года, пани Ванда, его жена, прислала мне посмертное издание глубокой и звонкой поэзии Владислава, к которой я иногда обращаюсь со светлой грустью воспоминаний об авторе.

Есть и друзья-ровесники — кто постарше меня, кто помоложе, — которые тоже уже ушли: Владимир Колесник, Федор Янковский, Иван Мележ, Алесь Адамович, Максим Танк, Пимен Панченко, Владимир Короткевич, Михась Стрельцов... О некоторых я написал, о других еще собираюсь. Но вспоминается прочитанное у Солженицына: «За всей жизнью пером не поспеешь».

Хороший, но, к сожалению, малоизвестный поэт Валентин Тавлай, ушедший в 1947-м на своем 33-м году, познакомил меня с другом и соратником по западнобелорусскому революционному подполью (и так же, как и Тавлай, многолетним узником польских тюрем), а затем — с классическим фронтовиком-разведчиком Якубом Миско, автором содержательной книги «Мое молчаливое сердце». Мы подружились на тридцать лет с продолжением дружбы в моей благодарной памяти. Также помнятся два земляка, учителя и краеведы Михась Петрикевич и Владимир Томка, с которыми я и встречался, и переписывался на протяжении сорока лет. Талантливый русский поэт Дмитрий Ковалев — милый, душевный Дима, с которым так хорошо дружилось с 1945-го по 1977-й. Он отлично переводил мою прозу, нам славно пелось вместе в Минске и Москве, в поездках по Беларуси, тургеневской Орловщине, Кубани... Поляки Матей Кононович и Ян Гуща, с которыми неплохо и немало поработалось над взаимными переводами польской и белорусской поэзии и прозы. Чех Вацлав Жидлицкий — наша глубокая свежая рана, — скончавшийся в нынешнем августе... профессор Карлова университета, украинист и белорусист с талантом и основательной подготовкой. Он перевел целую библиотеку белорусской прозы (и моей в том числе), осчастливил меня сорокалетней немеркнущей дружбой...

В гостях у Брыля белорусские литераторы

— В 60-е годы Вы были одним из тех, кто не побоялся поставить свою подпись под письмом в защиту попавшего в опалу Василя Быкова. Тяжело ли далось это решение?

— Недавно, слушая по Радио «Свабода» выступление Быкова с воспоминаниями о прожитом и пережитом, мне было приятно, что Василь Владимирович помнит подписавших это письмо, причем, вспоминая, меня назвал среди первых. Ну а я поступить

тогда по-другому просто не мог. Так было в случаях с Пастернаком, Солженицыным, с введением в Чехословакию «братских» танков — я просто не мог действовать, руководствуясь «стадным чувством»...

— Надеюсь, не ошибусь, если скажу, что Вы вместе с Алесем Адамовичем, написав книгу «Я з вогненнай вёскі...», явились родоначальником нового направления в литературе — книги-документа?

— Записывание началось задолго до появления микрофона. Этим занимался еще Лев Толстой (вспомним хотя бы его большой очерк «Николай Палкин» — в пути, во время работы над «Войной и миром», записанный гением со слов бывшего николаевского солдата рассказ о том, как гоняли сквозь строй). И вообще Лев Николаевич советовал: «Все, что поражает ум и сердце, надо записывать». А чем и на чем — не указывал.

— Наверное, Вам будет небезынтересно узнать, какого мнения о Вас авторитнейший белорусский переводчик Василь Сёмуха. «Брыль — это самый тонкий, самый деликатный белорусский стилист, — говорил мне Василь Сергеевич. — Это течение, это стихия белорусского языка и одновременно глубинно белорусское мышление. И даже когда он употребляет какой-нибудь русизм, делает это очень мастерски. Хотя ничего же монументального у Брыля практически нет: вот рассказы — большие и поменьше, записки, воспоминания, миниатюры. У Брыля чем короче — тем лучше, поскольку уж такой искренностью от него веет! И сколько живу, столько мечтаю писать так, как он. И — не могу!.. "У багатага дзядзькі Жука, без пары нарадзіўшы малое, памерла нявестка Марыля..." Что это: поэзия или проза? И настолько элементарно просто! Это необычайное великолепие языковое. Лучше не скажешь!»

Иван Антонович, как Вам нравится определение Вашего давнего друга?

— Я, конечно, дорожу мнением большого мастера своего дела, каким является талантливый и основательно эрудированный переводчик и замечательный редактор Василь Сёмуха, но самому распространяться о своем стиле, языке неудобно. Да и не силен я в подобных определениях. Стараюсь, как могу. Здесь и радость труда, постоянных поисков, и естественная душевная потребность.

— Среди Ваших «Лірычных запісаў» есть признание: «Васіль Зуёнак, якому я падпісаў свой "кнігазбораўскі" том, пры наступнай сустрэчы нават ухвальна здзівіўся: "А колькі ж Вы ўсяго запомнілі!.." Не хапіла духу адказаць: "А колькі ж я дадаў героям ды сітуацыям выдумкі, свайго!" Бо ёсьць жа гэта, дый нямала, і ў гэтым ужо мая патаемная радасьць: пападаць у тон, прыдумляць адпаведнае. А гаварылася пра "Ніжнія Байдуны"».

Может, вопрос неуместный, однако, читая Ваши «Ніжнія Байдуны», не мог забыть о том, что родом Вы из Одессы. А одесситов, как известно, отличает особое природное чувство юмора. Не в этом ли истоки и Вашего юмора?

— Насчет Одессы и природного чувства юмора у одесситов могу только сказать, что я ведь увезен родителями на их родину, в западнобелорусскую деревню не вполне пятилетним мальчонкой и, следовательно, вырастал в другом мире — оттуда и идет мой юмор (смею назвать его белорусским). Веселым я был всю жизнь, а богом смеха считал и считаю Гоголя.

— А насколько, на Ваш взгляд, важно самообразование?

— Оно для писателя необходимо, причем самообразованием надо заниматься всю жизнь. Сколько бы школ и вузов писатель ни окончил. И очень важно изучение языков.

— Но сегодня молодежь читает до смешного мало. Думаю, сознавать такое писателям обидно. Но это эмоции. А чем, по Вашему мнению, чревата необразованность с практической точки зрения?

— Да, молодые наши, за редкими исключениями, читают мало. Суетятся между интернетами и европейской модой, а с достижениями мировой классики знакомятся маловато. Но мне вспоминается высказывание Сэмюэла Джонсона: «Я никогда не испытывал желания побеседовать с человеком, который написал больше, чем прочел». Надо как-то уравновешиваться.

— В ответе на анкету общества «Кніга» (изданную в книге «Шчыра, як на духу...»), точнее, на вопрос: «Ці ёсць у вас фінансавая мара?» — Вы написали: «Самому выдаць свае творы». Чем это обусловлено?

— Желание самому издать свои произведения (вместе с тем, что писалось «в стол») — это ведь, к сожалению, очень современно. Редакционные шкафы издательств до отказа и сверх того заполнены рукописями, в том числе и высокого достоинства, а издается лишь кое-что, при том по соображениям отнюдь не надлежащим, справедливым. А в основном-то не издается вовсе. Так, еще в первой половине 90-х в бывшем издательстве «Мастацкая літаратура» относительно солидными тиражами выходила прекрасная библиотека международной классики в переводах на белорусский язык «Скарбы сусветнай літаратуры». Тогда я, например, перевел в толстовский том «Отца Сергия», «Хозяина и работника», несколько рассказов. Но издание остановилось на подписной корректуре. А том избранного Константина Паустовского («Золотая роза» и рассказы), заказанный мне издательством и с должным тщанием да в срок переведенный, почил в редакционном шкафу. И третий год ждет своей очереди моя новая книга лирических записей... Как тут не подумаешь о самиздате, правда, вздохнув при этом из-за пенсионного безденежья?.. Тягостный и преступный застой.

— А чего, как Вы полагаете, на самом деле стоят госнаграды и иные признаки внимания к писателям со стороны властей предержащих?

— Награды писателям свидетельствуют и о творческой значимости награждаемых, и о степени прирученности каждого из них. Понимать это мы начинаем поближе к старости, когда письмо умного читателя бывает дороже официального поощрения.

— У Вас в «Горсти солнечных лучей» есть такие слова: «Я могу ошибаться во многом, в жизни моей было немало меньших и больших ошибок, но одно я знаю твердо: выше всего и прежде всего — человечность. Я верю в это всю свою жизнь, и только это осталось бы во мне, если бы пришло самое большое или последнее горе». Но когда все-таки, после каких, может быть, событий Вы осознали это?

— О том, что человечность превыше всего, я, позволю себе повториться, знаю давно, и убежденность в этом с годами все крепче, надежнее.

— «А нам, каб напісаць хоць прыблізную праўду, трэба ж ведаць яе як найбольш, бо ўся яна — таксама не ўся! — прыйдзе значна пазней, тады, калі ўжо яе заслоніць праўда іншая, “больш патрэбная”, не гістарычная, а сучасная зноў жа». Это Ваши слова. Но тяжело ли сегодня писать даже приблизительную правду, ведь ее и сегодня прячут за семью печатями?

— О том, чтобы правда литературы не расходилась с правдой жизни, — об этом надо заботиться всегда, как ни тяжело этого добиваться, в том числе и в наше время, которое, как известно, далеко не из лучших.

— В одной из своих книг Вы записали: «Галактыка... Бяконцае, бязмежнае неба... Жыццё без канца і пачатку... Пазаўчора, здаецца, слухаючы такую гутарку, успомніў, што яшчэ хлапчуком зжахаўся ад думкі, што няма ўсяму ні канца, ні краю. “Бог стварыў неба і зямлю...” А хто ж стварыў яго?.. Пачатак майго атэізму». Каково все-таки Ваше отношение к религии?

— В нашей большой семье набожной была мать. А брат Игнатий, старше меня — последнего, десятого из детей — на семнадцать лет, прервав учебу в Одесском сельхозинституте, экстерном сдал экзамен в духовную семинарию и стал священником. Еще раньше, гимназистом, он убегал в монастырь, откуда был возвращен отцом. И священником на своем 22-м году Игнат стал по вере, глубокому убеждению. В Мариинской тайге и на строительстве Беломорканала он проходил соответствующее перевоспитание, после которого, перебравшись по верному знакомству за Урал, работал преподавателем Троицкого рабфака, а после войны опять ушел в священники. Окончил заочно Ленинградскую духовную академию, а весной 1960-го умер от лейкемии в Алапаевске, в сане протоиерея. Где-то в 70-х годах его единственный ребенок, сын Шура, офицер-фронтовик, крупный работник в энергетике, переехавший в Минск из уральского Серова, успешно справлялся с новой высокой должностью, но, по беспартийности, как «врио». Мы с ним братски дружили, и он ко мне, беспартийному дяде, старше его на шесть лет, пришел за советом, что делать: очень уж наседают — зовут в партию. «Ну что ж, поступай, — сказал я, — и там ведь честные люди нужны». Но на приеме нашелся сотрудник с вопросиком: «Как вы относитесь к тому, что Ваш отец был попом?» И Шура ответил: «Я всегда его глубоко уважал и продолжаю уважать». Однако время было уже несколько другое — его на высокой должности утвердили.

Я также уважал Игната. И подумывал иногда: «Кто из них больше повлиял на кого в набожности: он на мать или она на него?..» Наша мама, великая труженица-крестьянка, только восемь военных лет прожила с семьей в Одессе, где муж, наш энергичный папа, работал железнодорожником, проводником вагонов первого класса. Летом 1922-го, оставив старших сыновей в Одессе, родители с младшими переехали в «Польшу», в отцово Загорье, на разоренное войной хозяйство, которое мать перед войной вела одна. Отец вскоре умер, мать с тремя сиротами, старшему из которых было двенадцать, втянулась во вдовью лямку. Как это ни покажется кому-нибудь странным, она была хотя безграмотной, но начитанной, поскольку приучила детей читать ей вслух. Пришел и мой черед. Из Одессы была привезена целая бельевая корзина книг, среди которых — и книжицы «Духовной нивы», подобранные Игнатом, с душеспасительными, а если сказать серьезнее, высокочеловечными рассказами из жизни обиженных и оскорбленных. Помнится, мама за прялкой, а я читаю ей, уже без особого труда, по-русски, хотя в школу, как говорилось, «бегаю» в польскую. И оба мы, случалось, вместе плакали от умиления: «і старое, і малое».

После войны, когда Игнат опять стал священником, а я уже печатался, мы переписывались. И он писал мне: «Достоевский — это писатель, а вы, инженеришки человеческих душ, мелко плаваете». Я ему не очень возражал, и сам, как и он в юности, влюбленный в Алешу Карамазова. Но я ведь ни много ни мало, а с пятнадцати лет «ушел в ересь», вернее, ушли мы вместе с братом Мишей: работая в сельском хозяйстве, мы зачитывались Толстым, в одинаковой мере великим художником и мыслителем. В отдельных книжках издательства «Посредник» и в томах «Круга чтения», которые можно было найти в окрестных деревнях, у книголюбов, был не только Толстой. Оттуда мы узнали многих великих мыслителей всего мира, что и влияло на наше мировоззрение. И я не любил и не люблю, когда меня называли или называют «толстовцем» или «атеистом». Я всю

жизнь числю себя в какой-то мере причастным ко всемирному разумному сообществу людей свободомыслящих. Среди немалого количества книг, прочитанных мною за два последних года, я, например, с благодарностью называю «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана, знакомую мне с отрочества, а теперь охотно перечитанную, а также впервые празднично прочитанную «Исповедь» Аврелия Августина, напомнившую мне две других исповеди: Руссо и Толстого. Изредка в охотку заглядываю в названный выше «Круг чтения», а также в двухтомник «На каждый день» и большой, сводный том «Путь жизни», составленные Львом Николаевичем, — своеобразные антологии вершин человеческой мысли, свободной от всяких так называемых разноконфессийных условностей и предрассудков, давно и нещадно разобщающих и озверяющих людей и в наше время.

— Иван Антонович, у Вас среди «Лірычных запісаў» нашел: «Старыя запісы ў блакноце, зробленыя дваццаць дзевяць год таму назад. Перачытваю іх — і раптам дзіўна стала, што гэта іменна я, а не хто іншы пражыў так многа. Многіх сучаснікаў, сёння ўжо сталых, у той час яшчэ не было, многія былі дзецьмі, а я ўжо тады адчуваў сябе бывалым, ужо азіраўся назад і баяўся, што не паспею зрабіць таго, што павінен». Чего сегодня Вы боитесь не успеть сделать из того, что еще должны бы?

— Что касается замыслов — никогда не рекомендуется преждевременно говорить об этом. Это противопоказано писателю, поскольку дело это очень интимное. Каждый раз его надо обдумывать, надо к нему готовиться, и, вместо того чтобы что-то декларировать и рассказывать о том, что еще не сделано, лучше просто начать что-то делать, т. е., попросту говоря, надо начать писать.

— И в заключение снова цитата из Вас:

«Суседава нявестка, руская маладзіца, дзякуючы за паслугу:

— Иван Антонович, миленький, выйду на пенсию — прочитаю все Ваши произведения!

А самой трыццаць, і здаровая, аж свіціцца.

Што ж, пачакаем».

Иван Антонович, как, ждете ли еще?

— Не дождался, но пока еще жду… *(Смеется.)*

Продолжение в следующем номере

Мора, горы і коткі

Сямён ПЕЧАНКО

Гэтай вандроўкі магло і не быць. Але лёс авантурна выкруціў так, што тыдзень у Крыме стаўся адным з самых незвычайных у маім жыцці.

Усё заблыталася з самага пачатку.

Мінулай восенню, калі мы даведаліся, што ў нашай сям'і будзе папаўненне, планы на лета вызначыліся ў адзіным рэальным фармаце: дома, разам, з няспынным клопатам пра малое. Але, нарадзіўшы, жонка асмялела і вырашыла выправіць мяне з яе бацькамі ў Крым, у тое самае месца, дзе мы адпачывалі летась усім сямействам. Дужа хораша там было: утульны дамок з мансардай у прыватным сектары Алупкі, стол з лавамі пад грэцкім арэхам, мангал... Пярэчыў я нядоўга. Зноўку дамовіліся з крымскім гаспадаром, набылі квіткі...

Да адпачынку заставаліся лічаныя дні, як патэлефанавалі жончыны бацькі. Захварэла бабуля, яны не могуць паехаць. З паўгадзіны я развітваўся з надзеямі на подых мора, а потым у нас з жонкай адбыўся дыялог, які ўсё і вырашыў.

— Хоць ты бяры ды едзь адзін! — выдаў я хутчэй з адчаю, чым ад рашучасці ўвасобіць нечаканую ідэю.

— Дык вазьмі і паедзь! Чаго ты будзеш на паверсе сядзець! — адказала жонка.

Я пайшоў здаваць лішнія квіткі.

Дзень першы

Гаспадар дамка прыйшоў на прыпынак з памочнікам. Ён чакаў сям'ю з валізкамі, а тут я адзін, з заплечнікам. «Што ж вы тут адзін будзеце рабіць? Засумуеце, мабыць, ужо заўтра?» — дзівіўся гаспадар. Я думаў пра гэта ўсю дарогу і меў ужо сякі-такі план на бліжэйшыя восем дзён. Хіба можна растлумачыць жыхару прыбярэжнага горада, што такое бачыць горы і мора не кожны дзень, а ў лепшым выпадку раз на год? Не, я ні ў якім разе не збіраўся сумаваць.

Першы дзень быў злёгку азмрочаны арганізацыйнымі пытаннямі. Трэба было памяняць грошы, набыць харчы, згатаваць абед...

Тут дазволю сабе невялікую параду тым, хто збіраецца адпачываць у Крыме «дзікуном». Калі вы едзеце на ўзбярэжжа праз Ялту, мяняйце грошы там. На розніцы курсаў, здаючы еўры і даляры дзе-небудзь у Алупцы ці Місхоры, вы можаце страціць не адну сотню грыўнаў. Калі хочаце набыць сім-карту мясцовых аператараў, наадварот, пачакайце да месца прыбыцця — у Сімферопалі на вакзале вы згубіце на пакупцы 5–10 грыўнаў.

Клопаты клопатамі, а на мора я ўсё адно выбраўся. Гэта, калі хочаце, было адным з абавязковых пунктаў майго плана — ні дня без мора! Купацца не стаў, бо быў стомлены. Але і без гэтага атрымаў задавальненне ад назірання за хвалямі. Людзі, што чыталі кнігі ці сядзелі, утаропіўшыся ў тэлефоны, выклікалі ў мяне ў той момант сумесь лёгкай нянавісці і шкадавання.

У першы вечар пазнаёміўся з гаспадаром пляжа. Хударлявы кот колеру пляжнай галькі нібы выткаўся з паветра перада мной. Ён хутка ацаніў каштоўнасць чарговага бледнатварага госця — пачастунку ў мяне не было — і з арыстакратычнай абыякавасцю пайшоў далей.

Але я не пакрыўдзіўся: дома мяне чакала цэлае кацінае сямейства. Котка, якая прыходзіла да нас і летась, гэтым разам прыйшла з кацянятамі: чорным, як і мамка, хлопчыкам і пярэстай дзяўчынкай.

Дзень другі

План мой быў такі. Штодзень прачынацца рана — грэх траціць на доўгі сон каштоўны час на курорце. Абавязкова наведаць у Ялце багдановіцкія мясціны. Прагуляцца да гары Кошкі, а мо і далей. Быў у праграме і Варанцоўскі палац з паркам. І, натуральна, мора — чым паболей.

Першае купанне прынесла прыемнае адкрыццё: вада ў вераснёўскім моры была цяплейшая, чым летась у чэрвені — ліпені. Акрамя таго, сонца ў гэты час больш пяшчотнае. І ўсё ж давялося быць пільным, каб зусім не расслабіцца і не згарэць да канца адпачынку.

На пляжы было нешматлюдна. Побач загаралі дзве жанчыны бальзакаўскага ўзросту, якія без супынку абмяркоўвалі тарыфы на камунальныя паслугі, бесталковых дзяцей і абыякавых да ўсяго, акрамя камп'ютараў, унукаў. Трошкі наводдаль адпачывала сям'я з дзесяці чалавек: дзядулі, бабулі, дзеці, унукі. Яны прыехалі з Чарнігаўшчыны, на моры бываюць не часцей за мяне. А вось маладая пара — зусім белыя — не паспелі прыйсці на пляж, як пазахутваліся ў ручнікі і занурыліся ў часопісы.

Я ж прыходзіў сюды без чытва і мабільнага, каб нішто не адцягвала ўвагі ад мора.

Дзень трэці

Ранішняя кава пад грэцкім арэхам. Кацінае сямейства канчаткова перасялілася да мяне. Магчыма, іх пераканалі курыныя вантробы і малако, якімі я іх рэгулярна частаваў. Нехта аддае перавагу адпачынку з поўным абслугоўваннем. Магчыма, і я некалі захачу варыянт «усё ўключана». Але гэтым разам сапраўднае задавальненне мне прыносіла штовечаровае маханне газетай над мангалам ды нарэзка гародніны для салаты.

Я не люблю адзіноты. І ўжо на трэці дзень самотнага жыцця пачынаю размаўляць сам з сабой. Таму нават кацiная кампанія была мне дарэчы. Быў яшчэ тэлевізар, які я ўключаў для фону ўдзень, а ўвечары глядзеў фільмы, атрымліваючы асалоду ад дубляваных на ўкраінскую мову «Піратаў Карыбскага мора». Ды што там капітан Джэк Горобэць, калі нават рэклама сексу па тэлефоне запісаная па-ўкраінску!

Наведаў Варанцоўскі палац. Яго пабудавалі ў першай палове XIX ст. для генерал-губернатара Міхаіла Варанцова. Сёння гэта адзін з самых прывабных турыстычных аб'ектаў Крыма, штогод яго наведваюць сотні тысяч гасцей. Ля палаца шыкоўны парк, тут, як і ў палацы, процьма турыстаў, большасць з іх замежнікі. «Дзяўчаты! Па газоне хадзіць забаронена! Хуценька вярніцеся на дарожку!» — гэта ўжо турысткі славянскай знешнасці, ігнаруючы крыкі аховы і папераджальныя таблічкі, пруць праз агароджу да гіганцкага дрэва, каб сфатаграфавацца на «мыльніцу». Група нямецкіх турыстаў знямеўшы назірае за развіццём падзей. Але разамлелая ад гарачыні ахова не наважваецца выйсці з ценю, а рускамоўныя турысткі, зрабіўшы фота на памяць, нетаропка вярнуліся да сваіх. Немцы эмацыйна абмеркавалі ўбачанае, паселі ў экскурсійныя электрамабілі і паехалі аглядаць рэшту парку.

Праграма на вечар: газета, мангал, шашлык.

Дзень чацвёрты

Кава, маршрутка, Ялта. У дзяцінстве я правёў тут амаль месяц, гэта было каля 20 гадаў таму. Летась мы з сям'ёй былі ў Ялце, але тады я патрапіў не ва ўсе месцы, што планаваў. Гэтым разам вырашыў запоўніць прабелы і наведаць вуліцу Максіма Багдановіча, дзе раней не бываў, а таксама магілу паэта, якая моцна змянілася з часоў майго школьніцтва.

Сказаць прасцей, чым зрабіць. Вуліцу я знайшоў даволі хутка, дакладней, дом з шыльдай Багдановіча, 3. А вось будынак з мемарыяльнай дошкай у гонар аўтара «Вянка» ўпарта ад мяне хаваўся. Я пачаў здымаць

вулачкі, па якіх, магчыма, блукаў Максім, але тут мяне строга гукнулі. «Што вы тут нашыя памыйкі фатаграфуеце?» — запытала жанчына выканкамаўскага выгляду. «Не памыйку, а вуліцу Багдановіча», — дыпламатычна парыраваў я (вуліца і праўда выглядала не вельмі прывабна). «Гэта вуліца Кірава, Багдановіча — вышэй. Там і дом з шыльдай ёсць». Аказваецца, я некалькі разоў прайшоў міма ўвахода ў патрэбны двор. Там мяне сустрэў двухпавярховы дамок з шыльдай, з якой вынікала, што наш знакаміты зямляк жыў тут у 1909 годзе, а таксама леташняя афіша, якая заклікала адсвяткаваць 120-годдзе паэта.

Наступны пункт — Лівадзійскія могілкі. Каб знайсці іх, мне давялося паблукаць пад бязлітасным сонцам каля гадзіны. На саміх могілках пошукі былі кароткімі — дзякуй землякам, што зрабілі тлумачальныя надпісы на слупах. У прахалоднай цішыні адпачыў, зрабіў колькі здымкаў і вярнуўся ў горад.

Па дарозе я намагаўся адшукаць сляды іншага горада, не падобнага да сённяшняй Ялты з разбухлым ад дарагіх гатэляў і бізнес-комплексаў цэнтрам і рэстаранна-атракцыённай набярэжнай. Пра тую, іншую, Ялту мне нагадвалі сціплыя хаткі, злепленыя, як пяецца ў адной песні, «из того, что было». Але чым бліжэй быў бераг мора, тым часцей трапляліся шыкоўныя вілы з мноствам відэакамер на высокіх агароджах.

Вечар завяршылі прагулка да мора і акт кулінарнага вандалізму — пельмені пад каньяк.

Дзень пяты

Гэта быў дзень мора — на пляж хадзіў тройчы. І морапрадуктаў — у перапынках паміж купаннямі згатаваў юшку са свежай рыбы, патушыў мідый з цыбулькай і смятанай. Па тэлевізары ішлі бясконцыя серыялы і палітычная рэклама. Цімашэнкаўцы з рэгіяналамі вінавацілі адно аднаго ва ўсіх смяротных грахах, а баксёр Віталь Клічко цвёрдым, як яго кулак, голасам сцвярджаў, што настаў час для ўдару. У блоку навінаў у трох словах расказалі пра падзеі ў Беларусі. З экрана на мяне глядзелі пустыя стэнды для палітычнай агітацыі на вуліцах Мінска, ад карцінкі са штаб-кватэраў апазіцыі аддавала апатыяй. Пераключыў канал, каб не псаваць сабе настрой.

Па дарозе на рынак сустрэў дзвюх пенсіянерак. Яны абмяркоўвалі падрослыя перад выбарамі пенсіі і прыйшлі да несуцяшальнай высновы: «Усё адно пасля зрэжуць ці цэны падымуць». Я пачаў разумець, што цалкам абстрагавацца ад беларускай рэчаіснасці мне не ўдасца.

Дзень шосты

Гара Кошка месціцца па дарозе на Севастопаль. Яна бачная з вакна кухні майго часовага прыстанішча і каторы дзень мяне прыманьвае. Дабрацца да яе можна двума шляхамі: па дарозе,

што ідзе паўз бераг праз Сімеіз, а таксама па ходніках уздоўж так званай верхняй трасы. Я выбраў апошні шлях, бо зверху адкрываецца фантастычны від як на мора, так і на недалёкую адсюль гару Ай-Петры.

Уздоўж дарогі — білборды з рэкламай. Крымскі каньяк спаборнічае з херсонскімі кетчупамі, партыя Наталлі Каралеўскай «Украіна — наперад!» — з Партый рэгіёнаў. Апошнія абяцаюць рускай мове статус дзяржаўнай.

На прыпынках няма сметніц, але ёсць папярэджанні пра схаванае відэаназіранне за аматарамі забруджваць узбочыны.

Адхіліўся ад дарогі, каб палюбавацца відам на мора, і зразумеў, што штраф у 1350 грыўнаў (каля 130 еўра) мала каго палохае.

На Кошцы затрымаўся нядоўга — летась мы тут былі двойчы, пакрочыў далей, фатаграфуючы на кожным з чарговых паваротаў лінію берага. У адным з такіх месцаў я нібы вярнуўся ў дзяцінства. Перада мной корпус санаторыя на беразе мора. Менавіта яго выява была на фоташпалерах у класе рускай мовы і літаратуры ў маёй школе.

Па дарозе назад насустрач мне пранёсся аўтобус з надпісам «Белая Русь». Так называецца адзін з мясцовых санаторыяў. Я таксама паспяшаўся — трэба было яшчэ паспець на пляж.

Дзень сёмы

За кавай задумаўся над плюсамі і мінусамі свайго «адзіночнага плавання». Асноўны плюс у тым, што ты залежыш ад прыхамацяў толькі аднаго чалавека — самога сябе. Куды задумаў, туды і пайшоў. Сам сабе рэжысёр, адным словам. Галоўны мінус — радасць ад адпачынку няма з кім раздзяліць. Каб хоць часткова выправіць сітуацыю, я пашыбаваў да Варанцоўскага палаца па падарункі. За кіламетр да яго дарога ператвараецца ў сапраўдную сувенірную вуліцу. Набыў татарскія спецыі. Тут яны ўдвая таннейшыя, чым на рынку ў Алупцы. Гэты досвед прымушае больш пільна прыглядацца да цэнаў на іншыя набыткі. Я нікуды не спяшаўся, вывучыў цэны і ў выніку выйграў паўсотні грыўнаў. «Пакупай, не думай! Сматры, какой красівый каробка, а лукум так савсем вкусный!» — татарка сталага веку ўбачыла ў маіх руках каробку рахат-лукуму, упрыгожаную рэпрадукцыяй карціны з відам на Ялту, калі тая была яшчэ рыбацкім сялом. Я здаўся.

Па дарозе дамоў мяне некалькі разоў запытвалі дарогу. Рэшту шляху я думаў над тым, добра гэта ці кепска, што мяне прымалі за мясцовага. З тых разважанняў зрабіў выснову: самы час пашукаць у заплечніку крэм ад сонца. Тым больш што апошні дзень я вырашыў прысвяціць акурат мору.

Чацвёрты і апошні ў гэтым сезоне крымскі шашлык атрымаўся самым удалым.

Дзень восьмы

Мора, мора і яшчэ раз мора. З раніцы яно расхвалявалася, увабраўшыся ў белыя карункі пены. На пляжы група турыстаў расклала намёты. Вакол

лагера яны выклалі слупы з камянёў. Сталыя наведнікі пляжа глядзелі на іх хто з насцярогай, хто з раздражненнем. «Панаехала тут… ёгаў з вегетарыянцамі», — бурчэла пенсіянерка з кнігай, углядаючыся ў дзяўчыну, што займалася на беразе гімнастыкай.

Кот-прывід (а паводле версіі часткі доўгажыхароў пляжа, кот Кузя) нарэшце прызнаў мяне і нават пацёрся аб нагу. У мяне і гэтым разам нічога для яго не было, але ён відавочна нічога і не хацеў. Кузя, няхай будзе так, прыйшоў да мяне значна пакруглелы акурат ад намётаў навічкоў, з чаго я зрабіў выснову, што як мінімум ніякія яны не вегетарыянцы.

Пасля перапынку на абед ізноў купаўся, а ўвечары прыйшоў пасядзець на беразе. Хвалі сталі яшчэ большымі. Ад вечаровага святла і пены мора амаль пасівела. Я стараўся не думаць пра заўтра, пра вяртанне. Хоць не мог не прызнаць, што моцна засумаваў па сям'і.

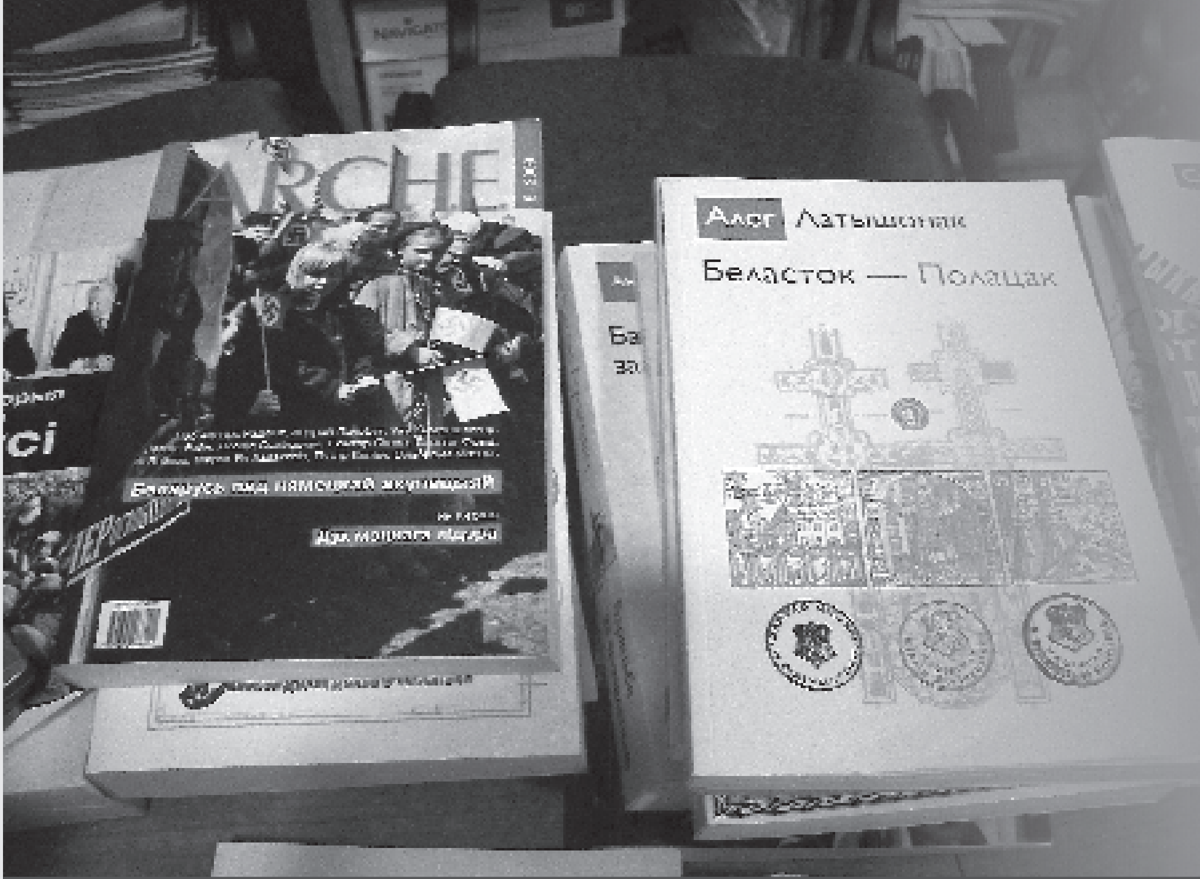
Назад вярнуўся ў поўнай цемры. Кацінае сямейства ў знак пратэсту супраць майго ад'езду байкатавала ліверку.

Ад'езд

У тралейбусе да Сімферопаля завязаў гутарку з суседам, дзядзькам гадоў пяцідзесяці. Паўдарогі я разбураў міфы пра Беларусь. Не, мы не зарабляем у тры разы больш, чым украінцы. Не, цэны ў нас не ніжэйшыя ўдвая, чым ва Украіне. Не, нам зусім не дапамагло дзвюхмоўе, нават наадварот. Са свайго боку суразмоўца расказаў мне пра жахлівую карупцыю, пра тое, што Крым развіваецца непаслядоўна: элітнае жыллё і гатэлі растуць як грыбы, а для простых турыстаў не робіцца анічога. На развітанне дзядзька пажадаў мне верыць у свае сілы і не апускаць рукі. Што ж, узаемна.

Сеў у цягнік. Мае суседзі — пенсіянеры з унучкай — здзівіліся таму, што я наважыўся ехаць за тысячу кіламетраў адзін. Я і сам сабе дзівіўся, наколькі ўсё гладка прайшло. Заадно паспадзяваўся, што больш так эксперыментаваць не давядзецца. У наступную вандроўку, як усё будзе добра, выправімся нашай падрослай сям'ёй.

Фота аўтара



«…Само існаванне “ARCHE” не пакідае нашу ўладу ў спакоі. Афіцыйны Мінск усімі сіламі хоча прыбраць часопіс з інфармацыйнай прасторы, бо ён накіраваны на фармаванне грамадскай свядомасці. Атрымліваецца, што развіццё інтэлекту — тое, што зусім непатрэбнае беларускім уладам».

Жанна Літвіна

«Выснову з атакі на “ARCHE” можна зрабіць толькі адну: у Беларусі склалася інтэлектуальная эліта, і гэтая эліта мае ў выданні сваё апірышча. Так адбывалася ва ўсіх краінах, дзе нацыянальныя рухі набывалі моц, а потым перамагалі. Гэтак было ў Славакіі, у Чэхіі, іншых дзяржавах. Вакол нацыянальных суполак, выдавецтваў, гурткоў фармавалася эліта, якая ў пэўны час сваімі ідэямі захоплівала большасць грамадства. Мне падаецца, што беларускія ўлады гэта зразумелі і цяпер выкараняюць усе падобныя праявы».

Аляксей Кароль

«Яны робяць усё, каб у Беларусі не фармавалася гістарычная самасвядомасць, у навучальныя ўстановы не вярталася беларуская мова, — гэта проста антыбеларускія сілы.
“ARCHE” — гэта асноўны часопіс выключнага значэння для вяртання беларускасці. Наступ на яго – сур’ёзная пагроза для ўсіх свядомых людзей у краіне. Улада будзе імкнуцца знішчыць яго, але грамадства павінна гэтаму перашкодзіць».

Аляксандр Мілінкевіч

«Сёння — “ARCHE”, а заўтра па той жа схеме — літаратурны часопіс, незалежны штотыднёвік, інтэрнэт-партал і г. д. У гэтай сітуацыі патрэбная салідарнасць усіх інтэлектуалаў і ўсіх журналістаў. І калі гэтая справа задумана для таго, каб знішчыць “ARCHE”, давядзецца звяртацца да інтэлектуалаў, гісторыкаў, філосафаў у розных краінах з заклікамі да салідарнасці і розгаласу пра гэтую справу...»

Андрэй Дынько